

Н.Г. Щербинина

Т
еории
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРСТВА

Учебное пособие

ВСЬ
МИР

Н.Г. Щербинина

Теории ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Учебное пособие

ВЕСЬ
МИР

Издательство
Москва
2004

УДК 316
ББК 66 0/60.56
Щ 64

*Подготовлено при содействии Национального фонда
подготовки кадров в рамках Программы «Совершенствование
преподавания социально-экономических дисциплин в вузах,
Инновационного проекта развития образования».*

Щербинина Н.Г.

Щ 64 Теории политического лидерства Учебное пособие. — Москва.
Издательство «Весь мир», 2004 — 184 с.

ISBN 5-7777-0313-5

Проблема политического лидерства продолжает привлекать пристальное внимание исследователей. При этом сам феномен лидера и лидерства в политике не остается статично заданной величиной и трактуется по-разному. Предмет «Теории политического лидерства» во многом является основополагающим для студентов, изучающих классические дисциплины в политической науке, и новые, связанные с информационным обществом теории. Настоящее учебное пособие предназначено студентам, преподавателям и всем, кого интересует проблема лидера и лидерства в политике.

316УДК
66.0/60.56 ББК

ISBN 5-7777-0313-5

© Щербинина Н.Г.
© Издательство «Весь Мир», 2004

Содержание

Глава 1. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ЛИДЕРСТВА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	5
1. Представление о политическом лидере в античности	5
2. «Государь» Макиавелли	21
3. Культ героев Томаса Карлейля	30
4. Вожаки толпы (Гюстав Лебон)	34
Глава 2. ТИПОЛОГИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА М. ВЕБЕРА И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА	41
1. Типология легитимного господства в системе категорий М. Вебера	41
2. Харизма и харизматический вождь	46
3. Плебисцитарный лидер	51
4. М. Вебер – наш современник	58
Глава 3. КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА	69
1. Понятие политического лидерства	69
2. Лидерство как социальный и групповой феномен	74

3. Составные части лидерства в политике	83
4. Проблема лидерства в политологии	91
5. Лидерство в XXI в.	97

Глава 4. ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛИДЕРСТВА	107
1. Ценностный подход к политике	107
2. Политико-культурное лидерство и переоценка системы ценностей	122
3. Лидер-администратор и проблема ценностей	130
Глава 5. КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА	139
1. Политический лидер как иевротическая личность	139
2. Политический лидер как образ	165
Сведения об авторе	183

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ЛИДЕРСТВА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Политическое лидерство представляет собой универсальный социально-культурный феномен, развивающийся исторически. Но, несмотря на его доминирующее значение в государственной сфере, явление собственно лидерства (как отношения людей) долгое время оказывалось для исследователя заслоненным яркой фигурой политического лидера. До начала XX в науки о лидерстве как таковой не существовало. Однако с помощью наблюдения, описания и интуиции политическая мысль выработала определенные характеристики лидерства в политике, которые понимались как атрибуты лидера. Иначе говоря, политическая мысль формировала динамичное представление о лидере как об активном элементе политической сферы и исторического процесса.

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРЕ В АНТИЧНОСТИ

Глубочайшей потребностью общественного менталитета в Древней Греции было стремление воспитывать и наставлять. Этот феномен назывался «пайдейя». Со времен Гомера воспитание в Древней Греции было уделом тех, кто обладал «арете» (первоначально слово означало «благородство крови», потом философы придали термину иное значение — «благородство души»). У воспитанников старались выработать качества, при-

сущие воинам: физическую силу, мужество, чувство долга, высокое понятие о чести. Великие образцы народных вождей такого типа создавал героический эпос

Гомер. «Илиада» Гомера является поэмой о мужестве воинов и о тех жертвах, которые приносили защитники родины. Стремление к славе поднимало героя-человека на уровень богов. Однако мужество героев поэмы различно, и мифы по-своему классифицируют военных лидеров. Главный герой «Илиады» — Ахиллес. Именно в его образе воплощена вся полнота воинской доблести (сила, порыв, отвага). Другие ахейские вожди — всего лишь слепок с Ахиллеса, копия эталона. Тем не менее мужественные качества воинов проявляются по-разному, именно по критерию мужества мифы и разделяют героев (такую картину героизма скопирует позднее Плутарх). Аякс, к примеру, обладает такими качествами, как мужество и упорство, это доблесть спартамца, которому нельзя отступать по уставу. Диомед же типичный доброволец, битва пьянит его, и он делает больше, чем велит долг. Иначе говоря, Гомер раскрывает глубины человеческих сердец, дает психологические «зарисовки». Так, Ахиллес — это воплощенная молодость, юная сила. Страсти, бушующие в нем, приводят к совершению сильных поступков, одна из наиболее явных его страстей — стремление к власти. Но Ахиллес является вождем полудикого племени, это, пожалуй, самый архаичный тип лидера. Его противником выступает Гектор. Именно Гектора наделяет Гомер чертами подлинного благородства, ведь миф не морализирует, а дает наглядные образцы поведения. Гектор — патриот своего города, настоящий гражданин, исполненный гражданских чувств. Город Троя для него это родина, и он умирает, защищая права жителей этого города. Он уже цивилизован, это такой тип лидера, за которым будущее Греции. Таким образом, в мифологии греки находили для себя универсальные образцы лидерского поведения, которые были сгруппированы и имели привычную архаическую форму.

Софисты. Развитие полиса и его демократический уклад (с присущей ему борьбой за власть) порождали и потребность влиять на решения, которые принимало народное собрание. Поэтому вождь, если он стремился соответствовать своему времени, должен был научиться в совершенстве владеть словом,

чтобы убеждать народ Политической потребности обучения представителей власти отвечали софисты. Они ставили перед собой практическую цель — образовывать государственных мужей и руководителей общества. Основой образования софисты считали интеллект, поэтому главный тип государственного деятеля, которого они готовили, был «ритор» (публичный политик-оратор, завоевывающий доверие и внимание с помощью слов). Главной целью своей деятельности софисты считали обеспечение молодых людей таким образованием, которое помогало бы им быть активными в политике, добиваться власти, становиться лидерами. От естественного воспитания софисты переходили к воспитанию в искусственной среде, теперь речь шла уже об обучении молодежи на профессиональной основе, когда профессионалы-преподаватели готовили профессиональных политиков. Преподавание заключалось в передаче техникологического опыта убеждения и словопрения. Сегодня мы бы назвали совокупность даваемых софистами общих знаний и техники речи «культурой лидерства». Таким образом:

- «арете» уже поималась софистами как компетентность, которая позволяла играть лидерскую роль в жизни полиса;
- этой компетентности можно было обучить, если ученик имел природные задатки и был прилежен в упражнениях.

Сократ. Политической философии античности была присуща тесная взаимосвязь этики и политики. Поскольку политика окончательно еще не выделилась из сферы культуры, то лучшим гражданином считался человек, обладающий моральными качествами. Образование лидера (как активного гражданина) с воспитанием моральных качеств связывал позднее Сократ. Сократ был уверен, что главное это высокоморальное поведение активного гражданина. Для античности, ориентированной на природную модель мира, была свойственна аналогия души и тела. Душа, как и тело, является частью космоса и сама есть космос. Далее аналогия распространялось и на то, что грек называл словом «арете», т. е. добродетель, которую более всего почитали в греческом полисе. Даниая номинация обозначала и храбрость, и рассудительность, и справедливость, и праведность. Все эти совершенства свойственны душе так же, как телу присущи здоровье, сила и красота (справедливость есть здо-

ровые души, а несправедливость — болезнь). Иначе говоря, мораль мыслилась как выражение правильно понятой человеческой природы. К обладанию всеми этими свойствами (в виде духовной симметрии и физической добродетели) человек вполне способен, считал Сократ. Живя в Афинах, «школе Греции», он и занимался воспитанием гражданина полиса, обладающего «добродетелью политической». В деле политического лидерства главное — победа «добра» над «злом», это и есть высшая справедливость, так думали все древние греки

Философ-правитель по Платону. Политическая наука для Платона имела вполне конкретную цель: создание идеального государства. Инструментальную роль в решении этой основной задачи, по замыслу Платона, и должны были сыграть лидеры. В его труде «Государство» мы встречаем знаменитый тезис о том, что для спасения государства философы должны стать царями, а цари философами: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия. . до тех пор... государствам не избавиться от зол, да.. и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно»¹.

Эта мысль не случайно отражена в разделе «Государство», посвященном воспитанию будущих властителей, так как без общественной нравственности невозможно ни исполнение закона, ни соблюдение порядка, ни создание благих институтов. Платон в своем учении о государстве (и о его лидерах) отталкивался от идей Сократа о воспитании гражданина и возражал софистам. Так, в «Государстве» приводится спор софиста Протагора и Сократа. Протагор рассказывает миф о даровании Зевсом всем людям «политической добродетели». Это значит, что все граждане полиса будут равны по своим способностям и все могут на равных принимать участие в управлении государством. Сократ же оспаривает этот тезис Протагора и сомневается в том, что каждый способен научиться добродетели. Добродетель постижима, но не в равной мере для всех, резюмирует он.

¹ Платон Государство // Собр соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 252, 253

У Платона получается в конце концов, что в политике наиболее компетентен философ, а не гражданин, т. е. он дифференцирует политические роли лидера и гражданина. У гражданина «политическая добродетель» присутствует как потенциальное свойство, а политический лидер эту добродетель актуализирует. Гражданство в городе Платона есть вид ремесла (или искусства), а философ обладает креативной функцией в отношении общей добродетели. Значит, искусство мудрецов-правителей универсально и занимает высшую ступень в иерархии ремесел

Согласно Платону «некоторым людям по самой их природе подобает быть философами и правителями государства, а всем прочим надо заниматься не этим, а следовать за теми, кто руководит»². Здесь Платон выделяет сразу две существенные характеристики лидерства как атрибута лидера.

- лидерство в политике есть природное свойство;
- руководитель ведет, а другие следуют за руководителем, управлять и быть управляемым – понятия разные.

Почему политическим лидером является философ? «Государство» исходит из предпосылки, что существует параллель между городом и душой: город должен иметь политическую природу, отвечающую наивысшим потребностям человека. Справедливость – это искусство, но справедливость при этом тождественна философии, таким образом, правление для простых людей будет справедливым лишь в том случае, если правителем будет мудрец. Именно правитель-философ обладает душой, которая способна созерцать идеи-первообразы, ведь только он единственно разумен. Правители-ученые приступают к выполнению своих политических функций после долгих занятий наукой. Вершина науки – диалектика, и она позволяет им созерцать. Идеи выступают как объективные сущности, такие, как благо, красота, справедливость. Эти идеи и есть реальность и истина, но они – удел лидера, а народу преподносятся «царственная ложь», басни и мифы. Отсюда можно сделать вывод, что полнота знаний доступна лишь философам. Объяснение мира своих идей Платон дает с помощью аллегории. Он рисует пещеру, в которой прикованы обычные люди, и потому

² Платон. Государство. С. 253.

пленники видят лишь тени предметов на стене (за которой проносятся изображения этих предметов). Все, что видят узники (т. е. тени), есть мир чувств, иллюзий. А философ (свободный человек) способен созерцать реальность. Философ, по Платону, и видит идеи, так как обладает разумной душой. Идеи в его понимании существуют в чистом виде, это прообразы всего сущего, а предметный мир лишь копирует их. Например, мы совершаем справедливый поступок потому, что есть справедливость как прообраз и потому что наш дух смог ее созерцать. Итак, философ, по Платону, это единственный человек, способный постичь науку о благе. Простые же люди обречены блуждать в мире жалких иллюзий и изменчивых мнений. Таким образом, философ — единственный, кто может вывести слепцов из мрака пещеры, и в этом состоит его подлинно лидерская роль.

Власть мудрости, господство политического разума, согласно Платону, это абсолютное правление. В лучшем государстве будут править те, кто достиг счастья и кто богат добродетелью. Неудивительно в связи с этим, что много места в книге Платона отведено описанию конкретных свойств философской души. Он приходит к выводу, что философу-правителю присущи основные признаки добродетели идеального государства, а любовь к мудрости и познание истины — главные из них, т. е. мудрость и добродетель взаимосвязаны. Среди основных качеств философской личности философ называет мужество, великодушие, понятливость и память. По мнению Платона, человек, обладающий от рождения полным набором достоинств совершенного философа, редкое исключение. Природа философа как таковая требует еще и выучки, значит, природные задатки должны быть искусственно развиты и отшлифованы. В сущности, процесс явления миру «политической добродетели» весьма похож на своеобразно понимаемую социализацию лидера (и сегодня лидер это тот, у кого лучшие успехи в политической социализации). В противном случае, по Платону, может произойти порча «лучшей натуры».

Однако здесь существует проблема: сами философы менее других стремятся к власти. Платон фактически предлагает дополнительные меры. Правители могут выбираться и из элиты стражей, которая в совершенстве постигнет науку гражданской

добродетели. Кроме того, на сцену временно выходит основатель благого города и предлагает справедливые законы

Таким образом:

- Платон рассматривал лидера не самого по себе, а в созданной им модели идеального государства;
- Платон обосновал необходимость единственного (и довольно распространенного в истории политической мысли) типа лидера-мудреца, призванного спасти государство;
- Платон выявил основание политического лидерства, что является отличительным свойством личности (у него это «политическая добродетель», образцом которой и выступает лидер)

Законодатель по Аристотелю. Анализируя различные формы правления, Аристотель ставит вопрос и о принципе правления. Поскольку для древних греков вся культурная деятельность являлась искусством, то политика (как разновидность культуры или ремесла) была искусством государственным. Если конечной целью всех наук и искусств считается благо, то государственным, т. е. высшим благом является справедливость (то, что служит общей пользе). Политика как самая главная из всех искусств и наук в представлении Аристотеля суть управляющее знание и законодательная наука. В конце «Никомаховой этики» философ замечает, что правильное руководство на пути к добродетели (самой значимой ценности античной культуры) может дать лишь закон. И в этом установлении добродетели закон имеет силу принуждения. В «Политике» Аристотель поясняет, что гражданская добродетель заключается в умении и властвовать, и подчиняться. Она слагается из двух добродетелей сразу: нельзя научиться властвовать и править, не научившись подчиняться. Аристотель прибегает к метафоре: подчиненный это как бы мастер, делающий флейты, а правитель — флейтист, играющий на его флейте.

Рассуждая о лучшей форме государственного устройства, он приходит к выводу, что политическое искусство высшего уровня это искусство великого законодателя. Законодатель и дает основание государственному устройству. По примеру своих предшественников Аристотель видит его мудрым наставником. Конечно, с этой ролью лучше справится философ как наиболее просвещенный гражданин. Итак, законодатель

- разрабатывает и принимает законы, формирующие государственный порядок;
- улаживает политические конфликты и выступает судьей в спорах.

Наиболее удачная политическая форма, резюмирует Аристотель, совмещает в себе черты разных режимов (это смешанная форма правления). В ней наблюдается сочетание мудрых законов, созданных великим законодателем и проводимых лучшими членами общества с опорой на народное правление. Таким образом, искусство законодателя и государственного правителя состоит в поисках равновесия между крайностями, где большую роль играют добродетель и мудрость. С помощью справедливых законов лидер должен устроить все таким образом, чтобы никто не выделялся могуществом, правами или богатством, значит, законодателю лучше привлечь к своему предприятию «средних» граждан — не богатых и не бедных.

Метафорически политического руководителя можно сравнить с капитаном корабля, который по долгу службы заботится о пассажирах и об их благе. Аристотель проводит различие между политикой правильной и неправильной: благо государства, по Аристотелю, совпадает с благом его членов, а политика и есть деятельность, направленная на благо каждого. Еще Сократ утверждал, что благо связано с разумом. По Аристотелю же, человек — существо не только общественное и политическое, но и «животное разумное». Аристотель считает, что разумная природа людей и делает их подходящим «материалом» для законодателя-ремесленника.

Благая жизнь в государстве, таким образом, связана с природой и разумом, это жизнь совершенствования добродетели. Поэтому Аристотель (вслед за Платоном) подчеркивает значение общественного воспитания добродетели. «Но самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которыми ныне все пренебрегают, — это воспитание в духе соответствующего государственного строя»³. Насчет того, чему можно учить, Аристотель замечает: «Итак, при наличии добродетели двух [видов], как мыслитель-

³ Аристотель Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. С. 551.

ной, так и нравственной, мыслительная возникает и возрастает преимущественно благодаря обучению и именно потому нуждается в долгом упражнении, а нравственная рождается привычкой»⁴. Правление тем более должно осуществляться добродетельными людьми

В результате, продолжая традицию античной политической философии, Аристотель подчеркивает:

- значение воспитания политической добродетели в гражданстве и лидере;

- место лидера в функциональной гармонии мира политики: «одним всегда властвовать, другим раз навсегда быть в подчинении» («Политика»);

- роль мудреца в качестве политического лидера, но (в отличие от Платона) он прославляет один тип мудрого философа — законодателя и «отца-основателя» государства.

Цицерон. В Древнем Риме политические воззрения продолжали носить моральный характер, но сам взгляд на государство изменился. Так, у Цицерона вместо конструирования неизменной (статичной) идеальной общины описывалось историческое развитие «Ромулова града». Если древние греки считали, что политическое устройство города мог создать один мудрец (Ликург, Солон), то в Древнем Риме появилось представление о том, что ни ума одного человека, ни жизни одного лидера не достаточно для того, чтобы охватить все многообразие политической реальности. Государство, рождаясь, меняется от века к веку, и на каждом его этапе находится великий законодатель, обеспечивающий процветание и дальнейшее развитие государства. Так и Рим длится в веках благодаря сменяющимися друг друга мужам, мудрым и даже божественным. Цицерон связывал рождение государства с обретением духовных ценностей, которые затем, по его мнению, каждый из великих законодателей воплощает в образе нового Рима.

Поэтому, отдавая дань традиционному типу законодателя-мудреца, Цицерон подчеркивает и собственно лидерскую роль правителя общины. Победы римского оружия — это лишь следствие, а причина в наличии гражданской доблести. Вождь

⁴ Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. Т. 4. С. 78.

общины играет в политике такую же роль, как разум в духовной жизни. Великие мужи Рима воздействуют на граждан прежде всего личным примером. Они не доминируют посредством страха, а обращаются к такому чувству граждан, как их честь. Подобное положение дел становится возможным потому, что движущей силой поступков людей, по Цицерону, служит их стремление к славе. При этом слава государственного деятеля больше, чем слава одинокого мыслителя. Стремление правителя к славе тем не менее должно совпадать с интересами республики, а не со своими собственными. Вождь государства, по Цицерону, не суровый владыка, а модератор, умеряющий крайности в обществе, он окружен друзьями мудрыми и справедливыми. Таких вождей в одном поколении должно быть несколько, а не один.

Цицерон обращает особое внимание на нравственные обязанности правителя («Об обязанностях»). Моральный долг правителя заключается в служении государству и заботе о гражданах. При этом правитель обязан следовать принципам «нравственной красоты» (высшему благу), состоящей из таких добродетелей, как познание истины, справедливость, умеренность. Таким образом, согласно Цицерону:

- политическое правление имеет целью моральное совершенствование членов общества;
- правитель должен подавать личный пример гражданской добродетели, постоянно стремясь к славе.

Плутарх. Идея личного примера политического лидера является стержневой и в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Они представляют собой очерки, в которых выведена галерея образов выдающихся мужей Древней Греции и Древнего Рима, персонифицирующих каждый свою эпоху. Древнегреческий мыслитель Плутарх считал себя последователем Платона, но философские абстракции его не привлекали. Не собирался он творить и героическую историю: «Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады горо-

дов. Подобно тому, как художники... добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы»⁵. Это исследование является высшим достижением античного психологического портрета политиков.

Психолого-биографические очерки представляли для своего времени оригинальную форму этического учения в действии. Цель таких «зарисовок» — наставлять читателя на пути его самовосхождения к политической добродетели. Для реализации этой цели Плутарх во главу угла ставил фигуру правителя государства, жизненный путь которого и должен послужить нравственным уроком для гражданина. Собрание биографий знаменитых античных политиков, объединенных в пары для сравнения, не позволяет четко классифицировать их, хотя тут встречаются и знакомые типы «мудрый законодатель», «военный герой», «публичный оратор» и другие. Плутарха интересовали не обобщения, а конкретные процессы формирования и «заковки» личности гражданина, ведущего за собой всю общину. Поэтому он описывал карьерный путь лидера как «полосу» преодоления сложных препятствий; вычленял качества характера и совершаемые в соответствии с ними поступки, оценивал (в компаративном ключе) результаты деятельности политического руководителя.

По мнению Плутарха, природа несовершенна, ведь она создает одновременно и прекрасное, и безобразное. В личности лидера он стремился свести дурное и хорошее в диалектическое единство, подчеркивал, что в одной душе уживались высокий дух и низкие пороки, государственный ум и человеческие слабости. Возьмем для примера «положительного» героя — афинского мудреца Солона. Интересно, что описывается он в соответствии с аристотелевой «матрицей» великого законодателя: община избирает его архонтом для проведения госу-

⁵ Плутарх Александр // Плутарх Избранные жизнеописания в 2т М., 1987 Т II. С. 361, 362

дарственных преобразований и арбитром в социальном конфликте, его политические реформы проникнуты как духом дерзания, так и стремлением к умеренности. Это настоящий лидер: «Он шел впереди, а не его вели другие; он действовал один и большинство важнейших своих начинаний произвел без помощи других». Оценка эта высочайшая, однако Плутарх упрекает величайший ум античности (входящий в перечень «семи мудрецов») в том, что он оставил свои законы «без всякой защиты» и поспешно уехал из Афин. Неудивительно, что своими глазами Солон увидел отмену законов Солона⁶. Теперь обратимся к «отрицательному» персонажу — римскому диктатору Сулле. Это вместилище пороков и кровавый тиран, властвующий с помощью страха. Но, по Плутарху, смягчающим обстоятельством является то, что Сулла сам положил начало своему возвышению и своими замечательными подвигами стяжал у сограждан славу великого полководца. Оба примера скорее исключение, чем правило, поскольку фиксируют резкое преобладание положительных или отрицательных качеств. Герои Плутарха просто совмещают в себе противоположные качества. Так, с одной стороны, Цицерон характеризуется неумным тщеславием, что, по мнению автора, не похвально вообще и невыгодно отличает его от Демосфена в частности. Но, с другой стороны, подавив заговор Катилины, «он подтвердил вещи слова Платона о том, что лишь тогда избавятся государства от зла, когда волею благого случая сойдутся воедино сильная власть, мудрость и справедливость»⁷. Сложность души лидера отражается в его поступках, каждый из которых Плутарх и старался объяснить. Интерпретация событий требует рассмотрения фактов в их взаимодействии, и эта связь ограничена для Плутарха образом мысли и рамками жизни одного человека. В таком жизненном процессе есть своя внутренняя логика и внешнее развитие. Александр Македонский, к примеру, изначально имел установку на царскую власть: «Еще в детские го-

⁶ Плутарх. Солон и Попликола [Сопоставление] // Плутарх. Указ. соч. Т I. С 213.

⁷ Плутарх. Демосфен и Цицерон [Сопоставление] // Плутарх. Указ. соч. Т II. С 567.

ды обнаружилась его воздержанность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным». При этом Александр как подлинный лидер считал, что, «чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам»⁸. Итак, будущего героя привлекали не удовольствия, а битвы и слава. Как античный лидер Александр любил чтение книг, тем более что тягу к философии ему привил сам Аристотель. В двадцать лет он занял отцовский трон и оказался в окружении врагов, вследствие чего и закалился его характер правителя. Однако далее, создав огромную империю, Александр внутренне по-человечески меняется. Плутарх рисует его умеренность, с одной стороны, и тягу к пьянству, с другой, а также заботливость к друзьям и вспыльчивость. Со временем власть императора развращает скромного царя-вониа: он становится хвастуном, приближает льстецов, все более увлекается пирами. В конце концов Александр и его окружение из-за своей любви к варварской роскоши становятся похожими на врагов-персов, т. е. в некотором смысле превращаются в противоположность себе. Мы можем рискнуть и предложить метафору: распад души лидера предопределил развал империи Александра Великого.

Диалектика другого рода заключена в судьбе Цезаря, не имевшего титула императора, но приобретшего неограниченную власть. Цезарь обладал двумя талантами: он был вторым оратором своего времени и проявил себя блестящим военачальником. Этими дарами судьбы (которые он еще и культивировал в себе) Цезарь манипулировал с тайной целью получения единой власти. Плутарх подробно показывает, как Цезарь систематически воздействовал на римскую общину для завоевания сторонников, как он лавировал и использовал благоприятную ситуацию. Цезарь стремился стать первым во что бы то ни стало, и в этом заключалась его внутренняя сущность. Это лидер, формирующий свою власть, он мастер тактики. Но одновременно Цезарь и политик, носящий необходимую ему маску,

⁸ Плутарх. Александр // Плутарх. Указ. соч. Т. II. С. 364, 365.

его внешний облик связывался с веселыми пирами и раздачей подарков народу. Лучшее, что было в Цезаре, — его воинская доблесть, считал Плутарх: «Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей». При этом он был харизматическим вождем в армии и «пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличались, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря»⁹. В конце концов римляне пожизненно избрали Цезаря диктатором, чтобы избавиться от бедствий, приносимых гражданской войной. Плутарх оценивал этот шаг Цезаря как установление формальной тирании, вслед за которым последовали и чрезмерные почести, подобающие богу, а не человеку. Но мотивация поступков Цезаря не имела ничего общего с жаждой власти: «Многочисленные успехи не были для деятельной натуры Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе. . Это было некое соревнование с самим собой...»¹⁰ Перед нами яркий пример мотива самовыражения, когда власть понимается как состязание, даже как игра, и как достижение результата. Плутарх завершил данный биографический очерк таким резюме: Цезарь не успел воспользоваться властью, к которой стремился всю жизнь. Пример Цезаря, в сущности, парадоксален: задатки лидера привели его к искомой цели, но сама природа неограниченной власти (нарушение равновесия в сторону крайности) не оставила у победившего властителя сторонников, определила всеобщую ненависть к нему и успех заговорщиков. Цезарь, по Плутарху, — счастливый политик, создающий власть и образец лидерства, однако он не лучший тип правителя как такового.

Плутарх писал художественно и занимательно, но делал это не для пустой забавы. Плутарх был глубоким мыслителем-моралистом, видевшим в своих персонажах примеры положительные или отрицательные, а также олицетворение тех или

⁹ Плутарх. Цезарь // Плутарх. Указ соч. Т II С 448, 449

¹⁰ Там же С 483

иных нравственных принципов (или персонификацию их отсутствия). Подобный нормативный подход к политике выражался у Плутарха в идеализации лидера как квинтэссенции руководства. А поскольку описанием этих биографий он преследовал цель выявления образцов поведения, то нравственное и прекрасное он изображает с максимальной полнотой, а отмечаемые недостатки старался по возможности не выпячивать. Ему по душе архаически суровые нравы и законы древней Спарты, создающие условия для расцвета благой монархии, воспитывающей высокую добродетель. Поэтому любимым героем Плутарха был Ликург, который (в отличие от идеального проекта Платона) «произвел на свет действительное и неподражаемое государственное устройство и сделал из своих сограждан целый город философов»¹¹. Ликург не только сам обладал добродетелью, но и действия его были направлены на воспитание сограждан. Человеку нужно помогать в движении его ума к добру считал автор, потому читателя необходимо наставлять (а не разочаровывать) и вести по пути исправления нравов. Итак, Плутарх предлагал нравственные образцы, которых следует держаться и которым следует подражать. Он старался заглянуть в душу своим героям и постичь некие общечеловеческие свойства, которые одновременно присущи прошлому, настоящему и будущему. В этом и состоит значение исторического опыта: история живет в лидерах, — полагал Плутарх. Поэтому добродетели и пороки древних мужей останутся примером для всех времен.

Однако Плутарх не считал, что добродетель дается исключительно от рождения и лишь по воле богов, потому вслед за Платоном и Аристотелем ведущую роль он отводил воспитанию, главная цель которого — исправление нравов. Именно недостатками воспитания он объяснял ошибки и негативные явления в политическом руководстве. Политический лидер, по Плутарху, это гражданин, взрастивший в себе необходимые добродетели и усмиривший страсти. Следуя традициям античности, Плутарх вообще выступал против крайностей, он за умеренность во всем и в чувствах гражданина, и в формах

¹¹ Плутарх Ликург // Плутарх. Указ соч. Т I С 124

правления, при этом осуждал и деспотов, и народных вожakov, питающих страстям толпы. Плутарх создавал культ гражданской добродетели, где олицетворенной нравственной ценностью, образцовым гражданином становился лидер-правитель. Таким образом, его жизнеописания великих людей:

- служили оригинальным вдохновляющим и дидактическим пособием, обучающим правителей лидерству через путь нравственного совершенствования собственной личности (нравственный аутотренинг),

- предлагали модель гражданского общественного воспитания через подражание политическому лидеру как этическому поведенческому образцу (ведь источник правильных действий лидера — добродетель);

- актуализировали интерес к личности политического лидера (исследовали внутренние механизмы руководства и властвования).

Гай Светоний Транквилл. В противоположность творчеству Плутарха, которого интересовали законы человеческой души и психологическая последовательность действий лидеров, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла — это своего рода «опись» жизни римских императоров. Биография в понимании Светония есть механическое перечисление фактов и примеров (рассортированных по разделам, рубрикам, пунктам). Круг проблем здесь ограничен жесткой матрицей этапов правления, а состав вопросов постоянен (здоровье, характер, привычки, интересы, образ жизни и частная жизнь как дополнение к государственной деятельности и т. д.). При этом портреты императоров даются вне контекста, нет исторического фона, хронологической последовательности и логической связи. Светоний в отличие от Плутарха не брал в расчет мотивы поступков, не интересовался тем, как противоположные качества уживаются в одной личности, для него важны были готовый результат и внешняя сторона события. Для оценки финальных итогов действий он и делил весь материал на два блока, как бы взвешивая количество «плюсов» и «минусов». Это воистину формальное разделение на «добро» и «зло», поскольку Светоний пользовался заведомо тенденциозными источниками (прижизненными панегириками и посмертными сатирами). Вся эта

эмпирика (россыпь отчлененных друг от друга фактов) формально структурировалась (размещалась в изолированных ячейках, как в словаре), а затем сопоставлялась с идеальным образом по принципу сравнения пунктов в аналогичной рубрике (можно узнать, к примеру, какой император самый жестокий, у кого было больше любовных похождений, кто был толще и т. п.). Идеальным властителем для Светония оказался Август, человек с недостатками, но благодетельный правитель, а его антиподом — Цезарь, великий человек, но правитель пагубный. Критериями «благого» или «дурного» правления для Светония выступали общепринятые оценки, приговор истории он полагал окончательным (истина явилась миру, а ошибки не повторятся). Итак, Светоний не ставил цель поучать читателя, он заботился о занимательности биографий. Интерес к мельчайшим деталям августейшей жизни был у него ориентирован на «потребу» публики, желающей знать об императоре «все». Таким образом, Светоний:

- с одной стороны, чужд идее лидерства (отношению властителя с последователями, в котором политический лидер это вождь, ведущий армию в бой; мудрец, предлагающий благое государственное устройство; правитель, являющийся нравственным эталоном);

- с другой стороны, разработал оригинальную форму портрета официального правителя императорского Рима (в основу которого положен принцип механической классификации биографических фактов).

2. «ГОСУДАРЬ» МАКИАВЕЛЛИ

С Никколо Макиавелли, мыслителя из Флоренции, начинается современное понимание политики. Творчество Макиавелли приходится на эпоху Возрождения с ее приматом личности как культурной ценности. Таким образом, теоцентризм Средневековья (с господствующим представлением о божественном основании власти) заменяется антропоцентризмом. Здесь человек-суверен, обладающий полностью автономным, активным разумом и эмансипированной волей, заступает на место

творца, а в ведении Бога остается нравственная сфера. Это время характеризовалось развитием гуманистических взглядов, но общекультурный подъем соседствовал с великой охотой на ведьм, т. е. с верой в реальность зла. Макиавелли вообще считал, что политика Ватикана пагубна для Италии, а следование высокому устремлению библейских принципов привело к гигантской несправедливости — благочестивой жестокости инквизиции в Испании. Поэтому Макиавелли и склонялся к утилитаризму: надо было думать не о спасении (Божьем Граде), а об отечестве (Граде Земли). В период перемен изменялся и характер государства, и хотя национальное государство находилось еще лишь в начале своего формирования, однако Макиавелли уже обозначал его в качестве центральной политической ценности эпохи. Этому новому государству, понимаемому как новая благая цель, и должен был служить правитель, должен был сохранять его и укреплять.

Трактат Макиавелли «Государь» (написанный в 1513 г. и опубликованный лишь после смерти автора в 1532 г.) вводит читателя в новый мир политики. Написан он так, как будто не существовало средневековой философской традиции, и неудивительно, что после столь длительного перерыва, прошедшего со времени императорского Рима, здесь вновь поднимается проблема лидерства. Новый государственный феномен должен, по мысли Макиавелли, возглавить и новый властитель. Макиавелли обращается к античным политическим образцам и полагает лучшей формой правления республику римского типа. Поэтому его новый властитель не император, не царь или султан, а *princeps*. На русский язык «*princeps*» переводится как «государь» или «князь», но значение перевода неточно. Понятие «*princeps*» сложное, оно образовано от латинских слов «первый» и «захватить». В результате получается новое значение — «первый, кто захватил политическую власть», т. е. сама этимология понятия указывает на иной в сравнении с традиционным монархом тип властителя (но имеющий античный прототип «первого гражданина Рима» — старой формулы, в которую облеклась единоличная власть Августа). Новые государственные образования, по Макиавелли, учреждались обычно двумя путями: либо с помощью доблести, либо благодаря

судьбе. В те времена мистическое понятие судьбы обладало могуществом (поскольку культура возвращалась к античному наследию), но это был не слепой рок, ведь человек мог противостоять своей судьбе. Так, новый государь Макиавелли — это одновременно и человек фортуны, и человек, обладающий свободой воли. «Однако, дабы не была утрачена наша свободная воля, можно, думается мне, считать за правду, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она представляет нам самим. Я уподобляю судьбу одной из тех разрушительных рек, которые, разъярившись, заливают долины, валют деревья и здания... И хотя это так, оно все же не значит, чтобы люди в спокойные времена не могли принимать меры заранее, строя заграждения и плотины...»¹² Смысл этой цитаты в том, что доблесть человека направляет поток фортуны в нужное русло. Деятельный государь подобного склада не обязательно приходит из высших слоев общества. Макиавелли писал, что им мог стать любой итальянец, обладающий выдающимися личными качествами («доблестью»), которые покорят народ. Таким образом, речь идет об экстраординарной личности, добывающей власть посредством проявления качеств лидера и удерживающей эту власть. Новый государь Макиавелли, бесспорно, решительный и жесткий лидер (типа Цезаря Борджа), он резко отличается от античных образцов мудрого законодателя, военного героя и даже благородного тирана. Для государя власть — инструментальная ценность в подчинении главной ценности — цели (государству).

Новизна этого типа состояла в следующем: государь есть воплощение инициативного лидерства, он дерзкий и отважный, а жажда славы есть его движущая сила. Государь не только захватывает власть, но и вообще нападает первым (Макиавелли пишет, что войны все равно не избежать, а завоевание само по себе — явление вполне естественное).

Говоря о «Государе», нельзя не остановиться хотя бы в самом общем плане на оценке Макиавелли исследователями на-

¹² Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 103.

стоящего времени. Среди современных оценок можно выделить два основных подхода. Начнем с более эмоциональной позиции, имеющей целью заклеить Макиавелли как новатора. Главное, идеологическое, обвинение заключается в том, что Макиавелли сам встает на сторону тирана и советует политическому лидеру использовать диктаторские средства. Затем обличение переходит в теоретическую плоскость: аморальный мир Макиавелли-писателя противопоставляется моральной античной и средневековой традиции рассмотрения политики. Философов-критиков особенно возмущает то, что нарушены привычные взаимоотношения между политикой и злом, что изменен смысл понятий «добродетель» и «мудрость». До Макиавелли среди политических мыслителей существовал консенсус: цель политической жизни есть добродетель. Макиавелли не только оправдывает зло в политике, но и, по мнению оппонентов, выступает воспитателем генерации новых политиков, государей нового типа. Итак, Макиавелли не просто писатель, он своего рода пророк нового морального (или аморального?) кодекса, пропагандист собственного учения о государе-тиране. Понятие «добродетель» у него меняет свое классическое значение и сливается с качествами, необходимыми для реализации лидерской цели. С помощью такого приема Макиавелли сознательно занижает стандарты политического действия и даже не упоминает об общественном благе, отличном от интересов монарха. Иначе говоря, все, что делается в целях государя, — благо, цель оправдывает средства. Таким образом, государь Макиавелли может обмануть и остаться при этом хорошим правителем, жестокость мер оправдывается необходимостью их применения, значит, несправедливость внутренне присуща политике. Если политика есть техника, по Макиавелли, то эффективное зло способно быть выше блага.

На очевидное новаторство философии Макиавелли можно взглянуть и под другим углом зрения. Он противопоставляет понятия воображаемые и понятия, действительно существующие, т. е. противопоставляет анализ античной и христианской философии своему собственному видению. Так уж повелось, считает он, что реальные способы действия в политике

не всегда добродетельны, а чаще просто злы. Поэтому Макиавелли решительно рвет с традиционной идеей о том, что государь должен жить и править добродетельно (с этой фикцией), и совершает свою «моральную революцию». Поэтому его новый государь ориентирован на достижение реальной цели (на то, что реально и действительно преследуется людьми), и он использует для этого все необходимые средства. Поскольку невозможно определить благо общества в терминах добродетели (порядок здесь обратный), значит, под общественным благом понимается то, что на деле определяет жизнь общества. Так действительная цель начинает играть роль общего блага, а добродетельным оказывается все то, что делается во имя достижения реальной цели. (Примерами подобных целей могут служить освобождение от иноземного господства, правление закона, слава государства и т. п.) В сущности, речь идет о рациональном (модернистском) типе устройства мира политики, где политическая проблема имеет рациональное решение. Государь Макиавелли, следовательно, стоит вне морали, он — политический реалист. Макиавелли решал вопрос о соотношении политических целей и средств таким образом, что во имя государства-цели государь не останавливается перед использованием любых политических средств. Настоящий государь, по Макиавелли, должен создать сильное, процветающее государство, и он будет в ответе за судьбу созданного государства. Это, собственно, феноменологический подход к концепции политики (не идеальная модель, а всего лишь факты, явления, феномены). Реальность же для него в том, что обычный человек далек от праведной жизни и не может собой руководить, а государь-реалист есть образец политической эффективности — он не только знает цель, но и использует лишь необходимые средства. Подходя к управлению чисто технологически, государь в каком-то смысле избегает крайностей (о «неразборчивости» в средствах речь не идет, Макиавелли призывает лишь не закрывать глаза на реальность). С одной стороны, властитель не должен быть беспомощным губителем государства, а, с другой, он не должен становиться зарвавшимся и озверевшим от крови тираном. Значит, средства должны быть достаточно жесткими для

данной ситуации и четко «отмеренными»: не меньше, но и не больше.

Таким образом, специальным объектом исследования для писателя становится личность нового государя. Макиавелли приводит многочисленные примеры поступков реальных правителей, но, разбирая их, создает еще один слой, или измерение, уже самого феномена политического руководства. Каков же этот его гипотетический государь? Можно условно выделить ряд направлений, по которым Макиавелли рассматривает феномен лидерства.

Новый государь как властитель. Макиавелли исследует проблему завоевания, удержания и использования государственной власти новым государем. Конкретные рекомендации по решению властных проблем лидера Макиавелли дает с учетом типологии княжеств (наследственных, смешанных, новых, например, гражданских; церковных). Причем он советует осуществлять по возможности прямое лидерство и использовать, когда это необходимо, метод принуждения (если перед человеком не стоит естественная цель, то ее перед ним необходимо поставить). Но Макиавелли рекомендует сочетать силу с психологическим подходом. при выборе нового режима правления государь должен учитывать народные традиции, стереотипы и устоявшиеся образцы политических ориентаций.

Лидер и сторонники. Государь приобретает власть благодаря расположению народа и знати. Макиавелли делает вывод, что тактически выгоднее опираться на народ, а не на знатных людей, так как именно среди знати из-за ее близости к государю появляются его соперники, и знать составляет заговоры против власти. К знатным слоям общества необходимо относиться дифференцированно. тех, кто предан, почитать, а того, кто «не примыкает», разделять на категории. Если «не примкнувшие» просто нерешительны, то их можно использовать, например, в качестве советников; но если они отъявленные честолюбцы, то их надо опасаться как врагов. Народ же менее опасен, поскольку от власти отдален, и, кроме того, его легко нейтрализовать, превратив его лояльных представителей в новых знатных вельмож. Для улаживания споров между знатью и народом полезно использовать парламент, сделав его своего рода арбит-

ражным учреждением в системе сторонников лидера для отвлечения недовольных высказываний с персоны государя на него

Лидер и советники. В вопросе отношения к советникам государь должен жестко контролировать ситуацию надо отбить у советников охоту давать советы по своему почину. Вообще, по мнению Макиавелли, каков правитель, таковы и советники, ведь инициатива всегда исходит от государя

Развернутые рекомендации далее сводятся к тому, что:

- нельзя допускать, чтобы советник стал соперником государя (не опасен «умный» советник, а критерий отбора — выгода государя);

- надо отдавать должное советнику и обязательно хорошо оплачивать его труд, чтобы советник не воровал;

- необходимо опасаться льстецов, так как они скрывают информацию (в результате неосведомленный государь может вызывать лишь презрение), поэтому советник должен иметь возможность говорить правду;

- государю стоит делать вид, что все полученные советы нравятся, но принимать решение должен государь единолично;

- лучше иметь как можно более узкий круг советников, чтобы избежать колебания мнений.

Образ государя. Здесь Макиавелли предлагает шокирующую максиму: кто исповедует в политике веру в добро, тот погибнет. Автор исходит из того посыла, что человек от природы эгоистичен, никто не может быть полностью добродетельным, да и государь не способен объединять в себе лишь одни положительные качества. Поэтому государю, желающему удержать власть, надо научиться быть недобродетельным. Князь вообще должен избегать только тех пороков, которые могут лишить его государства, остальных же недостатков можно не страшиться. За этим вступлением следует знаменитое рассуждение о конкретных личных качествах государя, известное как «политический макиавеллизм» (разрыв между политикой и этикой)

Автор также определяет, какие личные свойства полезны государю, а какие вредны

- *Щедрость и бережливость* Излишняя щедрость правителя ведет к расточительности, и князь вынужден хищнически

обирать своих подданных, поэтому лучше прослать скупцом, чем хищником.

- *Жестокость и милосердие.* Проявлять одновременно и то и другое трудно. Страх надо внушить в любом случае, это более прочное чувство, но оно ни в коем случае не должно вызывать ненависти. (Макиавелли цинично замечает, что безопаснее пролить кровь, чем трогать имущество подданных.) Считается, что любят люди сами по себе, а боятся по воле властителя, поэтому мудрый государь опирается на те качества, проявление которых зависит от него.

- *Княжеское слово.* Здесь следует самое знаменитое рассуждение Макиавелли о львах и лисицах, т. е. о сильных и хитрых властителях. Государю выгоднее быть лисицей, значит, и слово он держать не обязан. Но лисью суть надо скрывать и, нарушая слово, ссылаться на благовидный предлог. (Фактически Макиавелли предлагает типологию лидеров, основанную на разнице в стиле поведения.)

- *Презрение и ненависть.* Если презрение и ненависть подчиненных постигли князя, то надо ждать заговора, а средством против измен могут служить уважение и любовь подданных.

- *Почтение к государю.* Такое чувство весьма желательно. Почтение внушают совершения великих дел, демонстрация щедрости, прямота действий.

Понятие «нимиджа» государя. Не употребляя сам термин. Макиавелли придает большое значение тому, что сегодня называется искусственно сформированным образом лидера. Для достижения успеха государю важно, как считал Макиавелли, не быть, а слыть добродетельным, ведь главное — это видимость добродетели. Мнение толпы в деле формирования образа государя весьма существенно, поэтому надо создавать славу «великого человека». Здесь Макиавелли употребляет термин «великий человек» не в качестве отличительной характеристики явления лидерства, а как пример эффективного образа политика.

Резюмируя, можно отметить:

- «Государь» по форме принадлежит к литературе учительского жанра (наставление по искусству управления), но по содержанию это искусство превращено в технику властвования.

В современном понимании книга Макиавелли есть технологическое пособие, демонстрирующее инструментальное отношение к политике (где все зависит от факта, а он либо средство, либо препятствие, т. е. выбор метода отвечает критерию эффективности).

- Макиавелли выводит своего нового князя за сферу морали и создает «чистое технологическое поле» власти. Конечно, это тип сильной власти и жесткого руководства, не случайно книга Макиавелли сначала стала пользоваться успехом в эпоху абсолютизма, а затем и в период тоталитаризма. Однако тенденция разделения политики и морали продолжилась не только в политической практике, но и в исследованиях рационального типа поведения (М. Вебер), и в системном подходе к менеджменту (Г. Саймон).

- Макиавелли внес значительный вклад в развитие идеи лидерства в политике, и понимал он ее по-своему. Он не пытался найти новый тип политического деятеля или определить роль личности в истории, а стремился выявить пределы власти, сформулировать закономерности политического режима, заложить основы политической техники управления. Автор ставил вопрос о новых формах политического руководства и делал выводы об эффективных методах управления

- Макиавелли акцентировал различие между правителями и управляемыми на основании того, что только первые способны воспринять новую науку об управлении. Неслучайно подобная градация нашла развитие в социологическом подходе, рассматривающем властную элиту как «политических управленцев» независимо от их моральных качеств (Моска, Миллс, Лассуэлл).

В XVII и XVIII вв своей главной задачей политические мыслители видели реорганизацию старых учреждений власти и создание таких институтов, которые ограничивали бы единоличную власть правителя. Современная философия не занималась добродетелями лидеров, она полагалась на добродетели системы. В отношении будущего философы охотнее обсуждали нормы правления, нежели самих правителей. В вопросах создания моделей новых идеальных обществ политическому лидерству отводилась более чем скромная роль. Тема политичес-

кого лидерства как специальная проблема была снова актуализирована лишь в XIX в

3. КУЛЬТ ГЕРОЕВ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ

Знаменательно само название книги Томаса Карлейля — «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), говорящее о ведущей роли героического лидерства. Структура книги дает категорическую градацию героев: бог, пророк, поэт, пастырь, писатель и вождь. Но разделение здесь не классификационное, поскольку речь идет об одном типе лидера — о герое. Кто же такой лидер-герой в понимании Карлейля, и каково его предназначение в истории?

Автор подходит к проблеме социально-политического лидерства с позиций историка и моралиста. Явление лидерства для него развивается в историческом времени, и рассматривается оно с ценностной точки зрения. Изначальная форма героизма для автора — это герой-божество, и отношение к нему определяется как поклонение. «Почитание героя — это есть трансцендентное удивление перед великим человеком. Я говорю, что великие люди — удивительные люди до сих пор; я говорю, что, в сущности, нет ничего другого удивительного!»¹³ Карлейль утверждает, что жизненный путь знаменитостей есть политическая ценность на все времена, вследствие чего история представляет собой совокупную биографию великих людей. История делится на периоды в соответствии с фазами культа героев. Первая фаза ушла безвозвратно, а вторая озаглавлена поклонением герою-пророку, богом вдохновленному человеку. Таким образом, явление почитания героев постоянно меняет свою форму, и каждая эпоха должна лишь актуализировать подходящую форму. В терминах современности герой Карлейля напоминает «архетип» эпохи, это универсальная форма, наполняющаяся адекватным конкретным содержанием.

¹³ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 14

Герои-боги и герои-пророки это есть продукты древних веков и примитивных культур. Зато герой-поэт, по Карлейлю, принадлежит всем эпохам. Поэт в то же самое время и политик, и мыслитель, и законодатель, и философ. Получается, что великий человек как бы убывает в своей значимости от эпохи к эпохе: от бога к гениальному человеку. Но вот появляется герой-пастырь, тоже своего рода пророк. Он духовный вождь и духовный король народа, так как ведет свой народ в Царствие Небесное. Он глас небес, но в отличие от пророка, внушающего благоговейный ужас, светит ровным сиянием в повседневной жизни. Поэтому, начиная с Лютера, считал Карлейль, протестантизм подготовил мир настоящих поклонников героев, т. е. целый мир героев. И, конечно, Шотландия (с ее кельтизмом) для Карлейля — «нация героев». Этическому правоверному миру пуританства у него противостоят негероичность, безбожие и скептицизм эпохи Просвещения. Но, как бы то ни было, все описанное выше для Карлейля в прошлом, а живой категорией героизма новых веков выступает героинистка. Парадокс состоит в том, что оригинальный современный лидер (т. е. настоящий герой), согласно Карлейлю, консерватор, приверженец старины и соблюдающий обычаи. И, наконец, последняя форма героизма — вождь, «величайший из великих». Вождь на деле воплощает в себе и пастыря, и учителя, и все земные и духовные достоинства. Это практический наставник людей, повелевающий ежечасно и указывающий, что надо делать. Примерами лидеров-вождей выступают у него Кромвель и Наполеон, которые противопоставляются друг другу. Кромвель, согласно Карлейлю, отвечает двум пуританским идеалам: во-первых, он «жил молчаливым» (молчание как концентрация ума противопоставляется пустой игре слов), во-вторых, его героизм — это «доблесть, отвага и способность делать» (настоящий герой это труженик, первый рабочий). Наполеон же, этот король в современном духе, «неискренен» и потому являет собой «чудовищную помесь героя с шарлатаном».

Карлейль полагал культ героев имманентным природе лидерства как такового. Герой, по Карлейлю, олицетворяет универсальный принцип сакральности, пронизывающий историю

благодаря особому типу культурного поведения — почитанию героев. Великий человек отличается от обычных людей наличием ряда характеристик, и автор считает, что лидерство является следствием обладания таких особых личностных свойств, как искренность, оригинальность и гениальность. Герой несет миру откровение, он призван осветить все светом нового истинного знания, ведь настоящее знание возникает лишь в процессе поклонения. Его миссия — сделать истину понятной для нас, так как именно герой проникает в сущность вещей. Карлейль имеет в виду не обстоятельный (широкий) научный поиск, а интуитивное (узконаправленное) знание. Например, Шекспир как великий поэт различает всю внутреннюю структуру предметов, гармонию вещей. Герой-лидер послан как молния с неба, чтобы воспламенить других. Большое место в связи с этим Карлейль отводит религии, которая пробуждает героизм, дремлющий в душе каждого человека, кроме того, религия заботится о моральном «я» человека. Но главная особенность великого человека, по Карлейлю, в том, что он велик. Это не просто идея харизматического лидера, но и идея лидерства как базиса земного мироздания. Лидер Карлейля одновременно и изначальное начало истории, и стержень легитимного социального порядка. Люди в таком концепте лидерства объединяются в общество посредством культа вождя, а политическая власть представляет собой героархию (правление героев). Все социальные процессы сводятся, таким образом, к открытию предмета поклонения, обладающего соответствующими способностями, и к обличению предмета «символами способностей»: величием достойнейшего, саном короля, званием властелина. Все революции, биллы о реформах и парламентские предложения, по мнению писателя, имплицитно стремятся лишь к избранию самого способного к руководству. Подлинно нравственное дело всегда тесно связано с «управлением — повиновением», таков божественный закон. Подданные, резюмирует Карлейль, не могут ничего сделать без короля, а король без подданных способен действовать, так он квалифицирует лидерство не как отношение людей, а как наличие самого лидера.

Таким образом, идея лидерства для Карлейля это идея философская. Но писатель не создает абстрактных категорий и не

увлекается логическими выкладками. Философия истории, по Карлейлю, есть хилиазм, Царство Божие на земле, а герой здесь спаситель, новый мессия, готовый принять мученический венец. В этом смысле история конципируется в категориях-символах, описывается образно и в образах. Символом, обозначающим ноумен истории (т. е. предмет интеллектуального созерцания), и является герой как воплощение искры божьей. Речь здесь идет о механизме сверхприродного вмешательства в земную жизнь: мир обновляется чудесным образом посредством героического действия. Поэтому лидерство осмысливается как творческий акт, креатив, животворящий нерв истории. Это одновременно и индивидуалистический взгляд (характерный для английской мысли), доведенный до крайности. Понимаемая именно так личность, лидер-герой является воистину суперценностью в историческом измерении, во всех своих инос-тасях это человек не от мира сего. А его символические образы неизбежно энергетичны — «молния», «огонь», «светоч» и т. п. Хилиазм вообще это форма абсолютного в истории, а герой Карлейля — форма истории, включающая метафизическую суть. Абсолютное содержание вещей лежит в трансцендентной области, потому знание (которым может обладать лишь подобный лидер) сродни прозрению. «Герой — тот, кто живет во внутренней сфере вещей, в истинном, божественном, вечном, существующем всегда, хотя и незримо для большинства, под оболочкой временного и пошлого: его существо там; высказываясь, он возвещает вовне этот внутренний мир поступком или словом, как придется»¹⁴. Итак, лидерское действие, по Карлейлю, это проповедь, выраженная страстным словом или безмолвным примером труда, а эффективное политическое действие масс есть поклонение герою, соблюдение культа верховного вождя. «Почитание героев... глубоко врезывается в тайну путей, которыми идет человечество в этом мире, и в тайну его самых жизненных интересов»¹⁵. Таким образом, герой Карлейля имеет дело с тайной бытия, транслируя искомое человеком цельное мировидение, к которому стремится как сакрализован-

¹⁴ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. С. 127

¹⁵ Там же. С. 198.

ное универсалистское сознание, так и мистическое коллективное, бессознательное.

В результате можно отметить, что Т. Карлейль:

- в духе модерна считал великого человека фактором исторического прогресса;
- развил традиционную идею лидерства как атрибута харизматического лидера (без употребления самого термина «харизма»);
- высказал гипотезу, что свойство политического руководства сообщается лидеру особыми чертами его характера.

4. ВОЖАКИ ТОЛПЫ (ГЮСТАВ ЛЕБОН)

В конце XIX в. появилась знаменитая книга Г. Лебона «Психология толп». Весь ее полемический пафос зиждется на двух идеологических позициях. Во-первых, это неприятие эгалитаризма просветителей, приведшего, по мнению Лебона, к Французской революции 1789 г., а затем и к современному ему социализму. Во-вторых, это элитизм, явившийся следствием этой неприязни Лебона. Такой общий взгляд на мир политики обусловил авторскую теоретическую концепцию социальной структуры как иерархии рас (т. е. национальностей). История, согласно Лебону, это лишь смена культурного доминирования рас, а основным фактором исторического процесса выступают неизменные законы, вытекающие из особенностей души конкретной расы. Душевный строй рас, а Лебон являлся сторонником биологической детерминации психики, задает характер каждой цивилизации (веру, учреждения, искусства). Свое учение об исторических расах — высших и низших — он противопоставлял идее просветителей об улучшении государственных институтов. Что подходит одной расе, вредно другой, считал Лебон. Чтобы реформировать учреждения, нужно переделать душу расы, а это практически невозможно, предполагал он.

На основании данных политических представлений и собственных научных построений Лебон и рассматривает роль великих людей в развитии цивилизаций. К постановке этого вопроса его подвигла распространенная в XIX в. вера в прогресс. Исторический прогресс, в частности, понимался как

поступательное движение мышления, поэтому Лебон и обращался сначала к великим мыслителям. Сразу становилось ясно, что цивилизованный народ обладает неким «небольшим отбором выдающихся людей», который воплощает силу расы; именно «отбору» человечество и обязано своим прогрессом. Итак, подытоживает Лебон, роль великих людей в развитии цивилизации значительна, но она совсем иная, нежели принято полагать: великие люди лишь синтезируют то, что создается всей расой. Получается, что они не лидеры-одиночки. От великих мыслителей Лебон переходит к рассуждениям о великих государственных деятелях. Здесь он возражает Карлейлю, который пытался представить политиков полубогами, изменявшими судьбы народов силой своей гениальности. По мнению Лебона, политическая роль их не более самостоятельна, чем роль великих изобретателей. Лебон подчеркивал амбивалентность возможностей великих политических деятелей. С одной стороны, считал он, они обладают огромной разрушительной силой и могут уничтожить людей, города, империи. Но, с другой стороны, их влияние продолжается до тех пор, пока «они умеют направлять свои усилия в духе потребностей эпохи». «В политике настоящие великие люди — те, которые предвидят зарождающиеся потребности, события, подготовленные прошлым, и указывают путь, которого следует держаться»¹⁶. В сущности, Лебон верит в некий детерминизм, говоря о «роковых условиях эволюции». Великие политики тоже лишь «синтезаторы», жестко детерминированные объективной необходимостью. Лидерство здесь не понимается как прямое влияние руководителя, это некая символическая роль узкого круга представителей «лучшей культурной породы», своего рода коллективное стратегическое лидерство.

В соответствии со сферами приложения сил преобладают и два типа великих людей — «мыслители» и «фанатики». Мудрец, по Лебону, чурается политики, зато фанатик с его ограниченным умом и энергичным характером основывает религии и империи, поднимает массы. Фанатик, обычно страдающий

¹⁶ Лебон Г. Психология толп. М., 1998. С. 109

галлюцинациями, бессознательно воплощает в себе идеал расы и времени, он творец истории. Итак, мы видим, что великий политик Лебона действует интуитивно и даже невольно, но это уже не светлый герой с его духовной «зоркостью», а игрушка в руках темных и бессознательных сил. Вождь народа воплощает мечтания масс, поэтому идеи, которые он несет миру, как правило, химеры. Но подобные идеи, являясь предметом слепой веры, и руководят этим миром. Именно в погоне за иллюзиями человечество прогрессировало из состояния варварства к современной цивилизации. Таким образом, иллюзии — фактор цивилизации, а их живые воплощения, персонификации правят миром. По Лебону, в этой подвластности фанатиков скрытым силам коллективного бессознательного и заключен смысл лидерства.

Но как получается, что человек, не мудрый и не великий, способен преобразовать мир? На этот вопрос Лебон отвечает в специальном разделе о вожаках толпы. Вождь массы, по его мнению, аналогичен вожаку стаи, т. е. политическое лидерство здесь обнаруживает биологическую природу. Вождь структурирует отношения по типу «власть — подчинение», используя гипнотическое воздействие. Он и сам загипнотизирован идеей, и выступает ее апостолом, использует силу внушения для доминирования. Успеху предприятия помогает то, что вожаки, по Лебону, зачастую психически неуравновешенные люди, потому инстинкт самосохранения у них отсутствует, и они готовы к мученичеству. Назначение вождя **быть** организующим началом толпы, чему помогает его волевое превосходство над людским стадом. Тип вожаков массы разделяется Лебоном на две категории. у одних волевое начало актуализируется лишь на короткое время, а у других проявляется стойкая воля. Власть вожаков деспотична, но это и соответствует ожиданиям массы, которая не способна ни руководить собой, ни сформировать собственное мнение. «В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином»¹⁷.

¹⁷ Лебон Г Психология толп. М., 1998 С 195.

Вожаком толпы может быть только человек действия, а не мыслитель. Но он обладает твердыми убеждениями, которые нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Хитрый оратор может на короткое время завладеть толпой, но его влияние эфемерно, и лишь великий фанатик увлекает душу толпы «Роль всех великих вожаков главным образом заключается в том, чтобы создать веру — все равно, религиозную ли, политическую, социальную или веру в какое-нибудь дело, человека или идею — вот почему их влияние и бывало всегда очень велико»¹⁸. Лебон рисует пирамиду политического лидерства, на верху которой немногочисленные властители умов, а внизу — оратор, повторяющий готовые формулы веры. Способы действия вожаков (утверждение, повторение, зараза) применяются ими для того, чтобы заставить душу толпы проникнуться идеями или верованиями. Сначала делается краткое и бездоказательное утверждение, затем посредством повторения идея закрепляется в умах как неоспоримая истина. Так идея внедряется в область бессознательного, где и формируются двигатели поступков. Мощным механизмом распространения идей выступает заражение, которое действует как при контакте, так и на расстоянии. Одним из проявлений заразы выступает подражание, на подражании лидеру основана власть моды, что позволяет управлять толпой с помощью образцов.

Говоря о вожде масс как таковом, Лебон останавливается и на особых характеристиках политического лидера, которые в совокупности автор называет обаянием. Обаяние может складываться из таких противоречивых чувств, как восхищение и страх. Оно есть род господства, совершенно парализующего критические способности, при этом очарование лидером столь сильно, что он вызывает лишь удивление и почтение. Существуют две разновидности обаяния. личное и приобретенное. Приобретенное обаяние дается влиятельным именем, богатством, репутацией, славой. Этот род искусственного обаяния более распространен. Личное обаяние весьма редко, оно сродни животному магнетизму, такого рода обаянием обладал Наполеон. В генезисе обаяния главным фактором является успех. Так,

¹⁸ Лебон Г. Психология толп. С. 194.

под влиянием неудачи обаяние может внезапно исчезнуть, но случается и медленное разрушение харизмы, когда толпа оспаривает героя. Поэтому толпу, считал Лебон, нужно держать на известном расстоянии

Заслуги Лебона состояли в том, что:

- он исследовал политического лидера в рамках отношений «вождь-масса» и пришел к выводу, что характер такого лидерства обусловлен природой толпы, являющейся феноменальной проекцией коллективного бессознательного;

- употребляя традиционное название «великий человек», Лебон показал, что лидером может стать человек обыкновенный, но адекватный ситуации;

- он подчеркнул примат идеологии, базирующейся на вере, тогда как лидер — лишь вторичный олицетворенный символический атрибут веры;

- он, продемонстрировав блестящий образец умозрительного знания, основанного на наблюдении, дал классическое описание вожака толпы с точки зрения психологической науки, положив начало традиции исследования феномена вождизма;

- он постарался выявить внутренний механизм влияния руководителя, осмыслив в данном ключе и сущность харизматического лидерства (не употребляя самого термина).

Контрольные вопросы и задания:

1 В чем состояло значение воспитания и обучения политика в доплатоновской Греции?

2. Выделите основные характеристики философа-правителя Платона.

3. Чем характеризуется лидерский тип мудрого законодателя Аристотеля?

4. Каковы характерные черты психологических портретов политиков по Плутарху и какова их роль в обучении добродетели?

5. В чем смысл и каковы оценки «моральной революции» Макиавелли?

6. Охарактеризуйте учение Макиавелли о государе как о политическом лидере.
7. Каковы взгляды Карлейля на роль «великого человека» в истории.
8. В чем состоял вклад Лебона в проблему «лидер-масса»?

ГЛАВА 2

ТИПОЛОГИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА М. ВЕБЕРА И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

1. ТИПОЛОГИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ М. ВЕБЕРА

По Веберу, понятие политики имеет широкий смысл, оно охватывает все виды деятельности, связанные с самостоятельным руководством. Управление политическим союзом и есть современное государство. Управленческие функции государства нельзя отделить от содержания его деятельности, поэтому деятельность всякого государства основана на насилии. Конечно, насилие не является нормальным или единственным средством деятельности государства, речь идет не о физическом насилии как таковом. Современное государство, считал Вебер, претендует на монополию легитимного физического насилия. Другими словами, единственным источником права на насилие обладает государство. Опираясь на эти категории, можно сказать, что политика «означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти»¹. Иными словами, кто занимается политикой, тот и стремится к власти (она либо является средством, либо важна сама по себе). Итак, государство это господство людей над людьми, опирающееся на легитимное насилие как на средство достижения цели. Люди, находящиеся в пови-

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

новенни, должны подчиняться авторитету того, кто претендует на господство

М. Вебер задается вопросом, почему люди подчиняются и чем они оправдывают господство других людей? По Веберу, есть три вида внутренних оправданий господства, т е оснований легитимности.

Во-первых, «это авторитет «вечно вчерашнего». авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа».

Во-вторых, «авторитет внеобыденного личного дара.. (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровенный, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь».

В-третьих, «господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления. и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами — господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении»².

Вебер подчеркивает, что данная систематизация всего лишь «чистые типы», редко встречающиеся в действительности, и представляет она собой комбинацию этих типов.

Автор продолжает свои рассуждения и ставит еще один вопрос: каким образом политически господствующие силы начинают утверждаться в своем господстве? Ответ относится ко всем формам господства Любое господство как управление нуждается, с одной стороны, в установке на подчинение господам, а с другой стороны, в обязательном наличии своего штаба и средств управления. Штаб управления «прикован к властелину» не только представлением о легитимности, но и материальным вознаграждением, и особым социальным положением.

² Вебер М Политика как призвание и профессия. С. 646, 647.

Итак, М. Вебер понимает власть и господство как отношения людей, имеющие вертикальную структуру. Такое понимание аналогично и одному из современных понятий политического лидерства (лидерство как отношение власти). Собственно говоря, идея харизматической власти представляется осмыслением разновидности общественного состояния, структурированного как непосредственная связь «лидер-последователи». Рассуждая о чистом харизматическом господстве, М. Вебер пишет об одном из проявлений феномена, который в настоящее время называют лидерством. Веберовское понимание господства в связи с этим приобретает для нас значение теоретического концепта. Но надо иметь в виду, что сам этот концепт находится внутри целого комплекса авторских социологических категорий. Конечно, мы не ставим перед собой цель изложить всю систему понятий М Вебера, тем более что есть возможность обратиться к блестящему анализу, сделанному Р. Ароном в книге «Этапы развития социологической мысли».

Что обращает на себя внимание в этой системе? Во-первых, вся система категорий возведена над основным понятием «поведение». Не случайно абстрактная веберовская модель политического действия легла в основу теорий ролей и систем Парсонса, Мертона, Истона и других исследователей. А от веберовско-парсонсовской традиции берет свое начало и субъективный подход к политике (как, например, у Алмонда, Вербы). Вебер подходит к определению поведения с точки зрения ориентаций людей, т. е. его интересует субъективный смысл поведения. Понятие «легитимности» означает для Вебера восприятие власти, а также отношение к ней субъектов действия. Говоря о структуре «господство-подчинение», он акцентирует внимание на мотивации подчинения. И, наконец, констатирует Вебер, политика как господство одних над другими проявляется именно в поведении.

Во-вторых, в этой системе одной из центральных выступает категория «легитимности» (Нелегитимные явления Вебер вообще исключает из своего анализа.) Он разделяет понятия «легальность» и «легитимность». Легальность для него это любое соответствие закону или правилам, а легитимность есть приве-

дение установленного порядка в соответствие с высшими ценностями. Поэтому легитимность из моральных соображений может противопоставляться легальности (конфликт этики и политики). А значит, понятие легитимности имеет отношение к такой субъективной категории, как «ценности». Согласно Веберу ценности это результат проявления внутреннего опыта, они имеют волевую природу.

В-третьих, категории, которые использует М. Вебер при анализе политической сферы, прикреплены к различным «измерениям». Категории «власть» и «господство» употребляются при описании области научной абстракции, а категория «государство» служит ему для описания реальности, промежуточной же категорией выступает понятие «политический союз». Государство как политический союз это и есть инстанция легитимного насилия. Государство, будучи реальностью, имеет территорию, социальную структуру и другие характеристики

В-четвертых, при знакомстве с исследованиями Вебера некоторые авторы отождествляют его категории власти и господства. Представляется, что в данном случае более прав Р. Арои, связывающий веберовское понимание власти с понятием «шанс»: «Она является, таким образом, внутренним фактором общественной связи и указывает на наличие неравенства, которое заключается в том, что одни из индивидов, совершающий поступок, может навязать свою волю другому. Субъектами могут быть группы, например государство или отдельные индивиды»³ Иначе говоря, власть, по Веберу, это отношение необязательности в отличие от господства.

Таким образом, главной для нас выступает веберовская категория «господства». Господство предполагает как отношение «господство-подчинение», так и наличие господина. Даже если эти понятия кажутся сегодня устаревшими, суть их едва ли изменилась. Это подчеркивают все теории господства, выделяя асимметрию данного отношения (господство направлено сверху вниз, господствует меньшинство над большинством). Однако в статье О. Массинга («Полис», 1991. № 6) утверждается, что в немецком языке понятие «господство» отражает, в сущ-

³ Арои Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 550.

ности, исторический процесс «владения» (однокоренными словами являются «домовладелец», «князь-суверен», «фабрикант» и т. п.). Для Вебера, который в работе «Хозяйство и общество» создал систему социологических понятий путем синтеза, осмысление носило интегральный характер, включавший господство как структуру легитимных отношений субъектов действия. Вебер понимал современное государство как «предприятие», наподобие фабрики, а отношения господства считал однотипными во всех сферах «предпринимательства», потому реальное господство, с его точки зрения, проявляется не в речах парламентариев или монарха, а в осуществлении управления чиновниками

Знаменитая веберовская типология господства основана на дифференциации конкретного характера мотиваций подчинения. Ключевым словом в его классификации является слово «вера». Так, традиционное господство основано на вере в святость традиции (в политике это вера в традицию передачи власти). Рациональное господство опирается на веру в закон и в законность носителей власти. Харизматическое господство зиждется на вере в вождя. Отношения господства предполагают не только существование господина, но и существование такого понятия, как долг подчиненных. Оно подразумевает признание подчиненными справедливости приказов, так как это соответствует обычаю, закону или слову вождя. Таким образом, основанием для классификации как легитимного порядка, так и господства выступают мотивации тех, кто подчиняется порядку или господству. Что вкладывает Вебер в понятие «мотивация»? Безусловно, это побуждение к действию или к воздержанию от поступка, но Р. Арон полагает, что веберовские мотивации не являются психологическими, а имеют сущностный характер. В реальности подчинение закону часто вызвано привычкой, а легитимность традиции может быть дополнена чувством. Речь здесь идет об умозрительных моделях внутренних оснований для подчинения. Р. Арон указывает на асимметрию: Вебер выделяет четыре типа поведения/легитимного порядка (аффективный, ценностно-рациональный, религиозный и определяемый заинтересованностью), но при этом он выделяет только три типа господства.

Три типа господства соответствуют трем из четырех типов поведения примерно так:

- целерациональное поведение — легальному господству;
- аффективное поведение — харизматическому господству;
- традиционное поведение — традиционному господству.

У Вебера практика шире, чем ее структурные параметры. **Форм** легитимности тоже больше, так как подчинение господству основано на чувствах, а легитимный порядок может поддерживаться автоматически, когда ожидания касаются внешних последствий поступков. Таким образом, отношение господства призвано объяснить основы и принципы соответствия провозглашаемого и реального положения дел.

2. ХАРИЗМА И ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ВОЖДЬ

Большинство авторов, анализирующих работу М. Вебера «Харизматическое господство» и использующих ее в своих исследованиях, рассматривают категорию «политическая харизма» вне общей системы социологических понятий и конкретных логических связей текста (потому, пытаясь сохранить авторский контекст, мы будем называть веберовского харизматического лидера вождем).

М. Вебер дал следующее определение харизмы: «Харизмой» следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или по меньшей мере специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям. Она рассматривается как послание Богом или как образец»⁴. В данном определении речь идет не о личностных лидерских характеристиках, а о восприятии образов героя, пророка, спасителя. Наличие у вождя соответствующих качеств или их отсутствие целиком зависит от оценки его приверженцами. Изначально, пишет М. Вебер, признание подчиненными этих качеств связано с демонстрацией чуда, од-

⁴ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139

нако признание не является основой легитимности. Согласно Веберу признание есть своего рода внутренний долг тех, кто подчиняется, их личная, основанная на вере склонность, рожденная чувством надежды. Но чистые эмоции приобретают и иное, структурное качество, так как главное для Вебера обозначить внутреннее измерение структуры легитимации власти. Потому для вождя существенно не только положительное мнение подчиненных, но также их противодействие и пассивность, которые уже расцениваются как сопротивление долгу. В связи с этим социологом рассматривается и возможность исчезновения харизматического авторитета: «божественная благодать иссякает, если вождю изменяет успех». В качестве примера Вебер приводит китайского императора, который, утратив политическую добродетель харизмы, переставал быть легитимным «сыном неба».

Итак, логика рассуждений Вебера имеет психологическую подоплеку, а доминирующим в его рассуждениях является слово «вера» (вера подчиненных в своего господина). Используя современную терминологию, эти отношения можно представить как отношение «лидер — последователи», употребляя категории Вебера, можно сказать, что это «господствующий союз». По Веберу, он представляет собой эмоциональную общность, т. е. он основан на чувстве. Вообще-то отношение «господин — сторонники» рассматривается Вебером в нескольких измерениях: харизматический вождь и масса, харизматический лидер и харизматическое движение, вождь и управленческий штаб. Господствующий союз, таким образом, есть союз вождя и управленческого штаба. По своим характеристикам управленческий штаб прямо противоположен бюрократической организации. Штаб не включает специализированное чиновничество: в нем нет ни формальной карьеры, ни формальной иерархии. Штаб подбирается по харизматическим качествам пророк — ученики; военный князь — свита, вождь — доверенные люди. Вместо профессиональной компетенции насаждается отношение личной зависимости. Господин и его последователи как бы составляют товарищескую коммуну, где не действуют абстрактные регламенты и правовые формы. Право творится вождем от случая к случаю. Настоящий харизматиче-

ский вождь это всегда пророк, возвещающий и внушающий новые заповеди. Прорицание служит, как правило, манифестацией воли к преобразованию: «здесь написано — но я говорю вам». И на данном уровне рассуждений Вебер снова возвращается к сущностному качеству выделяемой им структуры: признание откровения соразмерно долгу (все равно, признание ли это единомышленников по вере, оружию или партии). Поэтому община, признающая вождя, и становится в неизбежную оппозицию другим союзам. В этой неминуемой борьбе на стороне харизматического союза оказывается «правда», на другой же стороне неизбежна «неправда». И в этом состоит взаимосвязь харизматической власти и ценностей общества.

М. Вебер противопоставляет харизматическое господство как рациональному (бюрократическому), так и традиционному (патриархальному и патримониальному) господству. Два последних господства — это формы обыденности, харизма же — внеобыденное господство. Бюрократическое господство рационально, а харизматическое иррационально (оно вне правил). Традиционное господство основано на прецедентах прошлого, харизматическое господство — революционно, оно разрушает прошлое. М. Вебер считал, что харизматическая легитимность сугубо специфична, она ситуативно личностна в противовес институциональности и процессуальности рациональной легитимности. В сравнительно-исторической методологии Вебера харизма это то, что выпадает из традиционной связи эпох, и в этом смысле она «великая революционная сила». Харизма есть преобразование изнутри, она заключается в изменении направления мышления, переориентации всех установок и отношения к миру вообще. Вебер делает вывод, что дорационалистическая ориентация на действие может быть либо стереотипной (традиционной), либо спонтанной (харизма). И в этом смысле харизма принадлежит всем временам.

Специфичность харизмы подчеркивается Вебером в русле его рассуждений о несовместимости харизмы и экономики. Харизматическое господство — это «внутренняя миссия», что вовсе не означает, будто военный герой или харизматический партийный вождь не ищут материальных средств для своей власти. Более того, материальный блеск господства нужен для

престижа такой власти, но харизматики пренебрегают регулярной экономической деятельностью. По Веберу, харизматические движения это либо «попрошайки» (дары меценатов, пожертвования), либо революционные экспроприаторы (система ордеров и контроля потребления)

Харизматическое господство (как и лидерство) непродолжительно и даже ситуативно. Если партийный союз приобретает характер стабильного отношения, то господство меняет свою суть. Оно становится традиционным или рациональным, либо тем и другим одновременно. Психологическими мотивами для этого, считал Вебер, выступают интересы общины и управленческого штаба. А поскольку отношения «завязаны» на личности, то встает вопрос о преемнике. Вебер выделяет несколько способов решения этой проблемы

– поиски нового харизматического лидера (отыскание Далай-Ламы);

– использование техники откровения (оракул, божественное решение и т. п.);

– признание нового носителя харизмы общиной (римские диктаторы);

– назначение преемника харизматическим управленческим штабом, это легитимность правового промысла (в качестве примера назовем возведение на трон турецкого султана янычарами или русского монарха гвардейцами);

– распространение харизмы на род как свойство крови, это наследственная харизма (монархия с правом наследования старшего сына, когда личная харизма не обязательна, из современных реалий можно вспомнить и о передаче по наследству партийно-государственного руководства в Северной Корее);

– использование харизмы как изначально магического качества, здесь легитимность приобретает в ритуальном акте (харизма средневекового короля, получаемая через обряд миропомазания и коронации).

Таким образом, значимость харизматического авторитета целиком обусловлена признанием его подчиненными, что равносильно долгу. Здесь Вебер уже в который раз возвращается к структуре легитимности. На этом «витке» своих рассуждений он подчеркивает, что харизматический принцип легитим-

ности авторитарен. При рационализации харизмы то, что должно считаться следствием легитимности, напротив, принимается за ее основу. Выдвижение управленческим штабом (демократическая легитимность) рассматривается не как выдвижение вождя лишь приближенными, а признается в качестве выбора. Легитимный в силу харизмы вождь становится лидером по милости подчиненных. По мнению Вебера, в этом процессе легализации утрачивается истинная легитимность. Возникающее обсуждение общиной права на власть рождает переходный вид — плебисцитарное господство, где авторитарность бывает скрыта

В современном государстве, как считал Вебер, плебисцитарное господство воплощалось в партийном вождизме. Лидер партии признавался и выступал легитимным доверенным лицом от имени масс. Плебисцит — это формально или фиктивно свободный выбор подчиненных. Принцип «выбора» может быть применен как к лидеру, так и к управленческому штабу, однако выборные чиновники, по мнению Вебера, в техническом отношении уступают бюрократическому управлению. «Плебисцитарная демократия» — важнейший тип демократии вождя, по своему истинному смыслу есть вид харизматического господства. Оно скрывается под личиной зависимости от воли подчиненных и легитимности, продолжающей существовать только благодаря этой воле. Вождь (демагог) господствует фактически в силу преданности и доверия политических приверженцев к своей личности как таковой»⁵. Господство такого типа, считал Вебер, воплощают диктаторы античных и современных революций: в Риме правление Гракха, позднее диктатура Кромвеля и Робеспьера, императорская власть Наполеона. При этом М. Вебер проводит параллели между радикальной демократией античности и современным ему социализмом. Типу плебисцитарной демократии вождя, согласно его рассуждению, противостоят типы демократий, лишенных вождя. Демократии вождя свойственен эмоциональный характер привязанности к лидеру, из чего проистекает склонность подчиненных действовать, уподобляясь этому лидеру. В сущ-

⁵ Вебер М. Харизматическое господство. С. 145

ности, границы политического управления здесь определяет образец. Плебисцитарный лидер вынужден поддерживать привязанность к себе и целого штаба чиновников (славой, почестями, материальным благосостоянием). В результате категория легитимности плавно переходит в категорию солидарности, и по отношению к обществу вождь становится своего рода социальным диктатором.

Итак, М. Вебер создает идеальную типическую модель власти как структуры легитимного господства, но вовсе не прослеживает историческую периодизацию политического господства. Веберовская модель вобрала в себя антитегичные категории «порядка» и «революции». Порядок имеет историческое измерение (традиционный и рационально-легальный), но революционная сила харизмы может внести спонтанность в любое время и в любом месте. Выделение чистых типов вообще не предполагает исторической локализации. Так, харизматический лидер не есть какое-то индивидуальное явление, это абстрактно смоделированное собрание неких признаков, нашедших для Вебера свое частичное воплощение в исторических персонах, начиная с Христа и кончая Бисмарком. Поэтому харизму очень трудно соотнести с конкретным периодом и реальной властью. Это абстрактная идеальная форма политического действия, определяемая Вебером иногда лишь метафорически «Одаренных харизмой он называет «религиозными виртуозами», в отличие от остальных — «религиозно немзыкальных»⁶.

3. ПЛЕБИСЦИТАРНЫЙ ЛИДЕР

Ряд авторов (Р. Арон, В. Моммзен) полагают, что источником для веберовской теории плебисцитарной демократии явились политические условия, сложившиеся в кайзеровской Германии. В те времена — накануне и в годы Первой мировой войны — ни кайзер, ни слабый рейхстаг не могли контролировать государственный аппарат. В Германии, считал Вебер, наступил

⁶ Шпакова Р.П. Типы лидерства в социологии Макса Вебера // Социологические исследования 1988 № 5 С. 136

ло господство чиновников. В соответствии с концепцией социолога бюрократия как идеальный тип мыслилась лишь инструментом управления, кстати, наиболее эффективным орудием управления современным обществом. Данная концепция не предусматривала самостоятельной власти бюрократии. Не случайно Вебер вводит свое понимание бюрократии при обсуждении легального типа господства, при котором члены организации подчинены системе абстрактных правил. В идеале современная легитимность структурируется как безличный порядок, однако эмпирические наблюдения Вебера, напротив, свидетельствовали о господстве чиновников в современной ему государственной системе. На практике это проявлялось в том, что бюрократия влияла на проведение определенного политического курса. С точки зрения Вебера, сложившееся положение дел было негативным явлением, так как чиновник не может обладать качествами, необходимыми политическому вождю. По Веберу, бюрократ-чиновник и политический руководитель это два противоположных типа, поэтому он их специально сопоставляет. Ареной профессиональной деятельности настоящего чиновника, по его мнению, не должна быть сфера политики. Чиновник обязан лишь управлять, и делать он это должен беспристрастно, конечно, если речь не идет о вопросах жизненной важности для господствующего порядка. «Итак, политический чиновник не должен делать имению того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть. — суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если... вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника — выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно... Напротив, честь политического вождя, т. е. руководящего государственного деятеля, есть... исключительная личная ответственность»⁷. Таким образом, политик в представ-

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 666.

тении Вебера это то, что мы сегодня называем политическим лидером, бюрократ же именно лидерских качеств лишен. Следовательно, вторжение бюрократии в политические дела есть злоупотребление властью

Из предложенного анализа вытекает тенденция автора рассматривать деятельность аппарата в подчинении ответственными политикам. С учетом конкретной политической ситуации и возникает веберовская идея плебисцитарного лидера. Этот исторический тип властителя был известен с древности, он обладал независимым источником легитимности, т. е. изначально не был интегрирован в иерархический порядок. Современный плебисцит, по Веберу, порождает такую харизматическую власть, которая скрывает свой авторитаризм. Новый сильный лидер, к примеру, в условиях псевдоконституционной системы Германии способен ограничить господство бюрократической элиты. Для решения конкретной политической проблемы он обращается к теоретическому творчеству и развивает теорию демократии. Однако его теория вступает в конфликт с общепризнанными концепциями, характерными для традиционного либерализма. Так, вместо идеи представительного правления Вебер подчеркивает противоположный принцип, в соответствии с которым политическое мнение общества формируется политиком, а не достигается путем консенсуса граждан. В противовес идеи народного суверенитета он развивает идею личной ответственности политического вождя. Не рассматривая политического лидера как прямого представителя электората, Вебер дистанцировался и от теории элиты (Моска, Парето). В. Моммзен в работе «Политическая и социальная теория Макса Вебера» писал: «Веберовская социология господства рассматривает не правящие элиты, а выдающихся личностей, которые постоянно конкурируют между собой за голоса избирателей и должны поэтому обеспечить поддержку своей политики со стороны граждан»⁸.

Почему же Вебер придавал такое значение современному политическому вождю? Проанализировав и отбросив как не-

⁸ Масловский М.В. Политическая социология бюрократии М., 1997 С. 149

эффективные другие механизмы ограничения власти бюрократии (коллегиальность, разделение властей, прямую демократию, представительное правление), он сосредоточился на гибкой структуре легитимности, которая соответствовала бы новым условиям политической борьбы. В 1918 г. М. Вебер пишет специальную работу «Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни», в которой в качестве наилучшего средства обеспечения такого рода динамизма политической жизни называет парламентскую систему. Данная система включает как партийную конкуренцию на выборах, так и распределение государственной власти среди партийных вождей. Здесь автор следует примеру современной ему Великобритании и, поскольку чужая традиция не может быть перенесена на немецкую почву, предлагает заимствовать «структурный принцип». Чтобы парламент смог контролировать государственный аппарат, надо было превратить представительный орган в подлинно властный механизм. Тогда парламент образует своего рода «начальствующее государство» по отношению к господствующей бюрократии. Всякую парламентскую борьбу он вообще считает борьбой за личную власть. «Значит, такая борьба удастся людям, наделенным мощным инстинктом политической власти и наиболее ярко выраженными политическими лидерскими качествами, именно они получают шанс занять руководящие посты»⁹. Парламент — это место, где совершается «парламентский отбор лидеров»: здесь они выдвигаются как лидеры, но могут быть также лишены государственных постов, если утратят лидерские качества. При этом конкурентная борьба стимулирует политические таланты, которые могли бы не раскрыться в другой системе, не подходящей для лидерского темперамента. Характерно, что в работе «Парламент и правительство в новой Германии» Вебер уже использует английское слово «leader» для обозначения нового политического явления. Вся масса депутатов, согласно Веберу, функционирует как «свита» одного или нескольких лидеров, форми-

⁹ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Вебер М. Политические работы (1895—1919). М., 2003. С. 155

рующих кабинет правления. Конечно, это цезаристская черта демократии. Английский парламент и подал пример такой селекции вождей в духе современного цезаризма. Противоположный пример демонстрирует германский рейхстаг, где присутствует лишь «негативная политика», т. е. звучат декоративные речи и критика ради критики. В отличие от германской демагогической рутин Английский парламент является поприщем для энергичного труда и школой работы с «управленческими реальностями». Получив таким образом политическое воспитание и выучку, выборный английский чиновник становится лидером.

Несмотря на увлечение Вебера цезаризмом, его нельзя считать противником демократии, так как он выступал за демократическое правление. Но демократия для него, отнюдь, не цель, а средство; парламентская же система — наиболее приемлемое средство отбора политиков. Бюрократическую систему Германии он хотел бы дополнить харизматическим элементом — вождем, избранным всем народом. Тогда, с одной стороны, плебисцитарный лидер будет подчинен праву как формальной легальности, с другой стороны, добившись политического успеха, он должен будет подтверждать у избирателей свою легитимность. При этом масса активна только в момент выборов, а затем ее роль сходит на нет. Такая структура легитимности предоставит лидеру полную свободу политических действий. Этой свободой харизматик может воспользоваться для обуздания чиновников, что, безусловно, будет означать контроль сверху. Как социолог, Вебер не являлся поклонником массы, в его трактовке качества, присущие массе, носят скорее негативный характер: масса низкорациональна, политически пассивна, потому ее необходимо принуждать к повиновению. Итак, «Вебер постепенно разработал модель парламентской демократии, в центре которой возвышалась фигура лидера, ответственного в конечном счете только перед самим собой и связанного лишь избранными им «высшими ценностями»¹⁰. По мере укрепления плебисцитарной демократии политическая инициатива все более оказывалась бы в ру-

¹⁰ Масловский М В Политическая социология бюрократии С. 149

ках партийного вождя. Такой лидер, опирающийся на партийный аппарат и обладающий знанием технологий политического управления, смог бы, по мысли Вебера, контролировать государственную бюрократию.

Вебер в отличие от Р. Михельса не считал бюрократизацию партий фатальной катастрофой для демократии. Ссылаясь на систему «кокуса» в Англии (М. Острогорский) и американскую партийную «машину», он полагал, что партийный аппарат поддержит инициативных лидеров. Выдающаяся личность, используя партийную организацию, соединяя харизматическое лидерство и бюрократические основания власти, может способствовать социальному динамизму. Политик для Вебера это тот, кто благодаря личной харизме, с одной стороны, ведет за собой политическую партию, а, с другой стороны, рождает в массах веру в свою способность к лидерству. Конечно, такая легитимность является лишь видимой, ведь зачастую в действительности любимый партийный вождь выступает как откровенный демагог, вера в которого основывается на слепом почитании массами. Отмечаемая Вебером авторитарность харизмы здесь налицо. За этим внешним харизматическим видом скрывается технологическая работа в духе Макиавелли. Но Вебер противопоставляет «технологии бюро» (системе формального продуцирования государственного чиновничества) технологию «партийного комитета», т. е. школу свободной политической практики, деловую интенсивную выучку в парламентских комиссиях. Новый партийный вождь имеет власть преимущественно потому, что непрерывно работает внутри своей партии, и только когда партийный человеческий аппарат станет послушной машиной, лидер партии может навязать свою волю парламенту. Веберовский принцип отбора вождей — это способ прорыва к лидерству не через парламент, а с помощью партийной «машины». Партийная же свита делает ставку в основном на демагогический эффект личности вождя, поскольку в феномене вождя существенным моментом Веберу виделась и власть зажигательной речи: лидер приводит массы в движение, эмоционально возбуждая их. Плебисцитарную демократию можно назвать «диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс»¹¹. Но парадокс публичности

политики заключается, по Веберу, в том, что «школа парламентских комитетов» обеспечивает и одновременно подлинный отбор, отмечающий демагогов и дилетантов.

Вебер не дожидаясь зарождения нацистской диктатуры и, пожалуй, не узнал бы в этой патологии господства своей абстрактной идеи плебисцитарного лидерства. Однако выдающийся немецкий политический философ К. Шмитт в 1932 году в работе «Легитимность и легальность» писал, что причина появления тоталитарного государства кроется в потребности стабильного авторитета, и в связи с этим «плебисцитарная легитимность есть единственный вид государственного оправдания, который сегодня еще мог бы считаться общепризнанным. И вероятно даже, что значительная часть несомненно имеющих сегодня тенденций к «авторитарному государству находит здесь свое объяснение. Эти тенденции нельзя просто отвести как тоску по реакции или реставрации»¹². Однако уродливое воплощение концепции Вебера не означало, что он предвидел диктатуру Гитлера или не поддерживал идею демократии. Критика Вебера как оракула крушения Веймарской республики несостоятельна, а значение его концепции плебисцитарной демократии шире, чем простое ее наложение на конкретную историческую ситуацию. Ситуативность его концепции, напротив, можно усмотреть в ее соотношении с демократией как с широкой поведенческой практикой. Это и учитывали последователи Вебера, например, Й. Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» писал: «Демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера» (М., 1995. Гл. 22). Получается, что в условиях реальной конкурентной демократии не так уж много шансов для проявления политического лидерства, а плебисцитарная модель — не умозрительная, а действующая, и в этом ее эффективность.

¹¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 680

¹² Филиппов А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. Сб. М., 2000. С. 300.

4. М. ВЕБЕР — НАШ СОВРЕМЕННОК

Название настоящего раздела заимствовано из книги Р. Арона потому, что хочется присоединиться к его словам: «Макс Вебер — наш современник. Он является им прежде всего потому, что его творчество, как и всех великих мыслителей, настолько богато и двусмысленно, что каждое новое поколение прочитывает его, изучает и истолковывает по-разному»¹³.

Постоянные дискуссии вызывает сама возможность использования социологической категории «харизма» при анализе политики. Не стоит приводить здесь все точки зрения и перечислять аргументы «за» и «против», но следует остановиться на особенностях осмысления харизматического лидерства в нашей современности. Начнем с того, что любое очередное прочтение исследований Вебера является не столько импульсом к продолжению проведения этих исследований, сколько стремлением к «перелицовке» веберовского понятия, вырванного, как правило, из системы авторских категорий. При этом обращение к Веберу сводится, в сущности, к трактовке его исследований, поскольку собственных новых категорий читатели не предлагают. Зачастую разговор вообще ведется с использованием терминов, характерных при высказывании претензий. Попытаемся эти возражения сгруппировать.

Все критически настроенные авторы сетуют на нечеткость веберовского определения харизматического господства, обусловленную простым перенесением религиозного термина в политическую сферу. Действительно, понятие «харизма» было заимствовано Вебером у исследователя раннехристианских общин Р. Зома, который описал прямые отношения «учитель — ученик». Критики подчеркивают, что «расколдовывая» мир науки в целом, Вебер выводит харизматическое лидерство за пределы светской власти, т. е. за рамки политики (делаются ссылки на то, что примеры харизматических вождей соотнесены Вебером с религиозными лидерами античности и Средневековья). Эти претензии бытуют с начала 60-х гг. XX в. (К. Фридрих). Суть их сводится к тому, что, по мнению критиков,

¹³ Арон Р. Этапы развития социологической мысли С. 569.

Вебер не разделяет «политическую» и «религиозную» сферы и что «религиозное» вообще неправомерно относится им к современным реалиям. Однако сегодня такое обвинение выглядит по меньшей мере поверхностным. Даже если не брать во внимание псевдорелигиозные тоталитарные системы (где понятие «политического чуда» близко к понятию сверхъестественного, а вождь воспринимается полубогом и сакрализуется как символ порядка), то остается категория мистического вообще. Веберовское понимание политики близко к ее внутреннему измерению. Такого рода психологизация политической сферы нашла своих продолжателей (не случайно о харизматическом вожде как о порождении психологии масс писал С. Московичи, а авторитарный характер, по Э. Фромму, «изнутри» формирует отношение «господство — подчинение»). Приверженцы субъективного взгляда на политику оперируют такими определениями, как «магия личности», «восхищение», «вера». Эти термины отражают чувства, свойственные людям, которые отождествляют себя с политическим лидером. Речь идет об эмоциях как таковых. Делается вывод, что политика онтологически иррациональна, а рациональность как отличительная особенность политики — это миф модернизма, уже развеянный эффективностью политического менеджмента. Сознание индивида и сознание общества вообще нельзя переносить на политическую и религиозную сферы. Современные психологические теории предполагают, что сфера ментального продуцирует образы мира из глубин субъективного и что лидерство как явление культуры символично. Разве удивительно, что символические знаки архетипичны, а многие архетипы религиозны? Как бы ни рационализировался мир, харизматический политик отличается тем, что всегда чувствует потребность общества именно в примитивном образе. И если харизматических лидеров мало, значит, изменился характер политических реалий (сегодня пророки предлагают спасти от распада тело, а не душу).

Далее подчеркивается следующее противоречие веберовской концепции: с одной стороны, харизматический вождь Вебера будто бы безразличен к ценностям, но, с другой стороны, в харизматические политики попадают лидеры как с отрица-

тельным харизматическим статусом, так и с положительным. В понимании критиков Вебер концентрируется на описании процесса харизматического господства как прямого общения вождя и его последователей, но не дает вождям моральных оценок. Конечно, наибольшие проблемы у современных критиков Вебера вызывает его оценка тоталитарных диктаторов. (Можно ли считать харизматическими лидерами Гитлера и Сталина?) О философии ценностей Вебера будет сказано далее, здесь же следует подчеркнуть, что харизматик придерживается «этики убеждения». По мнению Вебера, харизматический вождь имеет дело с ценностями «не от мира сего», абсолютной этикой. В этом смысле харизматический вождь похож на героя мифа: он герой потому, что вырвался за границы человеческой природы, его миссия в том, чтобы нести людям высшую справедливость и истину. Такие ценности нельзя рассматривать с позиции «выгодно/невыгодно», в них можно только верить. Поэтому для Вебера харизматический лидер это всегда борец за веру (религиозный он борец или революционный — все равно). Вебер не использует формулировки «отрицательный» или «положительный» лидер, а оперирует понятиями «подлинный» или «не подлинный вождь». Этический парадокс политики в том и состоит, что «гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви»¹⁴, т. е. сфера ценностей для Вебера это нескончаемая «война богов». Харизматический вождь привлекает массу тем, что освобождает ее от моральной ответственности. То же делала и религия если верующий совершал этически ориентированное действие, то в последствиях своего поступка он уповал на Бога, в политике же харизматический вождь берет на себя это волевое бремя (аналогично государь мог брать на себя ответственность за спасение душ подданных).

К перечисленным претензиям относится и центральный тезис критики о том, что понятие харизмы не применимо к современной политике как к таковой. В 60-е гг. XX в. предполагалось, что концепция может быть применима лишь к странам «третьего мира», где существовал институт «святых царей». Сегодня противопоставляются западное рациональное обще-

¹⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 703.

ство и отсталый, основанный на религии мусульманский мир. Налицо прогрессистский взгляд на политику (к примеру, политико-культурные исследования констатировали неспособность мусульманских стран к модернизации). Однако с научной точки зрения, такой взгляд на политическую культуру сегодня является архаичным. Культурология использует историческое измерение культуры лишь для описания традиционного процесса, а не для разделения культур на «высокие» и «низкие». В отношении же категорий преобладает представление о мультикультурном общем мире в противовес уже устаревшему противопоставлению «передового» и «варварского» миров. В этом видении каждая культура имеет право на своеобразие, идущее от ее истоков. Поэтому харизматический лидер типа Бен Ладена — это в полном смысле слова современный харизматический лидер и чистый харизматик в веберовском понимании. Получается, что самое, казалось бы, уязвимое звено в веберовской концепции воплотилось в современной политике: религиозный лидер стал героем или антигероем архаичского толка.

Отмечая противоречивость концепции Вебера, некоторые авторы указывают, в частности, на асимметричность его типологии господства. Так, при традиционном и рациональном господстве наблюдается связь институционального характера, в то время как в харизматическом господстве связь вождя и общины эмоциональна. Иначе говоря, в первых двух случаях речь идет о структуре, а в случае харизматического господства единственной основой связи, по Веберу, выступает сам лидер. Асимметрия, на наш взгляд, отражает интересный социальный феномен, отмеченный антропологами. В. Тэрнер («Символ и ритуал») выделял две модели человеческой взаимосвязанности: к первой он относил модель общества как структурной системы, а ко второй — коммунитас, т. е. общность равных, но подчиненных символическому главе индивидов. Состояние коммунитас существует в период смены структурных отношений, в том числе, добавим мы, и когда институты распадаются в результате кризиса или революции. Именно таким образом можно представить себе соотношение веберовских типов господства. Первые два типа представляют собой не только сущ-

ности, но и исторические этапы господства, а когда порядок разрушается или власть оказывается слабой, тогда и возникает господство харизматическое. В таком виде типология выглядит не только органично уравновешенной, но и комплексной. Это промежуточное свойство харизматического лидерства проявляется не только в том, что возникает альтернативное легальной власти политическое движение, но и в наличии отдельных харизматических элементов в господстве другого типа. В литературе достигнут консенсус относительно оценки некоторых лидеров как харизматических, например, такого лидера, как Ш. де Голль. Общеизвестным элементом доказательности харизматической легитимности Ш. де Голля (Р. Арон, Д. Кола и др.) служит его поведение во время путча в Алжире, когда Президент Французской Республики предстал перед народом в мундире, т. е. действовал как генерал де Голль. Безусловно, основой политического лидерства президента де Голля был его статус, но в «статусном промежутке» генерал выступил как носитель национальной легитимности, на что и указывала символическая демонстрация, актуализировавшая веру в лидера движения Сопротивления.

Межструктурное качество харизматической власти связывает ее с состоянием общественного кризиса, что дает еще один повод для критики концепции. Так, Блондель делает следующее заключение: «Он концентрируется на кризисах и рассматривает личную роль лидеров только в периоды кризисов. Вот почему его схема, во многом полезная и продвинувшая анализ лидерства далеко вперед по сравнению с теоретиками-классиками, страдает одним фундаментальным недостатком. Вебер упорно сводит роль лидеров к кризисным ситуациям...»¹⁵ Однако, по мнению Блонделя, кризис это необходимое, но недостаточное условие для появления харизматического лидера, ведь кризисное состояние может и не привести к появлению спасителя. С другой стороны, Вебер не дает пояснений, при каких же условиях, кроме ломки институтов, возникает харизматическая власть. Суть претензий Блонделя состоит в том, что

¹⁵ Блондель Ж. Политическое лидерство // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Хрестоматия. Самара, 1999. Т. 1. С. 434.

понятие «харизмы» не является практичным инструментом для анализа: Вебер рассматривает персонализацию власти как общий феномен, но не оперирует понятием харизмы. Представляется, что такое прочтение Вебера грешит бихевиористским упрощением. Например, лютеранская революция стремилась изменить не мировой порядок, а отношение индивида к миру (напряжение носило субъективный характер). Собственно ситуацию внешнего перелома создает сам лидер, который использует разочарование масс в прежних верованиях. С. Московичи писал: «Общественная жизнь не течет в обычном русле — не мир, не война, а нечто среднее. Повседневность, похоже, разрушается этим. Люди готовы отдаться волне энтузиазма, ярости. Они склонны одним ударом решать проблемы, застаревшие от компромиссов и непрерывных обсуждений. За серым дождем мерещится радуга»¹⁶. Психологически кризис ассоциируется с ощущением перевернутости, когда порядок воспринимается как беспорядок, обычная жизнь как ненастоящая, а реальность как отчуждение. Тогда и возникает необходимость в таком типе власти, которая может изменить ситуацию волевым способом, связать идеальное и реальное. Таким образом, кризис как характеристика харизматического лидерства «завязан» на лидере, а не на обстоятельствах. И харизматический вождь появляется только тогда, когда есть харизматические последователи. Вот почему перестройка в СССР, проводимая системно «извне», изменив даже ориентации социума, не структурировала личных лидерских отношений, хотя и переменяла всю иерархию общественных статусов.

Складывается парадоксальная ситуация: чем чаще используется веберовское понятие харизмы для характеристики политических явлений лидерства, тем больше претензий появляется к автору категории. Неудивительно, что Блондель, систематизируя точки зрения ряда авторов, составляет целый перечень недостатков. К примеру, во-первых, Вебер не формулирует «всеобъемлющую теорию лидерства». Во-вторых, из всего комплекса компонентов лидерства в политике Вебер

¹⁶ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 352.

рассматривает только половину компонентов, в именно: задачи, ценности и институты Вебера, по мнению Блоиделя, не интересуют ни истоки, ни обстоятельства увеличения или уменьшения лидерского влияния. В целом неясности и двусмысленности концептуализации не позволяют трансформировать определение харизмы в набор переменных, которые можно было бы измерить. Претензии современных авторов состоят в том, что Вебер, как им представляется, не мог предвидеть революцию в телекоммуникациях, что, надо думать, «поменяло» ему решить проблему лидерства эпохи постмодерна. Постепенно создается впечатление, что Вебер виноват как раз в том, что его исследования не поддаются анализу критиков. Становится очевидным: Вебер вовсе не собирался ни творить всеобъемлющую теорию лидерства, ни писать о лидерстве вообще. При этом поразителен его блестящий анализ одной из форм лидерства, что позволяет считать его и сегодня теоретиком-классиком именно политического лидерства.

Тем не менее Вебер писал о современной ему эпохе, которая закончилась в 20-е гг. XX в., и снова встает вопрос о возможности приложения его концепции к эпохе, пришедшей на смену модерну. Подробно о современных концепциях харизматического лидерства можно посмотреть в интернет-публикации Н. Фрейк «Политическая харизма: обзор зарубежных концепций» // <http://rc.msses.ru/rc/Freik.htm>. В последнем разделе обзора речь идет как раз о концепциях, критикующих Вебера с позиций современной рациональности, а также с позиций теорий постсовременности (которые, на наш взгляд, по-разному понимают политику). С точки зрения первого подхода, современное общество стало еще более рационально. Поэтому харизма как иррациональная, революционная и личностная сила противопоставляется сугубо рациональному, бюрократически упорядоченному и массово обезличенному обществу. Получается, что подлинная харизма соответствовала «веку площадей и митингов», но после революции в средствах массовых коммуникаций превратилась в «псевдохаризму», т. е. в видимость настоящей харизмы. Рациональность политической псевдохаризмы заключается в ее искусственности и управляемости. Авторы такого подхода связывают данную тенденцию с усиле-

нием бюрократической управленческой власти, которой не выгоден подлинный харизматический лидер. С точки зрения второго подхода, который автор обзора методологически не отделяет от первого, современный политический лидер существует как лидер искусственный, как «лидер-текст». Благодаря средствам массовой информации, эксплуатирующим иррациональность массы, возникает «синтетическая харизма» (Р. Линг). Она отличается от псевдохаризмы тем, что учитывает мотивацию средств массовой информации. Линг считает, что харизма конструируется в результате взаимодействия двух социальных групп: с одной стороны, тех, кто выиграл от избирательной кампании, с другой стороны, избирателей, получивших символические дивиденды. Харизма в данном случае является эмоциональным суррогатом.

Все сказанное отражает особенности нынешней социально-политической коммуникации, однако вера только в рациональность выглядит чересчур романтичной. С точки зрения методологии, рационалистический подход к политике попадает как раз в русло веберовской традиции социологии, когда в основе социальности лежала институциональная связь, а политика с ее публичным характером пыталась эту связь разорвать. Именно лидер эпохи модерна, являвшийся приверженцем идеи «порядка», стремился опереться на рационально сконструированный политический порядок (тоталитарный террор был рациональным, идеология стала властью). Иррациональный элемент в политике связывался с феноменом масс (массовое сознание, миф о вожде). Что же произошло, когда эпоха модерна закончилась? Рядом с «порядком» нашлось место «беспорядку». Институты утратили свою значимость (как и институциональный подход в науке), а лидер из публичной фигуры (чему не мешала его символическая ипостась) превратился в дискурс. В этом дискурсивном поле лидеров-текстов находится место и харизматическому тексту. Что это: рациональность или иррациональность? В категориях модерна получается сугубая иррациональность. Реальность, лидер и политика стали символами, знаками. Природа знаков архетипична, это бессознательный уровень, иррациональность как таковая. Рационально здесь конструирование символической реальности,

технологический, по сути, менеджмент. Однако с харизматическим дискурсом не все так просто, как кажется тем, кто не имел дела с **выборным процессом**. Нет ничего труднее, чем создание образа героя, так как харизма является эмоциональным ощущением непосредственной связи и абсолютной веры. Харизма это отношение, которое выходит в конкретную реальность, поэтому она непродолжительна, мистична, и это есть лидерство. Надо учитывать, что все сказанное относится к абстрактному допущению, как если бы политика была лишь исключительно постсовременной. Но в реальности (и символической тоже) действуют еще две тенденции: модерн и архаика. Архаика, к примеру, проявляется не только в фигуре религиозного пророка, но и в русской бюрократии-клиентеле, привязанной к патриархальному господину, в партии «одного человека», в харизме, наконец, которая по своей природе архаична.

Здесь уделяется много внимания критике Вебера. Делается это для того, чтобы подчеркнуть значение его концепции для современного знания о политике. Незатухающая критика знаменует в некотором смысле высшее признание для ученого. Но у признания Вебера есть и обратная сторона — появились попытки переосмысления категории «харизмы». Ведущим направлением стало приложение психоанализа к фактору харизматического лидерства. Харизматическому феномену уделялось также внимание в эмпирических теориях лидерства (А. Уиллнер, А.М. Гаитер, Н.Б. Энкельманн и др.). Оба направления свидетельствовали о психологизации веберовской идеи политической харизмы.

На рубеже столетий проблема харизмы **обсуждалась** в связи с перспективами лидерства в XXI в. И общая оценка харизматического лидерства снова предстала амбивалентной: с одной стороны, это чуждое современному менталитету отношение зависимости от «**верха**», но, с другой стороны, харизма «**проста в обращении**», поскольку не требует ни официального статуса, ни приложения силы и всегда служит хорошим лидерским стартом. Обсуждая онтологическую природу лидерства, и сегодня приходишь к выводу, что истинный лидер — обязательно герой. Это представление распространяется на политического руководителя, который является героем для тех, кто

признает его превосходство. Только будучи предметом обожания, лидер может повести за собой массы, так как современный человек все еще ориентируется на образец. Психологически и культурологически это объясняется тем, что личности нужен импульс. Однако, обладая магнетизмом, политик заведомо подавляет лидерские способности ведомых, строя устаревшие вертикальные отношения зависимости. Тем не менее, когда мы говорим о лидерстве в политике, мы начинаем разговор с воодушевляющего примера и имеем в виду, что подлинный лидер выделяется именно в достижении социальных целей, которые вдохновляют других. Способность восхищаться (атрибут героя) есть составная часть влияния даже официального руководителя, а именно через категорию влияния сегодня и определяется лидерство. Для такого лидера уже не имеют значения ни ораторский дар, ни импозантная внешность. Современный менеджмент включает и развитие «харизмы», когда политический босс сумеет явить миру организационное чудо.

Контрольные задания:

1. Определите место и значение типологии легитимного господства в системе категорий М. Вебера.
2. Дайте понятие харизмы и легитимности харизматического политического вождя.
3. Охарактеризуйте плебисцитарного лидера в свете проблемы политической власти бюрократии.
4. Осветите критику веберовского концепта в приложении к современной политике.

ГЛАВА 3

КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

1. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Согласно энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество»¹, центральным понятием в политической науке является «политическое лидерство». Как фактор современности оно диалектически противопоставлено понятию «правление»: отрицая правление, оно воспроизводит суть на новом уровне. Оба термина номинируют факт обладания властью. Но в отличие от наследственного властителя лидер вынужден сам идти к власти и опираться на периодически возобновляемую поддержку последователей. Сегодня принято считать, что лидер не самый активный обладатель власти, хотя некоторые исследователи (к примеру, Лассуэлл) полагают иначе.

Научная категория «политическое лидерство» появилась для объяснения явления реальности, однако сама она представляет абстракцию, рожденную конкретной научной традицией. Откуда взялись эти представления? Категория генетически и сущностно принадлежит бихевиористской науке, поэтому под лидерством вообще понимается вид деятельности. В чем же особенность политического лидерства как вида деятельности? В политической сфере лидерство это политическое управление. Здесь политик является одновременно и руково-

¹ Marxism, communism and western society: A comparative encyclopedia. Ed. by C.D Kernig. New York, 1973.

лителем большого сообщества, и лидером-администратором управленческой вертикали Мы отмечали, что политическое лидерство связано с властью, но Ж. Блондель подчеркивает, что это не всякий род власти, а власть, осуществляемая «сверху вниз»² Итак, речь идет о вертикальных отношениях власти, т е «власть» понимается психологически. В центре концепта политического лидерства как отношений власти находится категория «влияние» Влияние — это такое поведение политического лидера, которое изменяет сознание и поведение его последователей Понимание «лидерства» и «власти» соотносится затем с категорией «влияние». Если политическое лидерство — это способность оказывать влияние, то власть — это возможность влиять на поведение сообщества. Таким образом, власть и влияние выступают инструментами и основными средствами политического лидерства. Однако, как известно, нет ни абсолютной власти у руководителя, ни абсолютного влияния у лидера. Сегодня объяснять это принято наличием власти граждан, иначе говоря, несмотря на «вертикальность отношений», существует эффект баланса власти в обществе. В политике действует властная взаимозависимость последователей и лидера, но и зависимость лидера от последователей. Это означает, что современный политический лидер вынужден поддерживать разумный баланс, чтобы не вызвать демонстрации власти граждан. Ситуационный эффект дисбаланса власти может возникнуть как в отношении дистанционного лидерства (избирателей), так и в отношениях с ближайшим окружением (командой).

Итак, политический лидер это и официальный руководитель, создающий организационный пласт коммуникации, и своего рода управляющий В любой организации управление удобнее рассматривать в виде системы, помещенной в определенную среду. Но политическое управление лучше представить как особый вид руководящей деятельности, включающий процессы планирования, организации, мотивации, контроля, формирования ценностных ориентаций граждан, достижения политической цели (которая может существовать в виде ути-

² Блондель Ж. Политическое лидерство Т. 1 С. 397.

литарной программы или идеального проекта). Для того, чтобы управлять, нужно оказывать влияние, а, значит, иметь основу для власти. Власть принимает различные формы, исходя из своих поведенческих основ. Формы власти могут быть следующие:

— власть, основанная на принуждении (эффективна лишь при наличии затратной системы контроля);

— власть, основанная на вознаграждении (сегодня более предпочтительна и дает положительные стимулы к действию),

— экспертная власть (это «разумная вера» в специальные знания лидера; свойственна крупным образованиям, где управление — функционально специализировано и организационно отделено);

— эталонная власть (сила примера, связана с харизмой и слепой верой в лидера);

— законная власть (самый распространенный тип власти, основанный на традиции, однако политические ценности изменяются)³.

Располагая возможностями всех пяти типов для влияния на поведение последователей, эффективный политический лидер пользуется всеми этими возможностями для усиления своей власти. Но понимаемое именно таким образом лидерство уже напоминает менеджмент. С точки зрения влияния, лидеров принято делить на «великих людей» и на «менеджеров»: первые «двигают» историю, а вторые управляют обществом в соответствии с занимаемой должностью. Создается впечатление, что «герои», изменяющие мир, остались в прошлом. А сегодня пришло время менеджеров, зависящих от конституционных оснований властного поста и власти символической номинации — монополии государственной власти «на легитимное символическое насилие» (П. Бурдьё).

Потому и приобретает особое значение официальный статус политического лидера, дающий главное основание его власти. Можно согласиться с выводом А.И. Соловьева об институционализации явления лидерства в политике это «осо-

³ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1999 С. 518, 519

бый институт власти, позволяющий отдельному лицу (группе лиц) за счет обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабах государства (партии, движения, региона) и наличия авторитета проводить определенную политическую линию»⁴. Действительно, политическое лидерство это исторически сложившаяся и устойчивая форма организационной деятельности в виде отношения «лидер – последователи». С одной стороны, политический лидер вписан в статусно-ролевую систему общества и обладает наивысшим статусом (монарх, президент). С другой стороны, встает проблема легитимности власти официального лидера, т. е. соответствия общественным ценностям (при этом легитимность понимается в категориях психологии как восприятие власти законной и справедливой). В связи с этим категория «политическое лидерство» сближается по смыслу с категорией «авторитет», тоже носящей психологическую нагрузку. Лидерство как таковое и признание авторитета политического лидера соотносятся через ту же категорию «влияние». И лидерство, и авторитет возникают на психологическом фоне субъективного восприятия политика как человека, обладающего способностями эффективного влияния. При наличии у лидера авторитета эффективность руководства фактически приравнивается к легитимности его власти и отождествляется с ней.

Лидерство существовало всегда, везде и у всех, являясь универсальным культурно-историческим феноменом. Политическое лидерство свойственно человеку социальному, поэтому социальная природа лидерства является еще одной его существенной характеристикой. Современный феномен политического лидерства пронизывает все социально-политические связи – партийные, парламентские, а также исполнительную вертикаль. Сегодня становится очевидным, что лидерство в политике – это есть отношения в большой группе. Тип лидерства и задает характер социума (его традиции, национальный менталитет, политическую культуру). С социальной при-

⁴ Соловьев А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии учебник М., 2000. С. 145.

родой политического лидерства связан и его функциональный аспект, а именно:

— способность быть представителем (последователи отождествляют себя с лидером по национальному, идеологическому, ментально-ценностному критериям), что позволяет лидеру выполнять функции сплочения масс и коммуникации.

— способность решать проблемы (принимать политические решения, идти на компромиссы, минимизировать конфликты, достигать консенсуса) закрепляет за лидерством организационные и управленческие функции.

— способность предвидеть (ставить значимую цель) придает лидерству в политике мобилизующую функцию.

Понятие всегда скрыто за термином. В английском языке термин «лидерство» (leadership) имеет два основных значения «лидерство» и «руководство». При этом слово «лидерство» образовано от «лидер» (a leader) — «ведущий, указывающий путь». Термин, согласно семиотике, есть знак, репрезентирующий свойства, символизирующие отношения действительности. Знак имеет такую характеристику, как означаемое (мыслимое или реально существующее явление). Уже из данного сопоставления видно, что означаемое производного термина «лидерство» более емкое. Что касается означаемого термина «политическое лидерство», то здесь мы можем согласиться с выводом Т.А. Штукиной: «Произошло расширение этого понятия. оно включает в себя руководство, командование, возглавление, ведение за собой, управление, исполнение главной роли, влияние, превосходство»⁵. Кроме расширительного толкования понятия «политическое лидерство» существует еще одна проблема — неэквивалентность терминов, обозначающих данное явление в различных языковых культурах. Буквальное перенесение в дискурс любой политической власти слова «a leader» свидетельствует об отсутствии у него смысловых синонимов. В результате универсальный термин, но рожденный в демократической поведенческой среде, экстраполируется на все типы политико-культурных феноменов обладания властью.

⁵ Штукина Т.А. Феномен политического лидерства // Вестник МГУ Сер 12 1994 № 4 С 23

2. ЛИДЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ГРУППОВОЙ ФЕНОМЕН

Социологический подход к лидерству (помимо веберовской типологии господства) включает и анализ структуры общества как отношений власти. Речь идет о понятии «элита» и теориях элит. Теории элит и теории политического лидерства генетически родственны — они исходят из одной идеи о существовании волевого лидера и беспомощных масс, героя и толпы, правящих и управляемых. К теориям такого рода относятся и классические концепции элит Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса. Классики элитизма пришли к выводу, что в обществе правят элиты — группы индивидов, сконцентрировавшие в своих руках всю политическую власть. По их мнению, элита это организованное меньшинство, люди, обладающие высоким общественным положением и богатством, а также социальный «организм» (потомственно воспроизводящийся и имеющий лидерский менталитет). Теории правящих элит концептуально были противопоставлены классическим теориям демократии; по сути, это был спор о типе и характере политической власти. Сторонники элитистского подхода полагали природу власти авторитарной (к примеру, Михельс показал, что вожди социалистов становятся сначала партийной верхушкой, а затем частью олигархического правящего слоя). Получалось, что политическое лидерство это не демократический феномен, оно быстро перерождается в вождизм, олигархию или авторитаризм. Классики элитистского подхода рассматривали в основном один тип лидера — демагога, являющегося хитрой «лисой», которая быстро превращалась в консервативного «льва». В сущности, элита понималась как группа «лидеров культуры», монополизирующих власть и осуществляющих политическое управление.

Этот концепт был использован в 50-е гг. XX в. Ч.Р. Миллсом при анализе им политической власти в демократической системе: он сделал вывод, что именно элита контролирует американские политические институты. Работа Миллса послужила толчком к дискуссии о структуре власти в США, которая вылилась в многолетний спор «элитистов» и «плюралистов» (соответ-

венно наиболее известные эмпирические исследования провели Ф. Хантер и Р. Даль). Спор привел, в сущности, к появлению ревизионистской концепции «демократического элитизма» (это была ревизия как старого элитистского подхода, так и классических теорий демократии). В 60-е гг. XX в. в концепцию плюрализма власти была добавлена категория «элита», ранее считавшаяся несовместимой с демократической системой. Таким образом, идею властной элиты заместила концепция плюрализма элит, представляющих взаимодействующие группы общества. Здесь под демократией понималась не власть народа, а система динамичных социальных элементов, где выборы играют роль лишь при утверждении должностных лиц, самостоятельно принимающих решения. Группы (общности, ассоциации, организации) не только взаимодействуют, но и соревнуются, и в этой состязательной системе очень важен альтернативный выбор. Народ же просто принимает или отвергает лидеров из предложенного набора конкурентов. Поэтому лидерство и конфликт являются атрибутами работающей демократии. Но для групповых элит важнее всего не этот спор, а достижение социального консенсуса, поддерживающего стабильность демократического режима. Для решения проблемы устойчивости демократии и вводится институт политического лидерства (не только отбор вождей, о чем мечтал М. Вебер, но и выращивание социально ответственных руководителей). Таким образом, «элитистская теория демократии» делит общество на правящую «антрепренерскую» элиту и пассивную массу, гражданская роль которой сводится к электоральному действию. Можно согласиться с мнением о том, что методологически новый взгляд на власть был скрытым институциональным подходом⁶. Рассматривая демократию с точки зрения политических методов, исследователи видели роли элит и лидеров лишь в укреплении «правил игры» и сохранении системных норм. Политическое лидерство представлялось ими преимущественно как консервативное. Но,

⁶ Золотарев Р.В., Салмин А.М. Плюрализм, группы и демократия: элитизм в американской политической науке // Политическая наука. Элиты в сравнительно исторической перспективе. Проблемно-тематический сб. / Ред. Ю.С. Пивоваров и др. IV М., 1998.

с другой стороны, самому политическому лидерству — этому феномену власти — придавалось большое значение. Доступ к принятию политических решений в обществе открывается в результате эффективной лидерской деятельности (занятия выборной должности, овладение лидерскими качествами и искусством вести переговоры, формирование и поддержание системы ценностей).

Итак, термин «элита» вместо обозначения закрытой группы лидеров постепенно стал означать такие понятия, как «политическое руководство» и «управляющие структуры» политической системы. А затем категория «элита» стала связываться с проблемой политического развития. Так, Г. Эндрувайт понимал под элитой социальный субъект, оказывающий решающее влияние на социальные процессы⁷. Элиты это такие группы, которые влияют на развитие общества, а демократия является лишь формой контроля над элитой. Согласно Эндрувайту, элита и осуществляет лидерские функции — оказывает трансформирующее или стабилизирующее воздействие на общество. Таким образом, современное представление об элитах по сравнению с классическими моделями существенно изменилось. С точки зрения С. Дж. Элдерсфельда⁸, если по-прежнему считать сущностью элитизма принадлежность носителей власти к привилегированным слоям, то эта зависимость очевидна и сегодня. Но иногда бытующее представление о сплоченности и организованности элиты не отвечает современной действительности. Если же говорить о единстве ценностей, ориентаций и взглядов элитного слоя, то здесь все зависит от культурных особенностей страны.

При подведении итогов можно сказать, что, обратив внимание на феномен лидерства в политике, элитистский подход почти ничего не сделал для прояснения его природы. Он акцентировал внимание на зависимости политического лидерст-

⁷ Эндрувайт Г. Элиты и развитие: Теория и исследование влияния элит на процессы социально-политического развития // Политическая наука: Элиты в сравнительно-исторической перспективе

⁸ Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в современных обществах: Эмпирические исследования и демократическая теория // Там же

ва от социального статуса, на лидерстве как власти «сверху» и на связи демократического типа лидерства с конфликтом.

Социально-психологический подход к лидерству, напротив, сконцентрирован на межличностных отношениях индивидов в малой группе. С точки зрения методологи, эмпирические исследования анализируют психологическое явление лидерства, а результаты социометрического опроса фиксируют групповые структуры как таковые (лидер/последователи, симпатии/антипатии). Исходя из позитивистских установок, взаимоотношения в группе количественно измеряются, и явление лидерства систематизируется (отсюда склонность к многочисленным типологиям). Эмпирические концепции не ставят своей целью специальное изучение политического лидерства, но они исследуют универсальный феномен как межличностное взаимодействие для решения групповой задачи. Этот современный подход отличается от традиционного взгляда на лидерство тем, что смысл понятия сдвигается к ролевой модели вообще (лидерство это позиция в группе), а, в частности, все более активной признается роль последователей. Поскольку в политике действуют преимущественно крупные общины и сложные организации, то данные, полученные при анализе малых неполитических групп, не вполне релевантны для практического использования. Однако личностная и социальная природа лидерства имеет общие тенденции во всех сферах поведения, вот почему мы не вправе игнорировать выводы бихевиористской науки.

Итак, обозначим основные исследовательские поля и выделим значимые научные результаты. Первое систематическое исследование лидерства связано с изучением личных качеств лидеров. Многочисленные теории лидерских черт моделировали лидерскую личность, полагая, что определенный набор личных качеств является общим для всех лидеров. В сущности, под лидерскими чертами (особыми свойствами, отличающими лидера от последователей) понимались навыки оказывать влияние, которым можно обучиться. Подход к лидерству с точки зрения качеств личности сохранил данный объект исследования вплоть до настоящего времени. Динамика развития такого подхода относится лишь к предметной области: если вначале

интерес исследователей касался генезиса личности лидера, то к концу XX в. внимание сместилось к моделированию функций лидера, уже обладающего этим статусом. И хотя теории черт критикуются за противоречивость результатов и отсутствие единого мнения о наборе лидерских качеств, очевидно, что лидеры, и политический лидер в том числе, должны обладать определенными качествами (харизматичностью, компетентностью, стрессоустойчивостью, активностью, инициативностью). Не случайно современные школы менеджмента готовят эффективного руководителя именно как лидерскую личность.

Другим достижением американского психологического бихевиоризма стал подход к явлению лидерства с точки зрения поведения как такового. В центре поведенческого подхода оказалась категория стиля лидерства или руководства. Стиль это манера поведения лидера, позволяющая ему влиять на последователей для достижения цели всей группы. Обобщенным итогом исследований можно считать признание трех основных стилей лидерства:

- 1) авторитарного (где ориентация делается на цель группы);
- 2) демократического (где ориентация делается и на цель и на последователей);
- 3) либерального (где ориентация делается на последователей).

Типология являет собой схематичное представление о континууме стилей, ограниченном полюсами авторитарного и либерального руководства, когда манера действий руководства меняется от жесткой регламентации поведения группы до предоставления этой группе полной свободы. И с позиций «золотой середины» выступает демократическое руководство, действия которого основаны на автономии личности и самовыражении коллектива. Поведенческий подход опирался на гипотезу, предполагающую, что эффективным является какой-то один руководящий стиль. Отысканию оптимального лидерского стиля и были посвящены многочисленные исследования групп и попытки систематизировать эмпирический материал в «управленческие решетки» (это были классификации, исходящие из нескольких параметров описания поведения руково-

дителя). Однако гипотеза не подтвердилась, а показатель эффективности стиля скорее коррелировал с ситуацией (в ряде ситуаций, связанных с неясностью цели и неподготовленностью последователей, оказывался действенным даже авторитарный стиль). Тем не менее данный подход обозначил сам фактор значения манеры поведения лидера и прямой зависимости эффективности работы всей организации от лидерского стиля. В такой сложной поведенческой среде, как политика, национальный лидер и руководитель крупной организации вынуждены, конечно, постоянно менять манеру действия. Но политический лидер тоже человек, и поэтому он имеет свой особый неповторимый стиль руководства, который бессознательно воспроизводит. Над проблемой адекватности рутинного лидерского стиля политическим целям социума и предлагает задуматься поведенческий подход.

Итак, трудности моделирования лидерской личности и выявления оптимального стиля руководства подчеркнули значение ситуационных факторов. Одним из плодотворных направлений исследования лидерства стал ситуационный подход, который объединил личностно-ситуативные теории и ситуационные модели, устанавливающие постоянную зависимость между стилем лидерства и типом ситуационного контекста. К ситуационным факторам принято относить: 1) потребности и личные качества последователей; 2) характер групповой задачи, 3) воздействие среды в целом. При этом сегодня особо подчеркивается значение культурного контекста (ценностей группы) и информационного ресурса лидера. Ситуационный взгляд на лидерство исходит из того допущения, что различные по характеру ситуации требуют адекватных организационных структур. Эффективность лидерства ставится в зависимость от того, появился ли данный руководитель в нужное время и в нужном месте вообще, а также от правильного выбора манеры поведения в конкретных условиях в частности. Так, успех некоторых политиков (к примеру, У. Черчилля) стали объяснять ситуативным фактором их лидерства. Категория «ситуация» теперь рассматривается как некий набор факторов, влияющих на поведение руководителя, причем переменным фактором выступает поведение лидера (которое и описывается несколькими пара-

метрами). Конкретные ситуационные модели (Фидлера, Митчела и Хауса, Херси и Бланшара, Врума-Йеттона и др.) показали необходимость гибкого подхода к лидерству в целом. Лидерство, с этой точки зрения, представляет собой динамичное взаимодействие поведения лидера и ситуационного контекста, который лидеру необходимо правильно оценить. Лидер должен учесть свои личные возможности и prerogatives руководящего статуса, способности и цели своих последователей, структурировать посильную для группы задачу, учесть особенности субкультуры этой группы, собрать нужную информацию и многое другое, прежде чем выбрать линию поведения. При этом последующее изменение ситуации влечет за собой и необходимость в перемене стиля лидерства. Современный руководитель должен овладеть полным арсеналом мер и способов влияния на людей и применять на практике все стили лидерства. Признаком эффективного лидерства, согласно данному подходу, является умение найти «адаптивный» стиль, т. е. избрать поведение, адекватное требованиям сиюминутной реальности. В целом ситуационный подход к лидерству, на наш взгляд, очертил и возможности лидера как руководителя: это структурирование внутригрупповых отношений, создание социального проекта, институциональное укрепление статуса руководителя, точный прогноз и правильная реакция на вызовы времени и перемены в мире. Выводы, полученные на основании исследования Малых групп, имеют непосредственное отношение и к политическому лидеру: он заботится о создании общественного мнения; предлагает программу действия, ведет борьбу за статус (президентства, губернаторства, руководства в партии), принимает «консервативную» или «реформаторскую» парадигму действий в меняющемся мире.

Еще одним достижением эмпирических теорий лидерства явилось установление зависимости эффективности руководства от мотивационной сферы личности. В основе современного концепта мотивации лежит иерархия потребностей А. Маслоу («Мотивация и личность», 1954 год). Мотивация — это побуждение лидером и себя и других к достижению групповой цели. Первоначально побуждение к поведению понималось как простое внешнее воздействие власти (политика «кнута

и пряника»). Заслуга бихейвниористов, сделавших поведение предметом психологии, состояла в продвижении идеи сложности внутренних человеческих потребностей. Согласно Маслоу, именно потребности индивида и формируют его мотивационную сферу. Все потребности он разделил на пять категорий, или уровней. Физиологические потребности и потребности в обеспечении безопасности являются первичными, а социальные потребности, желание вызывать уважение и иметь возможности самовыражения являются вторичными. Таким образом, система Маслоу указывала на приоритет высших потребностей. Однако вторичные потребности действуют как мотивации только тогда, когда удовлетворены первичные потребности. По Маслоу, потребности вообще удовлетворяются в строгой последовательности снизу вверх, т. е. конкретное поведение мотивирует самая нижняя из неудовлетворенных потребностей. Открытие Маслоу сегодня много критикуется за иерархичность системы, жесткость и условность границ между уровнями. Однако идея его «работает» именно в теориях лидерства, где большое значение придается как мотивам самого лидера, так и его способностям к мотивации сторонников на движение к цели группы. Последующие концепции мотивации (Д. МакКлелланда и Ф. Герцберга) содержали идею о том, что активно мотивирующим поведение являются потребности высшего порядка (к ним относится и потребность во власти). Итак, потребность есть осознание отсутствия чего-либо, побуждающая человека к действию. Первичные потребности существуют изначально, а вторичные образуются в ходе приобретения социального опыта. Сама возможность удовлетворения потребности и создает эффект ценности вознаграждения. Ценность есть субъективное мнение индивида, иначе говоря, каждый по-своему считает, что для него ценно. Согласно Маслоу, когнитивный процесс становится и процессом определения ценностей. «Реальный мир, увиденный и понятый, превращается в мир ценный и желанный. Мир, который «есть», становится миром, который «должен быть»⁹. Значение

⁹ Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. С. 121, 122.

концента мотивации для теорий лидерства и управления состояло в акцентировании внимания к мотивам деятельности последователей и служащих. Руководитель должен знать, на каком уровне находится потребность, чтобы правильно мотивировать поведение служащего (что толку призывать к росту личности, когда человек нуждается материально?). Менеджер имеет сложный арсенал средств вознаграждения: внешние (деньги, карьера) и внутренние (ощущение успеха, принадлежность к команде). При этом потребности, мотивирующие поведение человека, зависят и от культурного контекста (в американской культуре самовыражение более связано с делом, чем в мусульманской культуре, ориентированной на благодушное мирозерцание). Значима для концепций лидерства и теория ожиданий, исходящая из предположения, что человек станет прикладывать усилия, если ожидает удовлетворения своей потребности. Мотивация есть функция ожидания, поэтому, формируя структуру ожиданий, лидер может задавать и мотивацию поведения последователей. Фактически лидер завоевывает у сторонников доверие и вселяет в них веру, и это активно используется в практике проведения политических выборных кампаний. Неслучайно сегодня выявление структуры ожиданий потенциальных избирателей является одним из условий адекватной оценки предвыборной ситуации политическим лидером.

Однако теория мотивации Маслоу нашла свое выражение не только в общей тенденции учета потребностей последователей и мотивов лидера. Современная концепция постмодернистских ценностей Р. Инглхарта (лежащая в основе проекта компаративных исследований культур) исходит из того допущения, что у послевоенных поколений появились чувства экзистенциальной безопасности, социальной защищенности и уверенности в будущем. Вывод Инглхарта сводится к тому, что (поскольку базовые потребности удовлетворены) постсовременный человек формирует наивысшие ценности самовыражения. Этот исследователь прямо опирается на теорию Маслоу и показывает, как ценность возникает из сферы мотивации. Такого рода «высокая» стратегия жизни на Западе, по Инглхарту, рационализируется именно из базовой удовлетворенно-

сти индивида¹⁰. Следовательно, теория мотивации сегодня является инструментом объяснения поведения именно в структурировании отношения «лидер – последователи» (при этом принято исходить из схематической зависимости «потребность – мотив – ценностная ориентация – поведение»).

Таким образом, выявилась общая тенденция при рассмотрении лидерства как группового феномена: от лидерской личности к взаимоотношениям в группе. Эмпирический подход включал, как правило, две переменные: лидера как личность; эффективное лидерство и руководство в малой группе. Говоря конкретно, бихевиористские теории лидерства изучали причины лидерства (становление лидера) и природу явления лидерства (что есть лидерство).

И хотя лидерство в политике отличается от лидерства в малой группе (большие группы, дистанционное лидерство, коллективное принятие решения), все же рассмотрение феномена как такового показало аналогичное значение для лидерства в политике и социального статуса, и возможности структурирования лидерства в форме отношений власти.

3. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИКЕ

С позиции психологического подхода была предпринята попытка проведения системного анализа политического лидерства¹¹. В книге «Политическая психология» (1986), вышедшей под редакцией М.Дж. Херманн, лидерство рассматривалось в виде общей концепции, включающей ряд факторов, сочетание которых и позволяет обозначить природу этого феномена в конкретной ситуации. Такими факторами являются:

¹⁰ См. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Полис 1997 № 4, Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. Сб науч трудов М., 2002

¹¹ См. Херманн М. Дж. Составные части лидерства // Политология вчера и сегодня. Вып. 2. М., 1990

- 1) личность лидера и его происхождение, а также тот процесс, благодаря которому он стал лидером;
- 2) характерные черты групп и индивидов, которыми руководит данный лидер;
- 3) характер взаимоотношений между лидером и последователями;
- 4) контекст или условия, в которых осуществляется руководящая роль лидера;
- 5) результаты взаимодействия между лидером и последователями¹².

Ряд факторов политического лидерства (характер лидера, свойства его конститuentов, взаимосвязь лидера с последователями и конкретная ситуация) отражен в четырех собирательных имиджах. Образ «знаменосца» основан на демонстрации личных черт лидера как «великого человека», имеющего мечту-цель. Имидж «служителя» является выражением ожиданий приверженцев, когда их интересы провозглашаются как политические цели. «Торговец» убеждает конститuentов «купить» его идеи и, создавая свой образ, заботится о поиске коммуникационной стратегии. «Пожарный» реагирует на вызовы ситуации, и над его образным воплощением доминирует насущная потребность. Данная типологическая модель в политической практике используется как набор «масок», соответствующих адекватным взаимоотношениям с последователями в условиях конкретного момента¹³.

Первой составной частью лидерства, по мнению Херманн, выступает контекст осуществления руководящей роли. Среди факторов контекста называются следующие:

- наличие и характер формализованных правил для принятия решений;
- степень подотчетности руководителя перед руководимыми;
- сила и тип оппозиции;
- характер политических убеждений;
- ресурсы, доступные для руководителя;

¹² Херманн М. Дж. Составные части лидерства. С. 179.

¹³ Херманн М. Дж. Стили лидерства в формировании внешней политики // Полис. 1991. № 4. С. 91, 92

— организационный пласт, лежащий между руководителем и руководимыми.

Подчеркнем наиболее существенные моменты контекста Ситуация как таковая требует решения, связанного с распределением ресурсов (вознаграждением сторонников и выбором целей для группы или организации). Принятие решения делит, как правило, руководимых на «победителей» и «побежденных», что чревато ценностными конфликтами. Решение проблемы ресурсов упирается в их доступность для лидера: важно знать, какими ресурсами лидер располагает непосредственно, может ли он сам мобилизовать ресурсы или должен ждать разрешения на их получение. Например, губернаторы и мэры городов способны предложить программы действий, но принятие решения о выделении ресурсов под их программы зависит от государственных органов. Такая зависимость влияет и на стиль руководства: те, кто сами могут мобилизовать ресурсы, более склонны к командному стилю. Проблема ресурсов имеет и другой аспект: наблюдается ли их дефицит или имеется избыток ресурсов. В частности, требуются совершенно иные навыки и мотивации, чтобы руководить в условиях дефицита ресурсов, усиливающих конкуренцию и критику.

Одним из ключевых факторов контекста является подотчетность лидера конституентам (избирателям, приверженцам, всем взаимодействующим с лидером субъектам). К примеру, зона свободы лидера избранного, больше, чем лидера назначенного, обязанного проявлять лояльность к своему покровителю. Избранный же лидер, как замечено, тем больше уделяет внимания избирателям, чем чаще происходят выборы. Сложные отношения с последователями возникают в ситуации, когда политическая оппозиция появляется среди сторонников лидера. Исследования американских ученых показывают, что если оппозиция представляет угрозу для статуса политического деятеля, то лидер спасает свое положение в ущерб политическим интересам.

Некоторые общие моменты контекста являются, как правило, определяющими. Так, политические лидеры всегда работают в рамках принятых убеждений и норм тех, кем они руководят. Нормы и убеждения варьируются в зависимости от эпохи,

поэтому лидеры, не чувствующие изменений времени, могут утратить свое положение. Политические лидеры должны четко реагировать и на изменение общего характера обстановки при переходе от мирного течения событий к кризисному состоянию обязательно требуется смена стиля руководства. Обстановка, окружающая политического лидера, в целом подразделяется на ситуации двух типов: 1) прямое взаимодействие руководителя и руководимых и 2) опосредованное их взаимодействие. При первой ситуации приидент непосредственно взаимодействует с кабинетом министров и председателем парламента, но руководящая роль президента в отношении управленческого аппарата и народа осуществляется через посредников. Второй тип ситуации предполагает отношение не с президентом как личностью, а с его имиджем. В связи с этим выработка политики и принятие решений будут являться функциональным результатом непосредственного контакта, тогда как создание опоры для существования режима будет задачей дистанционного руководства. Таким образом, контекст лидерства это те параметры, в которых осуществляется политическое руководство.

Второй составной частью лидерства является сам лидер, индивид, наделенный властью и ответственный за свои решения. На политическое руководство могут оказать влияние следующие семь факторов:

- 1) политические убеждения лидера;
- 2) политический стиль лидера;
- 3) мотивы, которыми руководствуется лидер, добиваясь положения политического руководителя;
- 4) реакция лидера на давление и стресс;
- 5) те обстоятельства, в результате которых лидер впервые оказался в положении политического руководителя;
- 6) предшествующий политический опыт лидера;
- 7) политический климат, в котором лидер начинал свою деятельность¹⁴

Политические убеждения лидера Они определяют то, как лидер интерпретирует политическую среду, помогают состав-

¹⁴ См. Херманн М. Дж. Составные части лидерства С. 187.

лять «карту политической сферы» и «ориентироваться на местность». Убеждения задают лидерские цели и определяют стратегии. Например, убеждение в важности следования партийной линии влияет, как правило, на характер взаимоотношений и структурирование приоритетов. Исследования поведения американских президентов, госсекретарей и сенаторов показали наличие своего рода «операционных кодов», задающих несколько типов политического действия. Кроме знания убеждений, важно выяснить, насколько твердо лидер придерживается их, становятся ли они доминирующими или лидер оказывается восприимчив к окружающей среде, изменяя свои убеждения. В связи с этим выделяются два типа лидеров: 1) «крестоносцы» (лидеры с сильными политическими убеждениями, стремящиеся навязать и другим свои взгляды) и 2) «прагматики» (убеждения которых меняются в зависимости от конкретной ситуации).

Политический стиль лидера. В отличие от определяющего значения убеждений влияние стиля оказывается косвенным, но именно политический стиль задает тон и модель лидерства. Важно выяснить, как лидер действует: предпочитает ли он личную дипломатию, делает ли акцент на риторике, интересуется ли детальным изучением проблем или стремится получить общую информацию, придает ли значение секретности и т. п. Все это является элементами политического стиля. Он оказывает ограничивающее влияние на ближайшее окружение лидера, по крайней мере, в двух направлениях. Во-первых, окружение склонно принимать стиль, чтобы иметь доступ к лидеру. Во-вторых, наблюдается эффект двойника. Лидеры хотят ощущать вокруг себя подобных, что обеспечивает им психологические комфорт и отсутствие конкуренции.

Мотивы лидерства. Среди мотивов лидерства называются следующие:

- потребность во власти;
- верность делу (стремление решить проблему или внушить свои идеи);
- чувство ответственности;
- потребность в одобрении и уважении;
- потребность в получении статуса и признания;

– необходимость компенсировать лидерством переменные личные проблемы.

Знание мотивов помогает понять поведение лидера: является ли данный пост ступенькой в его карьере или его и впрямь интересует дело, будет ли политик активно действовать или станет равнодушно исполнять обязанности и т. п. Мотивация поведения позволяет, кроме того, предположить, что именно лидер намерен делать в будущем

Реакция лидера на стресс Ситуации, в которых работает лидер, характеризуются неопределенностью, конфликтностью и подразумевают «высокие ставки», поэтому положение политиков чревато развитием стрессовых состояний. На некоторых лидеров стрессовые ситуации оказывают мобилизующее воздействие, но большинство из них испытывают чувство подавленности. По мере усиления стресса политики становятся все более осмотрительными и бездеятельными, хотя внешне это не всегда очевидно. Лидер «под давлением» делается непреклонным и берет в свои руки контроль над принятием решений; он быстрее делает выводы, не принимая во внимание последствия, оценивает настоящее с позиций прошлого; полагается только на самый узкий круг последователей. Как следствие, лидер избегает получения объективной информации, не ищет альтернативных вариантов и вообще старается не вникать в суть дела. Его больше заботит не решение политической проблемы, а поиск поддержки для сохранения личной власти. Некоторые ситуации могут привести к интернализации стресса, когда внешние угрозы приобретают внутренний, всепоглощающий характер. В таком случае лидер переключается на единственную проблему «жизни или смерти» и направляет все ресурсы на ее разрешение.

Знание о первом политическом poste лидера Данные из биографии лидера могут помочь предугадать, как он будет себя вести, занимая руководящее положение, а сведения о том, какой первый политический пост он занимал, дает ключ к объяснению мотивов его поведения (имеется в виду уровень этого поста и то, каким образом он был получен). Дело в том, что, попадая в сложные ситуации, лидеры склонны возвращаться к такой риторике и той практике, которые помогли им добиться

ся успеха. Знание о том, какой опыт приобрел лидер, как долго он находился на данном посту, многому ли ему придется еще учиться, какие методы он считает действенными, каким факторам среды придаст значение, — все это дает представление о «репертуаре» лидера, ведь первичный опыт надолго остается в памяти. Политические психологи ведут дискуссии на тему, применимы ли навыки, полученные лидером на одном посту, для работы в другой должности. Они обсуждают, как соотносятся опыт проведения политической кампании и управленческий процесс, опыт революционера и правительственная деятельность, работа в частном секторе и служба в государственном секторе и многое другое.

Предшествующий политический опыт лидера. Важно знать, каким образом и почему лидер обрел свое нынешнее политическое положение: достиг ли его с помощью системы, продвинулся ли благодаря покровительству или опирался на собственный опыт и свои лидерские качества. Эта информация поможет определить, как хорошо лидер знает конститuentов, насколько разделяет их ценности, в какой мере зависит от них и какие имеет полномочия для изменений. Различные типы поведения лидера связаны с процессом становления лидерства.

Политический климат Лидеры являются продуктами своего времени. Важно знать, какие события и идеи формировали молодежь в период, когда будущий лидер становился взрослым. Иначе говоря, общий опыт поколения влияет на политическую социализацию лидера. Он формирует нормы и убеждения будущих лидеров и их конститuentов.

Третьей составной частью лидерства являются конститuentы. Руководящая деятельность лидера охватывает, как правило, несколько слоев последователей (от ближайшего окружения до широких масс). Для изучения политического лидерства необходимо знать, что представляют собой различные группы конститuentов, каковы их ожидания и перед кем лидер несет ответственность. В большинстве политических ситуаций руководимые общаются с лидером через посредников или через средства массовой информации. В результате представления о лидере многократно передаются и трансформируются, что создает зачастую ошибочное представление о нем или приво-

дит к непониманию его позиции. Лидер же обязательно должен знать мотивы действий своих последователей: одни стараются решить собственные проблемы, другие хотят привлечь внимание, третьих интересует дело, некоторые идеализируют лидера как наставника и т.д. Многочисленные побуждения к действию со стороны последователей ставят перед лидером самые различные руководящие задачи (мобилизацию разных групп, определение зоны свободы, выявление угроз). Главный вопрос заключается в том, чтобы определить, какая из групп может лишить лидера его положения. Знание этого дает представление о границах деятельности данного лидера. Пределы деятельности руководителя задают не только последователи, но и равные по рангу лидеры, что особенно ощущается на международной арене. Оценки эффективности такого рода взаимодействия влияют на чувства доверия и уважения к лидеру. Итак, лидеры вовлекаются в процесс «взаимного регулирования», они поддерживают равновесие между ожиданиями и потребностями сторонников, своими собственными целями и интересами, а также целями и интересами той политической силы, которую лидер представляет. В стремлении установить это равновесие лидеры выполняют следующие функции:

- создают сети и коалиции,
- определяют программу действий и формируют политику;
- развивают энтузиазм у последователей;
- формируют и поддерживают свой имидж;
- отбирают и воспитывают эффективно работающий персонал,
- собирают информацию;
- решают конкретные задачи.

При этом надо иметь в виду, что политическое лидерство есть коллективный продукт многих индивидов, действующих от имени лидера, поэтому лидер должен тщательно отбирать тех, кто играет ключевые роли в коммуникации. В процессе лидерства политик управляет не только людьми, но и средой, в которой он действует (поэтому здесь так важна информация). Итак, лидерство это отношения лидера и последователей, своего рода взаимодействие встречных ожиданий. Лидер проявляет свой интерес к руководимым, демонстрируя движение к цели. Последователи тоже выполняют действия навстречу

лидеру. Так, американская практика показывает, что в короткий промежуток времени после вступления лидера на пост («медовый месяц») руководимые вообще воздерживаются от критики. Большинство конституентов находятся в «зоне безразличия». Они одобряют и поддерживают политика только потому, что происходящее не имеет для них большого значения. В целом сторонники понимают свою роль по-разному. То, как они строят свои отношения с другими социальными партнерами, влияет и на их выбор лидера:

- если они склонны к оппозиции или конкуренции, то связывают свою судьбу с сильным лидером;
- если они рассматривают себя в качестве партнеров, то будут искать лидера, равного себе;
- если же они ощущают себя зависимыми от других, то будут стремиться найти в лидере опору.

Таким образом, оценка лидера (основной вид политической деятельности) положительно коррелирует с ориентациями конституентов. Словом, не бывает лидеров без последователей и наоборот.

4. ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТОЛОГИИ

С 70-х гг. XX в. тема лидерства стала освещаться и в политологии. Начали появляться работы Д. МакГрегора Бернса, Д. Пэйджа, Р. Такера, Б. Келлерман, Ж. Блонделя. Данные авторы стремились решить проблему политического лидерства, исходя из общей цели систематизации и классификации материала. При этом часть из них оставалась в узких рамках одного объяснительного концепта, к примеру, Д. Пэйдж использовал психологическую модель лидерства. Для него лидерство есть комбинация следующих компонентов: 1) личности, 2) ее роли, 3) организации (в трактовке категории «политический режим»), 4) задач, 5) ценностей, 6) институтов. Напротив, Б. Келлерман делала акцент на широком междисциплинарном подходе к политическому лидерству.

Ряд исследователей в центр своего внимания поставили собственно поведенческое лидерство (в отличие от лидерства

позиционного, заданного лишь институционально, статусом и ролью политического руководителя). При этом они рассматривали динамику поведения лидера как взаимодействие его личности и среды. К примеру, Д. МакГрегор Бернс в работе «Лидерство» анализировал ситуацию политического перелома и появление в ней исключительного лидера, что обнаруживает очевидное влияние концепта харизматического господства М. Вебера¹⁵. Понимая под политикой поведение, Бернс полагал, что именно в экстремальной ситуации политический лидер и способен изменять поведение ведомых. Трактую данный феномен лидерства как влияние, Бернс обратился к мотивации и ценностным установкам действий последователей. Так, совокупность желаний людей, направляемых лидером, делилась им на эмоциональные миры повседневного и внеобыденного. Исходя из наличия двух типов аффективных контекстов, соответственно, считал он, возможны две системы отношений «лидер – последователи». Бернс различал в связи с этим и два типа лидерства в политике «соглашательское» и «трансформирующее». В первом случае лидер и последователи совершают простой взаимообмен политическими ценностями. Это состояние характеризуется как политическая рутина, т. е. отношения лидера и партии, парламентария и его избирателей, национального политика и граждан. Во втором случае лидером формируется мотивация последователей, когда их ценностные ориентации трансформируются к высшим целям. Именно такой лидер, опираясь на взвинченные ожидания масс, возглавляет реформы и революции. Здесь трансформируется не только поведение последователей, но и характер самого лидерства: последователи могут стать лидерами, а лидер превращается в деятеля, проповедующего моральные принципы. Таким образом, перед нами подход к политическому лидерству с точки зрения нравственности. В сущности, Бернс делит лидеров на две категории: на банальных функционеров и истинных лидеров. И совершенно прав Ж. Блоидель, отмечая упрощенность подобной классификации в виде бинарной оппозиции. Противопоставление «герой/злодей – делец» есть дихотомия «вели-

¹⁵ См.: Burns J. M. Leadership. N Y., 1978.

кого человека», делающего историю, и человека обычного, действующего «здесь и сейчас». Именно новый «великий человек» и становится «преобразующим лидером» в переломной ситуации, согласно Бернсу. Узость его подхода в том, что две модели поведения лидеров (направленные на преобразование или на компромисс) не исчерпывают всего многообразия политических ситуаций, которым на практике соответствует множество лидерских стилей. Общий же подход к лидерству с точки зрения этической дилеммы, на наш взгляд, имеет прямое отношение к научной традиции противопоставления относительных инструментальных ценностей и абсолютных ценностных образцов, т. е. линии Макнавелли и Канта (что также было характерно для концепта политика М. Вебера). Таким образом, по Бернсу, действуя в экстремальной ситуации, лидер трансформирует организационный контекст (характер и структуру отношений с последователями). Но главные перемены касаются самого социума, измененные ценности которого теперь приспособлены к динамичной окружающей среде.

Обсуждение проблемы лидерского поведения в ситуации перелома продолжил Р. Такер в книге «Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева» (1987)¹⁶. Особенность этого анализа политического лидерства заключалась в том, что общим контекстом для феномена лидерства выступала политическая культура вообще и исследовалась революционная практика России в частности. Октябрьскую революцию в России Такер определяет как революцию культурную, вот в этой ситуации культурного перелома, по его мнению, и осуществлялось действие политического лидерства. Акт лидерства начинался с «диагностики» ситуации, т. е. позиционирования ситуации относительно лидерского действия. Для Такера лидерство есть влияние, но он рассматривает лишь частный случай: эффективное лидерство в общественно-политическом движении. Итак, исходной предпосылкой для акта лидерства в политике является такое положение дел, кото-

¹⁶ Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 1–3.

рос воспринимается отрицательно большинством социума. Лидер и определяет данное стечение обстоятельств как чрезвычайно проблемную ситуацию. При этом в качестве политического решения лидер предлагает новый курс совместного действия. Согласно Такеру, общественное движение без лидерства невозможно, оно генерируется самим феноменом лидерства. Отсюда и политическая культура формируется через феномен лидерства. Такер предлагает следующую типологию лидеров: 1) консерватор, 2) реформатор, 3) революционер. Действие каждого из них направлено на приведение реальной политической культуры общества в соответствие с идеальной моделью. Консерватор сохраняет статус-кво, примиря реальную модель с ее идеальным представлением. Реформатор создает миф об идеальной модели и определяет ситуацию как отклонение от идеала, при этом он стремится исправить ситуацию путем изменения обычаев. Революционер определяет ситуацию как непоправимо неправильную, потому единственное решение для него — фундаментальное переустройство общества в сторону идеальной модели. Очевидно, что консерватор и оба преобразовательских типа отличаются по их действиям, а реформатор и революционер действуют одинаково, но по-разному определяют ситуацию. Конкретным примером лидера-революционера для Такера стал Ленин. «Апрельские тезисы» Ленина, по мнению исследователя, и диагностировали ситуацию в России как предреволюционную. Такер полагает, что это яркий пример самодостаточности политического лидерства, когда латентная ситуация превращается в актуальную. Таким образом, Такер вносит новый элемент в исследование ситуации общественного перелома: он показывает, что такую предельную ситуацию структурирует политический лидер. Как и у Бернса, у Такера речь идет о лидерстве, трансформирующем общество, культуру и историю, т. е. современная наука опирается на некоторые традиционные идеи лидерства. В целом же перечисленные авторы, занимаясь наблюдением и описанием политического лидерства, не создали его обобщающей концепции.

Конструированию именно интегральной концепции посвящена работа Ж. Блонделя «Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу» (1987). Он считал, что необходи-

мо создать общую классификацию, принципиальной основой которой станет показатель влияния лидеров. Итак, систематизация политического лидерства должна начаться с изучения влияния лидера на общество (это зависимая переменная величина). Лидер, оказывающий влияние, действует в определенном контексте. Например, политический режим создает такие институциональные и процедурные особенности, которые зададут и цели лидерства. Блондель вообще подчеркивает особую роль среды (независимой переменной). Среда, с одной стороны, вводит ограничения, но, с другой стороны, создает и возможности для политика. Она дает лидеру шанс на перемены, включая и кризисные ситуации. Вообще, считает Блондель, политические инициативы представляют центральную основу для классификации лидерства. Рассуждая о среде далее, исследователь отмечает, что большинство типов ситуаций в политике связано с убеждением ведомых в необходимости перемен, и лишь когда лидер и население расходятся в вопросе главных инициатив, тогда используется принуждение. Блондель задается вопросом: как можно дать сравнительную оценку влияния лидеров на общество? Средством для этого может послужить метод моделирования. Значение измеряемого влияния, как представляется Блонделю, лежит между намерениями и действиями, это и будет реальное влияние лидеров на политическую жизнь. В основе авторского концепта влияния оказываются «цели» — совокупность намерений, которые лидер пытается реализовать на практике. Цели не есть мечты или надежды, это общие ориентиры на коллективное действие (что включает и ситуации сохранения статус-кво).

Таким образом, распространенное разграничение политических ситуаций лишь на обычные и переломные, а деление лидеров на «менеджеров» и «героев», по мнению Блонделя, не отражают масштаба перемен. Некоторые лидеры не являются ни спасителями, ни революционерами, ни патерналистами, ни популистами, но могут быть лидерами согласно положению и своим качествам руководителя. Руководитель, «делающий» политику в конкретной области, тоже может быть лидером. Итак, Блондель предложил два подхода к классификации политических лидеров. Согласно первому из них, великие лиде-

ры разграничиваются на основе их желания сохранить или изменить общество. Согласно второму подходу, лидеры артикулируются на «великих людей» и «делателей политики». Таким образом, Блондель предложил два измерения политического лидерства как поведения (изменение/сохранение и масштабы деятельности)¹⁷.

Типология потенциального влияния лидеров

Измерение 1	Сохранение существующего положения	Умеренные изменения (прогресс/регресс)	Широкомасштабные изменения (прогресс/регресс)
Измерение 2			
Широкая сфера деятельности	<i>стик интели</i> (Черчилль, де Голль)	<i>патерналисты, популисты</i> (Бисмарк, Сталин)	<i>идеологи</i> (Мао, Гитлер)
Умеренная сфера деятельности (аспект системы)	<i>целикатели</i> (Эйзенхауэр)	<i>переходящие</i> (Рейган, Тэтчер)	<i>реформисты</i> (Рузвельт)
Узкая сфера деятельности	<i>менеджеры</i> (министры, занимающиеся конкретными проблемами)	<i>улучшатели</i> (министры, модифицирующие какой-то аспект политики)	<i>новаторы</i> (деятели, кладущие начало новой политике, например, земельным реформам)

Если подвести некоторые итоги, то можно отметить явную склонность исследователей политического лидерства к системному подходу (внимание к проблеме устойчивости системы и ее трансформациям), но данный подход не сочетался с собственно системным анализом, а оставался скорее неким общим видением политики. Понятие системы, как нам представляется, использовалось в двух качествах. Во-первых, само отношение «лидер – последователи» изучалось как система, имеющая структуру позиций, характеристик, ресурсов. Во-вторых, лидерство представлялось относительно замкнутой структурой отношений, помещенной во внешнюю среду (отсюда и значе-

¹⁷ Блондель Ж. Политическое лидерство. С. 443, 444.

ние среды или контекста). Что касается научных методов, то перед нами бихевиористская наука с ее наблюдаемым поведением и стремлением к точной классификации явлений. Общий же научный результат можно охарактеризовать как интегральное описание феномена лидерства в политике.

В целом лучшие работы по исследованию политического лидерства созданы в традиции эпохи модерна, это значит, что основные идеи тесно связаны с понятием прогресса как развития. В данном теоретико-методологическом русле и проявились основные разногласия в понимании феномена лидерства в политике, его сущности и значения. Преобладающим ракурсом исследований было историческое сопоставление. Здесь западная наука боролась с крайностью марксистской теории, отрицающей роль личности в истории и поднимавшей значение фактора масс. Потому на вооружение и бралась старая идея «великого лидера», который меняет общественный порядок, выступая двигателем исторического прогресса. К концу XX в. пришло понимание, что политический менеджер — этот скромный труженик организационных будней, он тоже выполняет лидерские функции (проводит реформы и модифицирует систему), но крупномасштабные дела все еще остаются за «героем». Как наследие фрейдизма зафиксировалась и еще одна крайность в понимании лидерства — редукционизм в его психоисторической модели. Но в целом, разработав категории и описав явление политического лидерства, модернистская наука исчерпала возможности такого рода подходов, поскольку характер самого лидерства в политике подвергся изменениям. Лидер XXI в. — это продукт коллективного труда в своих основных ипостасях: имидж в отношениях коммуникации и экспертное политическое решение. Поэтому постсовременное видение лидерства есть скорее концепт политического лидера (образ, текст, рекламный символ).

5. ЛИДЕРСТВО В XXI В.

Самое современное суждение о политическом лидерстве соотносится по-прежнему не только с понятиями власти и влияния, но также с представлениями об управлении и админи-

стрировании. Однако соотношение категорий «лидерство» и «администрирование» рассматривается на примере организации (главным образом в бизнесе), т. е. обсуждение лидерства связывается с понятием менеджмента. К концу XX в. вообще представление о природе лидерства претерпело некоторые изменения. Принято считать, что лидерство как деятельность, подобно процессу коммуникации, пронизывает всю систему управления организацией. Дело не только в том, что назначенный администратор может быть признан организационным лидером, т. е. формальный статус сегодня желательно подкрепить лидерской ролью. В чем же сущность лидерства в организации? Веберовский бюрократ принимал решения вне ценностного контекста, а вот современный лидер-администратор не игнорирует ценностный компонент. Значит, процесс принятия решений включает в себя и мотивацию подчиненных. Из мотивов главным является высший мотив самореализации, когда подчиненные вносят в производственный процесс свой собственный вклад. Основным ресурсом современной организации считается информация, но ею сегодня обладает не только начальник, но обладают также и компетентные служащие. Поэтому родился новый постулат теории лидерства, что не только босс, но и служащие могут быть руководителями. Возникает вопрос: как это может происходить, ведь у них нет высшего статуса? Но дело в том, что изменились основания лидерства, оно теперь рассредоточивается в организации (как в иерархии, так и в горизонтальных связях). Причина лидерства теперь не в должности, а в знании. Если человек обладает знанием того, как изменить направление развития организации, то он способен стать лидером. В результате сегодня принято считать, что лидерство имеет направление не только «верх — низ», но и может возникать снизу.

Изменение причин, основ лидерства связано с новыми веяниями времени. Современная организация проигрывает, если развивается традиционными путями, поэтому она вынуждена ориентироваться на новые направления в своем развитии. В этом трудном деле лидер становится все более зависимым от последователей (от общих знаний и новаторства группы). Ключевым словом здесь является «новаторство», и лидерство

в организации возникает уже потому, что новатор указывает путь и увлекает за собой. Тенденция следования за «техническим лидером» (более образованным) наблюдается сегодня как раз в организациях, требующих нововведений. Однако в жизни не все так просто, как в теории, и основная сложность в том, что начальник не мотивирован на новое или не способен воспитывать новаторство снизу. Поэтому в реальности легче из назначенного руководителя сконструировать (в том числе и посредством обучения) организатора, играющего роль лидера. Если же группа признает его как организационного лидера, то это почти идеальный вариант.

Какие же действия и качества в организации являются лидерскими? Безусловно, истинный лидер во всех сферах это «герой», и понятие харизмы широко используется для описания лидерства в организации. Если руководитель мотивирован на самореализацию и совершенствуется (что вызывает восхищение), то он герой для подчиненных. Такой руководитель способен повести людей за собой. Однако харизматический лидер ставит своих последователей в очень сильную аффективную зависимость. С точки зрения современного видения лидерства, здесь есть и плюсы, и минусы. Магнетическая личность дает импульс к движению, но затем последователи, все более полагаясь на нее, начинают сомневаться в собственных лидерских способностях. Сегодня лидерство должно быть не сконцентрировано наверху, а рассеяно по организации и смещено от персоны к знанию. Общая тенденция к плюрализму власти сказывается и на феномене лидерства, поскольку без власти нет структуры организации. В этом смысле лидером в XXI в. не рождаются, хотя некоторые люди наделены от природы подобным магнетизмом личности. Таким образом, на сегодняшний день актуальны два типа власти: власть знания и власть личности. Именно эти инструменты лидерства позволяют начальнику быть эффективным руководителем в современных ситуациях, т. е. оказывать влияние и изменять сознание и поведение людей.

В организации, ориентированной на инновации, большое значение имеет дар предвидения у руководителя. Является ли он лидером, если обладает этим даром? Без сомнения, дар

предвидения — это лидерское качество, но в чем его значение? Предвидение мотивирует людей, сообщает толчок их действиям. Но лидерство связано с определением направления движения, и здесь одного предвидения мало, нужна вера (поведенческая идентификация с идеей, мечтой, ценностями). Психологической основой веры выступает стремление быть лучшим, оно субъективно по природе и основано на самовнушении, поэтому и эмоционально выражено. Само предвидение может вызвать сильную эмоцию, но оно не содержит плана (направления) конкретной реализации. Такая модель «включает» отношение «лидер — последователи» лишь в процессе организационного лидерства. Без способностей к руководству предвидение у человека остается фантазией провидца, значит, обладание лидерской чертой (проницательностью) само по себе не есть лидерство. В советской тоталитарной идеологической системе было принято дифференцировать роли: Маркс создал учение о коммунистической революции, а Ленин воплотил это учение в жизнь. Ленин проявил себя практиком, подал конкретный пример того, как можно это сделать, поведя за собой организацию большевиков. Значит, лидерство есть побуждение к следованию за лидером. Маркс же выступил как великий «мотиватор», его новаторские идеи вызвали реакцию одобрения и побуждали вступить в революционную борьбу вообще, в том числе мотивировали на лидерское действие других. Дар пророка бывает особенно необходим лидеру в момент перелома, когда люди оказываются растеряны и испуганы неизвестностью: этот дар присущ скорее авторитарному стилю руководства, призванному установить политическую цель и структурировать задачи по ее достижению. Можно сделать вывод, что лидерство в политике (как и в бизнесе) основано на тех же принципах, что и лидерство в группе.

Часто руководитель группы просто выступает с воодушевляющими декларациями, что, конечно, способствует успеху группы, т. е. руководитель является «инструктором» и управленцем. Но для лидерства этого мало. Лидерство предполагает указать направление движения. В бизнесе лидерство понимается в категориях и терминах рынка. Служащие становятся своего рода «предпринимателями», придум-

мывающими новые направления движения и развития. Но «рыночный лидер» на любом рынке это лидер в данной нише или области. Потому для лидеров – сотрудников компании, производящих инновационный продукт, лидер более высокого уровня может находиться и вне компании, доминируя на соответствующем сегменте рынка. Таким образом, управленческий процесс как лидерская деятельность перестает быть только вертикальным руководством (рыночный лидер это лидер отраслевой). Лидерство есть состояние решающей инновации отрасли, основанное на производственной компетенции: лидирование как таковое базируется на мастерстве (лидерская роль в этом смысле четко видна в спорте). В бизнесе понятие лидерства сегодня уже не связывается с категорией «влияние» и со способностью влиять. Лидерство это умение «продавать» новые идеи и заинтересовывать последователей в их «покупке».

Однако, говоря об инновационном действии, надо рассмотреть и вопрос о стратегии движения: может ли быть лидером тот, кто определяет это стратегическое направление? Проблема в том, что такого рода направление не всегда отчетливо разработано (тот же пример с Марксом в политике), оно увлекает мечтой, но не может обеспечить реальное продвижение. Итак, лидер это тот, кто увлекает последователей за собой под девизом: «Делай как я». Иначе говоря, он прокладывает особое, свое направление движения (Ленин заявил о возможности революции в отсталой России и осуществил сказанное). Однако случай с Лениным это явление оппозиционного лидерства в политике, а в бизнесе, да и в стабильном политическом обществе «дело» чаще всего есть совокупность действий и решений, сосредоточенных на самом высоком организационном уровне. Если бы при изменении ситуации всегда происходила еще и смена руководства (фирмы, государства), то это имело бы отношение к лидерству. В руководстве и администрировании есть еще одна проблема: президент фирмы вынужден делегировать лидерство тем, кто занят на инновационных направлениях. Но как только курс определен, эти лидеры становятся менеджерами, т. е. управляющими текущими делами. Их стратегии перестают быть лидерскими, а действия включают вы-

полнение обязанностей руководителей подразделений. Иногда старший исполнитель инициирует изменение курса организации, и это выглядит как лидерство. Но на деле он лишь представитель, а не лидер, и его решение задано кругом полномочий (в президентской системе власти это председатель правительства, проводящий новую политику).

Менеджер организации часто не выглядит лидером, он скорее похож на администратора (того, кто принимает решения, по крайней мере, это его основная функция). Но может ли менеджер вообще быть лидером? Менеджер способен обладать лидерскими качествами (уметь мотивировать и быть инструктором), но наличия этих качеств вовсе не достаточно для лидерства. Присущие менеджеру качества стратега и контролера, а также его хорошие организаторские способности это свойства хорошего управленца, а не лидера. Так может ли менеджер быть лидером? Лидерство это не столько умение руководить, сколько способность вести за собой на собственном примере, и этот конкретный пример должен быть вдохновляющим. Лидерство в современном понимании это и не прямое воздействие, и не интенсивное влияние. Лидер выделяется на поприще достижения цели, которой все восхищаются. Это происходит потому, что он затрагивает глубинные убеждения людей. При всем при том умение убеждать, как ни парадоксально, не столь уж и значимо. Конечно, хорошо, когда лидер способен делать это. Но для эффективного влияния нужно стать «звездой», и тогда становится неважно, что и как говорит лидер. Такому лидеру, в общем-то, и не нужно быть хорошим менеджером. Тем не менее, если менеджер захочет стать лидером, он должен озвучить, в чем он видит ценности организации, и достичь результатов, которые вызовут эмоции удивления и восхищения у людей. Современное лидерство основано на коммуникации, а коммуникация это диалог, а не односторонняя презентация. В ответ на свое послание настоящий лидер получает положительную аффективную реакцию, он становится эталоном, образцом. Сегодня в пособиях по менеджменту упор делается на «вовлечении», т. е. на одном из трех основных стилей влияния, что отвечает современному духу участия и сотрудничества

Здесь была дана общая трактовка феномена лидерства в управленческой деятельности, но можно ли эти теоретические выводы экстраполировать на модель политического управления, имеющую свои особенности? Как нам представляется, далеко не все положения этой теории можно соотносить с действительностью. Даже сегодня, в XXI в., затруднительно концептировать процесс руководства в политике в качестве лидерства «снизу». Политическим лидером и в настоящее время называют администратора высшего ранга для какой-то сферы политики (президента страны, губернатора территории, мэра города, руководителя партии). И сути дела не меняет выборный характер этих должностей. Конечно, во время избирательной кампании политик может стать «рыночным лидером», «продавая» идею политических реформ. Но как только он займет свой пост, то сразу станет заурядным политическим менеджером. В отношении категорий «администрирование» и «менеджмент» в литературе встречаются две позиции. Одни авторы употребляют их как синонимы. Другие под администрированием понимают стратегическое планирование, выработку идеологии (легенды) и политического курса организации, а под менеджментом — руководство как конкретную управленческую практику по достижению цели. В любом случае политический менеджмент, на наш взгляд, можно соотнести с лидерством, которое имеет онтологическую связь с ценностями. Новатор и в политике указывает путь, увлекая за собой (так, провозгласив перестройку, Горбачев на короткое время стал нашим лидером, а в глазах западного мира он оставался лидером весь срок своего управления страной). Лидерство в политике также есть побуждение к следованию за лидером (Ленин, заняв пост главы правительства, сочетал статус руководителя-менеджера с образом политического героя — борца с «гидрой контрреволюции»). Лидерство есть указание направления движения в политической сфере (телевизионный мистически благородный герой Кеннеди воплощал «американскую мечту» в образе реального государства, глобального и мощного, но по-юношески энергичного). Героическое национальное лидерство это не столько умение руководить, сколько способность вести за собой на персональном вдохнов-

ляющем примере (Брюс Майроф в книге «Лики демократии» приводит в пример Теодора Рузвельта, который превратил американскую политику в шоу и в крестовый поход одновременно, демонстрируя личную мужественность и имперский милитаризм). Лидер выделяется в деле достижения цели, которой все восхищаются (например, генерал де Голль имел имидж провозвестника спасения Франции, и, даже заняв пост президента республики, он остался символом спасения, что сообщало дополнительную легитимность его власти главы государства).

Политический лидер сегодняшнего дня это человек, который постоянно ведет разговор о ценностях. Если ценности, манифестируемые политиком, вызывают эмоции одобрения у получателей посланий-текстов, то можно вести речь о политическом лидерстве не только формальном, но и фактическом. Если же одобрения не состоялась, то перед нами номинальный лидер, т. е. политический менеджер или администратор, лишь официально занимающий руководящий пост. И так же, как в бизнесе, харизматический руководитель является лидером уже потому, что вызывает восхищение сторонников. Однако не вся нынешняя политика может быть охарактеризована как постсовременная. Согласно научной традиции исследования политики эпохи модерна, сегодняшние лидеры отличаются по степени влияния. Кроме того, актуальная политическая архаика демонстрирует нам тип религиозного пророка и вождя, имеющего не только сакральный статус, но и образное героическое воплощение. Все три «сегмента» политики сегодня пересекаются и смешиваются. Так, самый влиятельный американский лидер в коммуникации выступает как виртуальный президент, а религиозный герой набирает влияние, стремясь переделать весь мир и доминировать в нем. Так какой же лидер подлинный в XXI в.? Это тот политический менеджер, который сможет повести за собой восхищенное большинство (в государстве, партии, общности), подавая конкретный пример следования культурным ценностям социума. Такое состояние лидерства длится, как правило, недолго и чревато опасностями, поскольку настоящий лидер должен явить виртуальное политическое чудо, например, пройти по воде, как посуху, не замочив ног...

Контрольные вопросы и задания:

1. Раскройте понятие политического лидерства
2. В чем сущность и значение элитистского подхода к лидерству в политике?
3. Выделите и охарактеризуйте направления изучения общего феномена лидерства через исследование отношений в малой группе.
4. Назовите и опишите составные части лидерства в политике
5. Как решалась проблема лидерства в политологии?
6. Обозначьте основные особенности лидерства в XXI в

ГЛАВА 4

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛИДЕРСТВА

1. ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИКЕ

Понятие «ценности» проникает в политологию главным образом посредством двух методологических потоков, которые одновременно обозначают и две крайности в понимании природы ценностей. С одной стороны, это использование социологических методов при исследовании политических ценностей. Данный подход к природе ценностей не является специальным предметом нашего разговора, и он затрагивается лишь потому, что весьма популярен в современной России, находящейся в состоянии переоценки ценностей. Суть подобного научного поиска состоит в «объективации» ценностей и количественном измерении их динамики. Но если сами по себе ценности не существуют объективно, то как же возможно их условное научное «объективирование»? В книге Л. Я. Гозман и Е. Б. Шестопал мы читаем, что четвертый подход к политике представляет собой учет системы ценностей, мнений и установок граждан. Сами ценности соотносятся авторами с разумом (доктрины, идеологии) и рассматриваются социоцентрично, поскольку политические лидеры, партии и государства предлагают готовые системы ценностных ориентаций, воздействующие на поведение граждан. Такая схема понимания поведенческой зависимости возможна потому, что массовое сознание (находящееся на обыденном уровне) имеет противоречивые установки и не способно самостоятельно выделить приори-

теты¹ Описанный подход совершенно правомерен и возможен, так как основан на изучении стереотипного поведения. В политической психологии ведущими категориями являются не ценности, а установки и стереотипы. Если учесть, что понятие «установка» наиболее туманное в психологической науке (это некое внутреннее качество готовности к реакции), то базовой категорией становится «стереотип» (схематичный устойчивый аффективный образ), который и фиксируется при анализе оценочных выражений мнения личности. Очевидно, методология такого эмпирического исследования основывается на допущении, что идентификация людей с ценностями общества более или менее связана с политическими идеологиями. Сводное проблемное поле ценностных предпочтений такого рода и подается в координатах ломки или незыблемости политических стереотипов (утвердились ли либеральные идео-образы и сохранились ли традиционные?). Но для нас важен сам факт «объективации», т. е. то, что ценности изучаются с помощью эмпирических методов как «объективная» аффективная реальность.

Другая крайность связана с философским подходом, который Б. Рассел назвал «доктриной субъективности ценностей». Согласно Расселу, принадлежащему к этому течению, ценности это то, что хорошо или плохо само по себе, независимо от существования, поэтому ценности лежат вне сферы науки. Кроме того, они вне сферы знания вообще (утверждая, будто что-то имеет ценность, мы выражаем лишь свои эмоции). Один называет что-то грехом, другой — добродетелью, и они испытывают неприязнь друг к другу, но оба не могут выдвинуть взаимных обвинений в интеллектуальном заблуждении. Иначе говоря, ценность не существует в абсолютном смысле. Так, этика не содержит утверждений ни истинных, ни ложных, перед нами лишь пожелания общего рода, которые касаются богов и дьяволов. Наука может обсуждать источники желаний, а то, что лежит в сфере чувств, — вне компетенции науки, полагает Рассел². Со-

¹ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/д. 1996. С. 13, 14.

² Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев. 1996. С. 313–315.

гласно данному подходу, ценность абсолютно субъективна, и с этим мнением, как нам представляется, стоит согласиться. Итак, ценности не материальны и не существуют объективно, они субъективны, это есть духовно сотворенные качества. Как духовная сущность, ценности есть результат внутреннего опыта индивида. В этом смысле они представляют собой некое «качество» сознания, поэтому формирование личной системы ценностей является признаком даже не личности, а индивидуальности. Ценности в их абсолютном символическом выражении это то, чего заведомо не может быть в политической реальности. Например, «свобода» как политическая ценность невозможна как объективное и абсолютное воплощение, декларирование ценности свободы как качества политической сферы носит лишь принципиальный смысл, остается благим пожеланием.

К эфемерному миру ценностей, по нашему мнению, можно прикоснуться с помощью феноменологии. Ценности феноменологичны как априорные структуры сознания. Метод феноменологии позволяет хотя бы приблизительно установить связь субъективных ценностей и опытной практики. в связи с этим особая феноменологическая практика осмысления идеала политики приводит к заведомому редуцированию реальности как политической практики (которая, конечно же, может восприниматься и тоже осмысливаться). Но ценности нельзя прямо спроецировать из фактов: ценностный мир это опыт до опыта, вот почему он часто обращен к вечной мечте человечества. Неудивительно, что аргументация с помощью фактов не способна изменить ценности. Вообще представление о том, что «тяжелая жизнь» автоматически формирует массовые ценности справедливости, а тирания формирует ценность свободы, довольно наивно, поскольку прямой зависимости нет, хотя существует опосредованная связь. Актуализация ценности напрямую зависит лишь от интуитивного откровения сознания, вот почему велика роль лидера, который может проецировать собственные ценности на ценности ведомых. Магия ценностей связана с магией феномена лидерства. Именно лидер способен оценивать ситуацию (угадывая эмоции масс) и формулировать оценку в виде политической общей ценности-цели. Эмоциональная связь с лидером и является той средой, в которой про-

исходят индивидуальные «прозрения» Реальный мир политики в ценностном измерении человеческого сознания предстает как акт собственного творчества того же сознания, как мир идеальный Итак, внешнему миру физических объектов соответствует мир трансцендентальной субъективности Динамика последнего и есть феноменология желаемого. Речь идет о внутреннем мире представлений наиболее желаемого для объективного мира политики (идеальный порядок, лучший лидер, справедливое государство). Такая субъективность имеет отношение в первую очередь к духовному опыту индивида, это творчество как таковое и свобода духа. Онтология свободы в связи с этим имеет отношение к способности и возможности выбора ценностного ориентира (выбирая слепую веру в лидера, мы, как ни парадоксально, тоже выбираем)

Рассуждения о ценностях представляют собой размышления на тему «хорошо» или «плохо». Ментальная природа ценностей делает их нечеткими и размытыми, как все образы политического сознания. Чтобы решить проблему выбора, сознание строит образ идеальной политики в виде системы бинарных оппозиций: справедливость/несправедливость, добро/зло, прекрасное/безобразное, свобода/тирания, порядок/анархия, демократия/тоталитаризм и т. д. Ценности делятся на «положительные» и «отрицательные», они могут меняться местами, например, анархия (отрицательная ценность при положительной ценности порядка) может стать ценностью политического движения анархистов Наблюдаются и скрытые метаморфозы, вызванные относительностью оценивания Так, зло может именоваться справедливостью в одной системе координат и добром в другой. Эта структура ценностного мира зависит от природы ценностей, являющихся схемами сознания Перед нами культурно-символические схемы упрощенного осмысливания политики, выражающие положительно или отрицательно ориентированное отношение к реальности, оценивание мира в координатах полярных знаков, которое предполагает установку на действие или бездействие Схематичность мышления проявляется и в том, что одна ценность может символизировать целый мир, например, свобода как символ западной демократии долго противостояла миру тоталитарной несвободы.

Исчезновение любого полюса оказывается болезненным для сознания, которое, теряя координаты, вынуждено искать другую оппозицию. Сегодня ценности мировой политики снова формулируются в терминах борьбы, т. е. в иерархии ценностей права человека, свобода и открытость мира стоят на порядок ниже, чем победа над злом. Засилье ценностей, по сути дела, архайзирует политику. Очень хорошо это настроение выразила М. Тэтчер: «Итак, мир, более четкую картину которого мы видим сейчас глазами, промытыми слезами трагедии, был на самом деле таким всегда. Это мир риска, конфликтов и скрытого насилия. Такие ценности, как демократия, прогресс, терпимость, еще не стали господствующими. «Конец истории» мы достигли лишь в том смысле, что получили некоторое представление об Армагеддоне»³. И далее «Отдавая приоритет разгрому терроризма (это необходимо сделать сейчас), мы неизбежно уделяем меньше внимания другим проблемам. Мы должны прийти к иному балансу между свободой личности и безопасностью общества в своей стране»⁴.

Ценности индивида есть форма сознательного творчества вообще. Это некая модель мира политики, полностью зависящая от воли творца, но помещенного в контекст исторической эпохи и культуры. Человеку свойственно творить желаемый образ мира (например, образ политического порядка), чтобы придать своему существованию в мире смысл и значимую цельность. Политика здесь интуитивно понимается как отношение людей, а психологически обусловленное стремление сознания к цельности определяет и отношение власти. Ценностные концепты могут экономично воплощаться в символической фигуре политического лидера («Народ — это я»), в мифе о герое (миф о грозном, но справедливом государе), они могут иметь концентрированный вид лозунга («Мы наш, мы новый мир построим») или вид слов как номинаций («Свобода, равенство, братство»). В сущности, форма это абстракция, а содержанием являются идеологические и мировоззренческие системы Индивид,

³ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 23.

⁴ Там же С. 22.

лидер, партия, общество (в зависимости от представлений времени) наполняют формы различным содержанием. Системы идеологии создаются сугубо рационально, но воспринимается их опирается на эмоции, потому индивид воспринимает даже не содержание политических программ, а лозунги и другие символические формы. И всем известно, что массовое сознание довольствуется формой как таковой, ассоциируя форму-слово с лидером-знаком. Здесь уже доминирует бессознательная связь, а мотивация к действию аффективна. Согласно Юнгу, в коллективном духовном опыте человечества ключевую роль играет универсальный бессознательный прообраз. Формой для политической практики выступает символическая фигура лидера, а последователи лидера образуют «содержание», заданное формой. Форма это образец, и она правильна потому, что универсальна. Символическое сознание опредмечивает все понятия, за категорией часто стоит вещь. Но эта вещь и является символом, образом, атрибутом символической реальности (имиджем). Праведный политический лидер это, как правило, герой, великий человек, и именно он символизирует справедливую политику, венчая иерархию ценностей общества и олицетворяя либеральную свободу и социальную справедливость.

В коллективных формах духовного опыта (исторических архетипах) формируется национальное понимание правды, свободы, святости и т. п. На основании «коллективной субъективности» формируется и традиционная система социальных ценностей. Ценность сначала субъективна и индивидуальна, а затем уже межличностна. Межличностное выражение ценности происходит посредством ведения языковых игр, через которые политический лидер озвучивает эти ценности общества или группы. Если лидеров несколько, то озвученные ими ценности вступают в конфликт. Как и природа самой ценности, природа ценностного конфликта внутрисубъективна. Лидер заинтересован более в наличии таких конфликтов, чем в их разрешении, поскольку лидерство как феномен проявляется здесь в способности к интерпретации ориентиров мира политики. Ценности весьма подвержены историческим переменам, они меняются под воздействием проекций ценностных систем лидеров-реформаторов и лидеров-революционеров, но форма

их консервативна. Может быть, поэтому, машинально повторяя лозунги личной свободы, гражданин тем не менее формирует собственную систему ценностей, где доминирует традиционное желание социальной справедливости, а либеральный лидер своим поведением демонстрирует личные ценности патристической политики, ориентированной на правление «добротного президента», который позаботится о благосостоянии граждан.

Взаимоотношения индивидуальной иерархии ценностей и системы ценностей общества противоречивы. С одной стороны, понятие ценностей как феномена воли имеет отношение к свободе индивидуального выбора, но, с другой стороны, практически очевидна детерминированность социального поведения, в том числе и за счет нормативного характера общественного консенсуса. Здесь одновременно присутствуют и управляемость, и случайность. Эти два разных взгляда на понятие ценностей нашли свое отражение в философских аспектах социальных теорий. Волюнтаристская концепция ценностей исходит из того, что в обществе нет системы ценностей, одинаково понимаемой всеми, значит, нет общей цели. Ценности социальных групп (выражаемые лидерами) противостоят друг другу, на ценностном «фронте» наблюдается настоящая борьба. При этом гражданину приходится выбирать из имеющегося «арсенала», и выбор его затруднен именно ценностной несовместимостью. Ярким сторонником подобного взгляда на политические ценности является М. Вебер. В последней части своей работы «Политика как призвание и профессия» он исследует проблему этического политикана как «дела». Его рассуждение начинается с того, что индивиду необходимо сделать выбор из бытующих мировоззрений. Рассматривая действительное соотношение этики и политики в контексте действия, Вебер приходит к следующему выводу: «Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максима́м. Оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности»⁵

⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 696.

Две системы моральных ориентаций создают противоречие социального действия. Исповедуя «этику убеждения», лидер не чувствует ответственности за последствия этого, его волнует лишь неугасимость чувства убеждения (пламени протеста против несправедливого порядка, например). Очень часто лидер, приверженный этике убеждения, становится хилиастическим пророком, призывающим к совершению последнего насилия для уничтожения насилия вообще. Следуя «этике ответственности», лидер мирится с использованием нравственно сомнительных средств при достижении благой цели, т.е. оправдывает насилие как таковое. Тот, кто занимается политикой, считает Вебер, вообще попадает в мир этических парадоксов, влияние дьявольских сил при каждом его действии бывает очень сильно. Но политику нельзя предписать, когда и как действовать, какую этику использовать. Утверждая личный ценностный выбор индивида, Вебер завершает свое рассуждение «И поскольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь «призвание к политике»⁶. Итак, Вебер рассматривает политические ценности в соотношении со своей социологией поведения. Ценности — это плод решения человека, которое является результатом свободного выбора. Выбор же, согласно «методологическому индивидуализму», совершается во взаимосвязи политической ситуации с мотивацией и поступками индивида. По Веберу, система ценностей относится к категории «смысла» политического порядка, и эти системы смыслов имеют исторический характер. Этика ответственности (инструментальные ценности) подходит лидеру, ориентированному на эффективность, когда важно предвидеть результат. Этика убеждений (ценности-цели) присуща героическому лидерству, призывающему к «настоящей» жизни. Моральная позиция политического руководителя раздваивается между двумя максимами, но именно принципы и возможно совместить в цельной этической системе подлинного политика.

⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 705

Нормативное понимание ценностей характерно для Т Парсонса. В своей работе «Система современных обществ» он, отталкиваясь от Вебера, говорит о «высшей реальности» смыслов человеческих действий. Речь идет о культурной системе, структурирующей смысловые ориентации, личность же лишь интернализирует культурные нормы. Ценности и нормы это независимые переменные (надо понимать так, что «объективированные» ценности меняются преимущественно в ходе эволюции общества). Ценности, по Парсонсу, имеют отношение к функции системы по воспроизводству образца, это «представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств»⁷. Основная функция культурных норм — интегрирование социальной системы, и они специализированы к типам социальных ситуаций. Итак, культурная система интернализирована индивидом, с одной стороны, а с другой стороны, она институционализована в обществе. Институционализованные ценностные образцы, полагает Парсонс, определяют желаемый тип социальной системы. Наблюдается консенсус членов общества по поводу ценностных ориентаций.

Человеческое сознание состоит как бы из двух сознаний индивидуального сознания и коллективных представлений, общих для всех. По Парсонсу, это коллективное (общее) сознание и есть ценности социума. А поскольку они не зависят от индивида, то получается, что социальные ценности это объективные культурные нормы, которые меняются исторически. Сам Парсонс пишет, что коллективные представления составляют культурную основу социальной организации, и он рассматривает ценности в веберовском смысле как «особую форму коллективных представлений»⁸. Но, несмотря на эти отсылки, видна разница суждений: Парсонс делает упор на консенсусе общества по поводу ценностных образцов, а Вебер акцентирует борьбу ценностей, причем, как он считает, ценности рождаются в социально-историческом контексте, но они являются и плодом индивидуального творчества.

⁷ Парсонс Т Система современных обществ М, 1997 С 18

⁸ Там же С 21

Другой исследователь — Дюркгейм — базирует концепцию эволюции общества на идее приоритета целого над частным («О разделении общественного труда») Потому для него даже в обществе с органической солидарностью индивид во многом есть проявление коллективной воли В этом обществе доля коллективного сознания, основанная на императивах и коллективных ценностях, соединяет индивидов в целое помимо «органических» (договорных) отношений.

Итак, возвращаясь к Парсонсу, можно отметить, что ценности для него это структурные компоненты подсистемы воспроизводства образца Интегративная подсистема определяет обязательства, вытекающие из лояльности к коллективу Кроме того, есть и ценностные приверженности, которые запредельны по своему основанию (тогда как лояльность коллективу основана на интересах) Нарушение ценностных обязательств определяется Парсонсом как нелегитимное действие, а следование долгу, напротив, определяется как дело чести В современных обществах происходит генерализация ценностных систем, когда социальное действие управляется без подробно расписанных запретов (вместо конкретных архаических табу действует конституционные принципы). Мораль, согласно Парсонсу, предполагает оценку поступка с учетом социальных отношений, реализацию культурной ценности в социальной ситуации. В современных обществах Парсонс различает лидерство и авторитет, влияние и власть, меры убеждения и обязывающие решения «Влияние и ценностные приверженности действуют по принципу добровольности, через убеждение и апелляцию к чести и совести». Но большая часть нормативных оснований социальной системы все же носит обязательный характер, и здесь действует функция принуждения⁹ Ценностная приверженность как особая форма коллективного сознания связывается Парсонсом главным образом с феноменом политического лидерства Однако политическая власть основана на принуждении и на коллективных представлениях как таковых

Выражая свое отношение к приведенным точкам зрения, еще раз подчеркнем, что ценности субъективны и индивиду-

⁹ Парсонс Т Система современных обществ С 29, 30

альны по сути, но мораль имеет, конечно, и социальный аспект. Ценностные суждения внушает человеку общество (и социальная воля здесь сильна), однако сам по себе этот фактор не делает этический идеал социальным (социальная воля не всемогуща). Примером может служить постперестроечная действительность России, когда внушаемые либеральные суждения, которые довольно охотно воспроизводятся как мнения, не меняют коллективистской сути традиционных ценностей. Но как же тогда объяснить высокую управляемость поведения тоталитарного человека? Дело тут, очевидно, в коллективистской природе тоталитарных ценностей, которые одновременно являлись и вариантом древней мечты человека о земном рае, и традиционным компонентом национального сознания. Однако следует заметить, что в политологии и политической социологии преобладает сегодня нормативный подход, выработанный в стиле модернистской трактовки поведения (модель совершенствования и улучшения индивида или общества). Политическая ценность понимается как значимая цель, жизненный план, социальная норма — и все это имеет характер установки (ориентации) на действие. Нормативное понимание ценностей служит простой и удобной (если не упрощенной) объяснительной моделью социально-политического поведения. Ценности в таком понимании это концепт, созданный для «человека политического». Они играют роль идейного образца (являются ориентирами смысла, символами порядка) и выступают как социальный регулятор (как нормативный механизм мышления и действия индивида).

Нормативное понимание ценностей в отечественной науке иногда сочетается с марксистской трактовкой понятия «субъективного». С точки зрения марксистской методологии, потребность в категории «ценности» возникает при анализе «субъектно-объектных» отношений. Субъективное является отражением объективного (теория отражения), а ценностный подход позволяет судить о реакции субъекта на отражаемое и о соответствии объекта рациональным целям субъекта. По мнению таких исследователей, есть некие «объективные ценности» культуры, которые личность и должна сделать субъективно значимыми, т.е. жизненными ориентирами. Объективно существующие ценнос-

ти, согласно данному видению, желательнее превратить в стимулы поведения личности. Смысл развития личности для них равнозначен «восхождению» к ценностям общества. Этот «процесс ориентаций» проходит три фазы: от присвоения ценностей общества через преобразование личности к жизненному проекту будущего¹⁰. Подобный симбиоз методологически возможен, когда выделяется ценностное суждение, связанное с рациональной оценкой человеком общества. Еще М. Оукшот в статье «Рационализм в политике» писал, что рационалистический стиль мышления присвоил себе все моральное воспитание. Здесь мораль понимается как сознательное следование идеалам путем восприятия предписаний и разъяснений моральных принципов. Техника такова: овладеть моралью можно через усвоение идеологии. Подобный взгляд основан на прогрессизме, когда на смену невежеству приходит абстрактное знание. Однако, по мнению Оукшота, нравственные идеалы растворены прежде всего в религиозной и социальной традиции и ничего не имеют общего с тем, что проповедают лицемерные рационалисты-политики¹¹.

Тенденция в трактовке природы ценностного предпочтения как рационального акта имеет, на наш взгляд, культурно-христианские корни. Речь идет о традиционном взгляде, предполагающем, что выбор между добром и злом основан на свободной воле человека. Нравственное поведение опирается на способность самого человека иметь оценочные суждения, и оценивание происходит с помощью разума, когда побеждает добрая воля. Теории о власти разума были наиболее развиты в XVII—XVIII вв. Превалирование в отечественной науке понятия «ценностные ориентации» свидетельствует о том, что ценности личности осмысливаются преимущественно в виде некоего содержательного идеологического компонента, извлеченного путем рационального выбора из политических представлений коллектива. И хотя этот набор идеалов задан обществом, он не-

¹⁰ Кирьякова А В Ориентация личности в мире ценностей // *Magister* Международный психолого-педагогический журнал 1998 № 4

¹¹ Оукшот М Рационализм в политике // Оукшот М Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 36, 37

обходим человеку, так как помогает ему адекватно ориентироваться в требованиях к современной политической реальности. Однако ценности это все же форма, поэтому их актуализация не связана с выбором содержания желаемого на основе критического анализа фактов действительности, она аналогична явлению сокровенного знания коллективного бессознательного, содержанием которого выступают архетипические схемы и образы. Субъективность в связи с этим ближе не к разуму, а к душе, потому что мысль есть одновременно и чувство, ведь осознается именно форма. Кроме этого, выход желаний в поведенческую сферу непосредственно связан с мотивацией личности, а не с ценностной иерархией. Ценности формируются при обладании мотивами, именно мотивация обусловлена социальными факторами, поскольку мотив есть «реальное» желание, которое активизировано внешней средой (от выживания в мире до самореализации в нем). Парадоксально, но мотивация на низшем уровне (физиологические потребности) может уступать по степени накала желаний духовным ценностям, которые способны стать наивысшими желаниями общества и человека. Такие ценности меняют мотивацию лидера и его последователей. Но природа ценностей все же очень субъективна, личность может сформировать, а может и не сформировать коллективистские ценности даже при самом жестком давлении социальной воли.

Более интересным объяснением выглядит Фрейд-марксистская интерпретация автоматического силового воздействия внешнего мира на внутренний мир индивида. По мнению Э. Фромма, в XX в. в обществе развилось представление о новом анонимном авторитете и о новом механизме удержания власти — конформизме. Конформистская поведенческая модель вырабатывает новую мораль, новый тип эго. Добродетелью считается умение приспособиться к остальным и походить на них, а пороком считается стремление отличаться от группы. Индивид перестает быть самим собой и усваивает шаблонный тип личности. Он становится таким, каким его хотят видеть остальные, у него развивается псевдомышление. Наиболее отчетливо псевдомышление проявляется в сфере политики, пересказывая прочитанное, человек верит, что озвученное им есть

плод его собственных размышлений. Мышление такого человека оказывается лишь видимостью мышления. Реальным воспринимается то, что прочитано в газете, сейчас представление о реальности формирует телевидение. Псевдомышление может быть логичным и рациональным, псевдохарактер его заключен не в алогичности. По Фромму, психологический смысл происходящего в том, что человек подавляет свои подлинные желания, они замещаются у него псевдожеланиями. В конце концов подмена и замещение подлинных актов мышления и чувств ведет к подмене подлинной личности псевдоличностью. Это, в сущности, потеря самого себя, индивид в данном случае является собой лишь отражение чужих ожиданий. Такой индивид подчиняется политической власти, предлагающей ему уверенность, он полностью зависит от лидера. В таком механизме бегства от свободы проявляются тенденции к утрате независимости личности¹². Стандартизированный индивид отказывается от внутренней целостности, компенсируя эту потерю слиянием с целостностью внешнего мира и принимая систему ценностей общества. Но полностью ценности общества принимаются индивидом лишь в том исключительном случае, когда он добровольно отказался от свободы. Манипулирование сознанием человека это не просто банальное руководство сферой ценностей, а разрушение личности. Мир же подлинных ценностей индивида возникает лишь тогда, когда остается элемент случайности, когда внешне не подавляет индивидуальность (хотя технологии внушения рассчитаны как раз на массового человека).

В этом автоматическом детерминизме личности заключена крайность, но есть и другая крайность, противоположная первой. Так, Х. Клагес пишет, что в результате произошедшей в Германии «ценностной революции» можно вести речь о возникновении аутоцентричной психологии. Аутоцентрист в политике ориентируется на собственную личность и чувствует себя сильным и независимым по отношению к общественной среде. Поэтому он следует этике «инструментального подхо-

¹² Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995; Он же Бегство от свободы М., 1989.

да» Аутоцентрист проявляет недоверие ко всем идеям, идущим извне, критически оценивает ситуацию. Однако, с точки зрения политических партий, он оказывается ненадежным избирателем, ситуативно меняющим мнения. Его подозрительность к идеологиям и стремление вырваться из шор традиционной политико-партийной системы (с ее «сомнительными» программами) толкает его в объятия квазинституциональной власти средств массовой информации¹³. Итак, стремление индивида рационально оценить политиков делает его заложником информации, полученной с помощью средств массовых коммуникаций. В этой информации он окончательно запутывается и становится все тем же объектом для манипуляции. Кажется, что выхода нет, и индивид превращается в массового человека. Как это ни парадоксально, но ценности сообщают элемент субъективности политике, так как они абсолютно субъективны. Поэтому ценности приносят в политическую сферу гуманистическое начало. Хотя при этом не надо забывать, что политические ценности это стремление к предельному, а не к фактическому. Мир ценностей есть призыв к торжеству добра, правды, красоты, свободы и справедливости в лучшем из политических миров.

Политические ценности реального общества это внешнитуциональный компонент власти. По мнению авторов монографии «Технология власти», «именно ценности обеспечивают легитимацию политической власти, помогая осуществить связь между индивидом и властью, создавая иллюзию их общности, необходимости и естественности, незыблемости и правильности»¹⁴. В работе справедливо подчеркивается апологетический аспект назначения рационально конструируемой общественной системы ценностей. Вопрос о политических ценностях общества это, по существу, вопрос о социальной цели. Сама категория цели определяется через ценности, а ценности содержатся в структуре цели по определению. Ценности раскрывают субъективную сторону цели (значимость), вместе

¹³ Клагес Х. Партии и изменение ценностей // Политология сегодня. Вып. 2. М., 1990.

¹⁴ Технология власти. философско-политический анализ. М., 1995. С. 56.

с тем цель выражает и объективные потребности, и объективные возможности деятельности. Авторы монографии полагают, что именно наличие программы предохраняет общество от демагогии и идеологического манипулирования принципами. Однако в реальной политике ценности функционируют скорее как «указатели пути», а не как сама цель. Проблема здесь в масштабе измерения конкретного, ведь объективного критерия для определения того, что «хорошо», не существует. Политические ценности, эти «пустые формы», применяются к конкретным ситуациям. А поскольку ценности связаны с традициями и коллективными привычками, то их выход за определенные пределы приводит к односторонней партийности. Не случайно сегодня «основные ценности» (свобода, справедливость, солидарность) составляют идеологический базис политических программ партий широкого спектра от социал-демократического до консервативного крыла. Ценности как абстрактные понятия сегодня присутствуют в любой идейно-политической платформе. Это обусловлено их функциональной ролью — быть идеальным интегратором общества¹⁵. Существует напряжение между учением о ценностях и реальной политикой, взглядом на мир как на единство и партийным расколом. Потому все партии используют ценностный элемент политики для выражения социальной направленности, которую они пытаются себе присвоить политико-идеологическими средствами.

2. ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЛИДЕРСТВО И ПЕРЕОЦЕНКА СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

Проблему ценностной субъективности затрагивают многие политические теории постсовременности. Связано это в первую очередь с критикой позиции позитивизма. Ж.-Ф. Лиотар подчеркивает, что научная истина превратилась из категории познания в «суждение о добре», т. е. этическую категорию, зависящую от циклов социального развития и статуса познающих субъектов.

¹⁵ См. подробнее: Технология власти: философско-политический анализ

Наука, по Лиотару, это всего лишь игра, которая не может депитмировать даже саму себя. Р. Плант подвергает сомнению и социологическую «аксиому» наличия принципиального морального основания (набора верований общества) для поддержания социальной целостности. По его мнению, консенсуса в отношении общей морали не может быть, так как признание субъективности ценностей ведет к примирению противоречащих моральных установок¹⁶. Критика теории модерна направлена в первую очередь против классических концепций «общественного блага», делающих его доступным (моральная регуляция поведения была отнесена, например, во многом к законодательной деятельности институтов, требующей совершенствования) Но теоретики постсовременности, напротив, считают: поскольку ценности субъективны по природе, нельзя объективно научно доказать, что есть благо. Особенно уязвим для критики сегодня либеральный проект, основанный на признании философских абстракций в качестве обоснований «лучших» политических норм и институтов. Возражая современным теоретикам либерализма (Роулзу и др.), М. Сандел, М. Уолцер и Ч. Тейлор отмечают, что стабильность социума не обеспечивается соглашением об идеальных принципах, но она есть результат постоянного процесса согласования и переоценки ценностей, которые трансформируются вместе с коллективом¹⁷. В постмодернистском видении политика (лишенная системности и монополии национального государства на порядок) превращается в динамические, рассеянные и случайные образования субъективного толка лингвистическое поле, процедурное риторическое действие, психологизированное игровое пространство. Политическое поведение понимается как дискурсивная деятельность, как постоянный процесс интерпретации и переинтерпретации смыслов.

Постмодернистское понимание политики как множества «политик» описано З. Бауманом¹⁸. Субъект политики производит

¹⁶ Политика постмодерна // Политическая наука на рубеже веков Пробл-темат сб М, 2000 С 132, 133

¹⁷ Там же С 135

¹⁸ Бауман З Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки М, 1991 Вып 1.

и среду, в которой он действует, но при этом среда не обуславливает поведение субъекта. Среда это просто сцена, где развертываются реальное и виртуальное действия. Процесс «самоконструирования» субъекта в отличие от модерна теряет авторитетные ценности-цели, потому ему нужны ориентиры. В качестве ориентиров выступают другие — реальные или воображаемые — субъекты (к примеру, политические лидеры). Жизненные ориентиры метафорически рассматриваются субъектом как «тотемные столбы», а лояльность по отношению к ним проявляется через свободный выбор символических знаков принадлежности (в отличие от принудительной лояльности коллективным нормам). Власть таких символов опирается на два варианта авторитета — компетентность и многочисленность приверженцев.

Специфика постсовременных этических проблем зависит, во-первых, от плюрализма власти. Такое представление о власти заведомо исключает возможность установления общих правил для всех субъектов политики. Правила возникают как следствие переговоров, поэтому проблема установления и соблюдения правил всегда в центре общественного внимания. Плюрализм власти восстанавливает и моральную ответственность субъектов (что ранее было нейтрализовано квазимонопольной законодательной властью). Но субъект в такой политике, похожей на «броуновское движение», сталкивается с противоречивостью целей. Цели теперь не могут быть подкреплены монологически, они становятся предметом диалога. Во-вторых, при решении этических проблем возрастает автономность субъекта. Это означает для него самоконтроль, саморефлексию и самооценку. В условиях отсутствия общей модели улучшения общества только личные этические принципы могут являться критериями для ценностного выбора. Жизнь это серия индивидуальных выборов, а выбор означает принятие ответственности на себя. Таким образом, субъект политики сегодня это моральный субъект. Если подвести итог сказанному, то можно сделать вывод, что ценности в таком фрагментированном обществе есть предмет диалога, а политика понимается как «разговор» (в частности о ценностях).

Теория постсовременности стремится переосмыслить и политическое лидерство. Так, С П **Бэйт** предлагает новую кон-

цепочку политического лидерства в связи с объяснением управляемости культурных изменений¹⁹. Лидер понимается им как набор текстов, и сами дискурсивные практики исследуются как игровые модели. Такой «комплексный лидер» (коллаж текстов) способен управлять культурной переменной, считает исследователь, поскольку изменение происходит изнутри. Категория культуры связывается Бэйтом, в первую очередь, с духовной жизнью. В этом тексте-лидерстве содержание не является главным (смысл текста вообще есть сумма его неправильных прочтений). Главное это форма, поэтому культурные изменения понимаются как процесс придания идеям формы. Лидерство неотделимо от взаимоотношения идеи и формы. Нельзя сказать, что идея важнее формы или наоборот, они важны постольку, поскольку соотносятся друг с другом. Невозможно представить идею без формы и форму без идеи. В связи с этим культурное лидерство это некая форма в создании или развитии особого жизненного пути для политической организации.

В чем же, собственно, состоит культурное значение феномена лидерства? Политические руководители не могут контролировать культуру или манипулировать ею. Все, что они способны делать, считает Бэйт, это инициировать и оформлять направление возникающей культуры. Последователи мотивируются чувством, идеей или идеалом, а лидеры обеспечивают импульс, стимул к движению, они вдохновители духа. Политические лидеры эмансипируют людей от рутинного символического мира и переводят за собой в мир открытия новой правды, старый же мир представляется им как дегуманизирующий. И лидер в этом смысле «человек символический», дающий организации новые символические смыслы.

Политические ценности вообще включают и эстетические ценности, поэтому подобное лидерство сходно искусству. Оно создает такой предмет, как мидж, т. е. модель для организации. Точнее, образ есть некая рамка, внутри которой лидеры стремятся создать новое отражение реальности. Получающийся образ, с одной стороны, когнитивен, а с другой, аффективен. Это как бы застывшее чувство или структура для чувств. Если

¹⁹ Bate S. P. *Strategies for Cultural Change*. Oxford, 1994.

в нормативном подходе речь идет об образцах (стратегиях) мышления и действия, то здесь скорее имеются в виду образцы чувствования. Чувства и мысли взаимосвязаны, ведь нельзя разделить душу на разум и страсть. Доминирующим качеством эффективного «лидера-художника» является экспрессивность. С его помощью лидер создает свою собственную истину, не имеющую отношения к точности мира фактов. Соотношение понятий «реальность» и «иллюзия» здесь не в пользу реальности, иллюзия становится более могущественной. Некоторые политические лидеры стремятся вообще заместить реальность, это не удивительно, поскольку искусство обитает в мире воображения оно выражает не то, что существует, а то, что могло бы существовать. Через мечты и вымыслы, ценности и идеалы, которые лидер сам и создает, организация способна видеть другой мир и чувствовать себя эмоционально включенной в него. Здесь совпадают предчувствия лидера и последователей, и лидерство состоит в духовном творческом акте. Такое лидерство способно переходить в культ личности. Однако лидер на деле просто подлаживается под вкус толпы, при этом стимулируя коллективное воображение собственным воображением. В этом смысле лидер-художник это великий популист. Создавая прекрасное в политике, лидер «играет» на поле экспрессии образности (канон красоты в политике — воспринимаемая выразительность, а не холодная «красивость»). Все тоталитарные лидеры и популярные диктаторы делают из политического мероприятия шоу, возбуждая массы на аффективный взрыв.

Сущностным для политики является этический аспект ценностного мира. Этическое измерение лидерства есть и культурное измерение как управляемый познавательный процесс. Лидер предстает в инстансии носителя знания и просвещения, он «учитель». Образование вызывает к разуму и критическому мышлению, оно связано с самоконтролем, а не с манипуляцией. Роль лидера, считает Бэйт, и состоит в том, чтобы создать возможность для рефлексии. Образование как таковое включает дарование людям шанса исследовать их собственные субъективные позиции, включая конфликты, которые могут возникнуть между их «личной культурой» и «культурой организации»

В современном мире, если нет обучения, нет и перемен. Строя отношения «учитель — ученик», лидер может выступать в роли мудрого наставника. Наставничество играет значимую роль в конструировании организации: многие ценности и значения организации не выражены словами, двусмысленны и изменчивы, поэтому лидеры дают возможность членам организации идентифицировать смыслы и присваивать их. Политический лидер участвует и в процессе создания значений, и в трансформации культуры организации. Главное призвание этического лидера — заставить своих последователей играть. Игровая среда, как нам представляется, — сущность такого лидерства и необходимое условие для ценностного творчества вообще.

Собственно политическое измерение культурного лидерства, в понимании Бэйта, это переложение идеи в слова и передача этой идеи в организованную общность. Политический лидер для него — рассказчик, торговец словами, эксперт языка и мастер слова. Категория лидерства в политике для теоретика постмодерна — пользование властью созданного слова, управление посредством говорения. Содержание же политического лидерства в том, что индивидуальные смыслы переводятся руководителем в социальные значения. То, что было психическим феноменом (идея в чьем-либо мышлении), трансформируется в социально утвержденную систему значений. Язык содержит ключ к этой культурной трансформации, он и дает рождение социальным смыслам. Лингвистическое творчество, таким образом, неизбежно вызывает подъем культурных изменений. Переводя идею в слова, лидер способен освободить ее от первоначального творца и заставить жить социально и культурно в разговорах и взаимодействиях. Руководящая роль лидера проявляется в том, что ценность как бы восстанавливается в коллективном воображении посредством языка.

Политический лидер это риторик, он играет словами и заряжает массы энергией через слова. Главное для политического лидерства — мастерство составления послания, которое способно мотивировать к действию. Язык выступает как ключ к переменам. Если лидер намерен изменить ход человеческой мысли, то он вносит изменения в процесс разговора. Лидер совершает лингвистические изменения и вовлекает последовате-

лей в новые виды лингвистических игр: меняет правила диалога, оформляет символические структуры (языковые процессы — это символические процессы, определяющие смысл и ценности), снабжает мифами и темами для разговора. Разговор, беседа это не пустая болтовня: то, что люди говорят и кому они это говорят, создает рабочую структуру организации. Такое лидерство принципиально возможно, так как лингвистические структуры это также мысленные (психические) структуры, человек думает посредством языка. Поэтому политический лидер и занимается толкованием, он использует различные риторические средства для обличения идеи в слова.

В игровой среде политический лидер обозначается в различных ролевых моделях, например, в роли «рассказчика историй» (Бэйтом лидерство вообще описывается метафорически). Повествование «историй» является решающим этапом в жизни организации: это собирание опыта и толкование смыслов, а также идентификация чувств общества. Лидеры могут творить культуру через сказанное или написанное слово. Эти «истории» напоминают жанр полифонического романа, включающий профессиональный жаргон организации. Такой тип коммуникации по своей сути фикция или утопическое пространство текста. Все пособия по менеджменту основаны на том же принципе: они обучают руководителей, прописывая в словах их роли и процедуры. Политический лидер должен быть «мифотворцем». Мифы — это средство расширения, движения и переоформления границ реальности, форма или рамка политической реальности. Через мифы человек заставляет мир проявляться в той или иной маске. Культурное изменение предполагает изобретение новых мифов, поскольку реализм есть внедрение идеи о сущности реальности в воображение. Если к этой идее добавить желаемое, то получится романтизм, лежащий в основе мифа, считает Бэйт. Мифы в политике требуют революционного отношения к действительности, так как содержат «правила мышления». Чтобы изменить способы мышления, надо изменить мифы. Поэтому миф может становиться жизнью, а мифотворчество и есть процесс создания культурных изменений. Миф — это хорошая история, которая привлекает людей и просто истолковывает сложный «реальный мир»

Но более всего миф раскрывает роль лидера как организатора группы. Миф содержит в себе социальные идеи и коллективное воображение. Символический способ манипуляции посредством мифа оказывается очень убедительной формой языковой игры. Могущество мифа в том, что он делает «хорошим» смысл, независимо от фактов, т. е. миф и ценности обладают одинаковым видом власти.

С точки зрения теории постсовременности, кроме мифов и историй, большое значение имеют слухи и слухи. Для политического лидера они являются средством для того, чтобы послать сообщения о правилах, ценностях и нравах. Поэтому лидер вмешивается в процесс распространения слухов, направляя их действие и изменение. Сплети манифестируют то, что социально значимо, поэтому они незаменимы с точки зрения передачи. Играя таким образом на «лингвистическом поле», политический лидер занимается трансформацией языка, ищет наиболее оптимальные способы дискурса. В результате мифы и истории распространяются и развивают существующие ценности. Средства языка открывают возможности для конструирования и реконструирования организационной реальности.

Ценность — это туманный образ-идея. Слова делают идею внятной и определенной. Язык описывает мечту, и в устах лидера она становится публичной. А лидер дает название (ярлык) тому, что субъективно не может быть названо, а именно он номинирует ценности. Теперь, когда ценности социально номинированы, они могут вступить в контакт с личными ценностями. Так мир субъективного желаемого становится доступным для саморефлексии. Истории выстраивают социальные идеи в логическую систему, но логику здесь задает форма (ценности и миф). Наконец, идеал становится «реальностью», истинной, «правдой». Достоверность достигается многократным повторением повествования. С помощью слов идея превращается в побуждение к действию, язык наделяет идею властью. В сущности, обсуждается политический порядок и достигается некое семантическое соглашение. Новые общие смыслы бывают, как правило, динамичны, это уже «договорные отношения», которые инициирует лидер. Текст же есть объединяющая история, где противоречия и сложности устранены. Целью лидера ста-

новится достижение общности дискурса между различными группами в обществе.

Таким образом, теоретики постмодерна предприняли попытку связать область субъективного мира индивида и пространство коллективного сознания. При рассмотрении этой проблемы интересен переход от ценностей индивида к ценностям общества и наоборот. Эта связь заключена в феномене политического лидерства. Рассуждения теоретиков постсовременности содержат следующие важные объяснения лидерства с новейших позиций

— нельзя отождествлять политического руководителя и лидерство (лидерство это коллективный по природе и по сути феномен);

— лидерство не есть отношения «верх-низ» (лидер тот, кто инициирует духовное творчество, в результате которого происходит переоценка ценностей).

3. ЛИДЕР-АДМИНИСТРАТОР И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Организационное лидерство можно рассмотреть на примере концепции К. Ходжкинсона («Философия лидерства»). Этот исследователь понимает администрирование (управление) как философию в действии, лидерство определяется им «как реализация политики, ценностей, философии через коллективное организационное действие»²⁰. По Ходжкинсону, философия в организации воплощается в действие через политические высказывания либо через невысказанные ценности. Процесс администрирования является по своему характеру абстрактным, стратегическим и гуманистическим.

В отличие от представителей рационалистической традиции (Макнавелли, Вебер, Парето), выводящих проблему ценностей за пределы управления, Ходжкинсон исходит из проти-

²⁰ Цит по Кудряшова Е. В. Лидер и лидерство: исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. Архангельск, 1996 С. 40

воположного тезиса. Он убежден, что ценности не только определяют сущность самого лидерства, но и задают характер отношения с последователями. Эта идея концептуализирована им в виде парадигмы ценностей и созданной на ее основе классификации лидерства (см. табл.).

Таблица
Парадигматическая типология ценностей

Уровень и тип ценности	Основание ценности	Психологическая способность	Философские ориентации
I	принципы	волево-ъявленное волевое усилие	религия, экзистенциализм, интуиция
II А II Б	последствие А консенсус Б	знание-разумение размышление	утилитаризм, прагматизм демократический либерализм
III	предпочтения	аффект-эмоция чувство	биохеволизм, позитивизм, гедонизм

Данная парадигматическая типология представляет собой систематизацию ответов на вопрос, почему субъекты или действия оцениваются как «хорошие» (или «правильные»). По Ходжкинскому, есть четыре основания ценностей: принципы, последствие, консенсус и предпочтения. Третий тип ценностей есть оправдание на основании обычного предпочтения (нравится/не нравится). Природа предпочтения бессознательна (просто нравится какой-то лидер). Предпочтения могут быть априорными или внушенными, не случайно политическая реклама стремится изменить схемы предпочтений третьего уровня. Ценности второго уровня делятся на два типа (II А и II Б). Сначала это проявляется как консенсус (II Б). Можно привести в пример референдум по любому политическому вопросу, результат которого принимает форму закона. Более высокий тип ценностей (II А) предполагает оценивание на основе анализа последствий от приверженности ценности или ее игнорирования. К примеру, мы убеждаем себя, что закон это

«хорошо», так как он обеспечивает нам защиту от беззакония. Ценности первого типа трансрациональны. Разум здесь уступает место вере или усилиям воли, а основанием оценивания зачастую выступает интуиция. Примером служит ценность патриотизма (смерть на поле брани это достойно, так как Отечество превыше личности).

Из таблицы видно, что каждому типу ценности соответствуют психологические способности и философские ориентации. По своему источнику ценности третьего уровня аффективны, ценности второго уровня когнитивно-рациональны, а ценности первого уровня это есть результат волевого усилия. По мнению Ходжкинсона, некоторые философские ориентации соотносятся с определенным типом ценностей. Так, позитивисты редуцируют все ценности до эмоционального уровня, а бихевиористы склонны к детерминизму. Модальным уровнем для администрирования является второй уровень ценностей, где процветают утилитаризм и прагматизм. И, наконец, на первом уровне находятся представители религиозно-мистического мировоззрения и экзистенциалисты, придающие значение свободе воли²¹.

На основе данной парадигмы ценностей Ходжкинсон создает лидерскую типологию. Методологической основой классификации лидеров являются для него типология М. Вебера и понятие архетипа К.Г. Юнга. Свои модели лидерства Ходжкинсон тоже рассматривает как идеальные типы. Он выделяет четыре лидерских архетипа «лидер-карьерист», «лидер-политик», «лидер-техник», «лидер-поэт». Субъектами архетипов, по Ходжкинсону, выступают не только лидеры, но и их последователи.

Архетип «лидера-карьериста». С точки зрения морали он является нижней ступенью, но это и базовый архетип. Архетип характеризуется ценностями третьего типа, среди которых преобладают инстинкт самосохранения и эгоцентризм. Основная мотивация — наслаждение, в политике это желание самоутвердиться за счет доминирования. Такому архетипу соответствуют и другие названия: гедонист и нарцисс. Гедонисту свойственно «игровое» инфантильное поведение. Основная

²¹ См. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. С. 93–115

его задача — получение наслаждения (богатство, власть, успех, статус). Для нарцисса же, влюбленного в себя, фантазии важнее реальности. Лидер-карьерист во всех ипостасях ориентируется не на общечеловеческую мораль, отрицая социальные регуляторы и условности, а на те «правила игры», которые соответствуют его целям. В сущности, он манипулирует моральными устоями, в своей активности ущемляет права других и не мучается угрызениями совести. Лидер такого типа жаждет власти, потому что она является ключом к наслаждению. Карьерист дорожит своей репутацией, поэтому при возможности мстит за удары по самолюбию и нанесенные обиды. Лидер такого типа ориентирован на конкретные достижения, желает побыстрее взобраться по иерархической лестнице. В этой активности карьерист становится безжалостным и беспощадным правителем. Он не только использует людей, но, потерпев поражение, предаёт своих подчиненных. В реальной политике найти этот архетип непросто, хотя он приобретает особую значимость при современной конкуренции. Внешне это приятный и общительный человек, особенно, если дела идут прекрасно, поскольку хорошие отношения с людьми — ключ к его успеху. Карьерист к тому же любит надевать маску моралиста, а если ему выгодно, может отождествить себя и с полезной организацией. Лидер-карьерист довольно легко завоевывает уважение последователей, так как его ценности, будучи примитивными, ассоциируются с ценностями группы. Карьерист обычно правится, потому что он человек активный и заметный. Часто беспощадность карьериста-политика оценивается массами как положительное качество сильного лидера. Поскольку карьеристу необходим успех, то он поощряет ведомых (раздает награды и посты). Особенно не скупится на обещания, но время оказывается его врагом, поэтому, чтобы уйти от ответственности, карьерист торопится продвигаться и вверх. Однако, используя людей, карьерист наживает себе и врагов, причем наиболее опасными являются люди из осведомленного ближнего круга. Поэтому, чтобы самоутвердиться, карьерист периодически наказывает, снимает с должности и унижает своих помощников. Но широкие массы ведомых могут оставаться под впечатлением видимости коллективного блага. Как же отличить лидера-

карьериста от других архетипов? По Ходжкинсону, администратор должен во что-то верить (либо в моральный закон, либо в социальные нормы). Нижнее «я» нельзя обойти, но на архетип карьериста накладываются все более высокие ценности, которые его подавляют.

Архетип «лидера-политика». В иерархии ценностей это тип II Б. Здесь группа, имея приоритеты, влияет на систему ценностей и поведение лидера. Со своей стороны, лидер-политик верит в правильность устоев группы и видит свою задачу в поддержании гармоничности и эффективности взаимоотношений. Именно политик ищет консенсус, идет на компромиссы и уравнивает ценности конфликтующих сторон. В идеальном политике нравственность сочетается с рациональностью. Нравственность его заключается в том, что интересы общества значат для него больше личных интересов, а рациональность проявляется в самореализации, выходящей за пределы собственных желаний. Такому лидеру необходимо заботиться о своем образе и следить за рейтингом своей популярности, так как положительный имидж основа его авторитета и легитимности. Политик должен владеть искусством убеждения. Лидер-политик вообще находится в центре системы инфовзаимосвязи, а также является собой эпицентр политических отношений. Его связь с последователями характеризуются либеральным стилем: он идет на уступки, продвигает по службе и повышает вознаграждение. Все это делается для приобретения высокого показателя уважения со стороны группы, однако политик не способен быть настоящим харизматиком. Архетипу присуща псевдохаризма, поскольку он не проецирует свои ценности на ценности группы, а лишь провозглашает групповые ценности. Зато для политика характерны демократический дух и этика гуманизма. Но это, конечно, может быть только в идеале, так как архетип подвергается иногда разрушению. К примеру, идя на поводу у группы, политик превращается в политикана и демагога, манипулирующего сплоченностью группы. При этом он поддерживает этику толпы. Вообще же настоящее демократическое лидерство это тяжелый труд, и универсальность архетипа состоит в том, что он более других принимается последователями. Это объясняется, с одной стороны, социальной природой человека, а, с другой

стороны, включением форм представительной демократии в процесс управления. В итоге Ходжкинсон резюмирует, что архетип политика это первая форма административной морали и одновременно примитивная форма лидерства.

Архетип «лидера-техника». Он соответствует типу ценностей II А. Другое его название – бюрократ (в веберовском смысле). К его ценностям относятся интеллект и логика, которые подразумевают беспристрастность, аналитичность, эффективность, планирование и ориентированность на задачу. В центре такой рациональности находится понятие целесообразности, т. е. просчитывание последствий. Моральность «техника» состоит в готовности служения утилитаристской идее общего блага. Но, служа идее общего блага, «техник» признает особую роль элиты: управление осуществляется компетентными профессионалами. В своей работе «техник» придерживается стандартов, составляет расписание, уточняет цели и сроки. Однако в реальности возникают многочисленные бюрократологии «техника», сопровождающиеся его перерождением в обычного аппаратчика и бездушного управленца. Легкость такого перехода усугубляется тем, что «техник» не признает свои ошибки. Увлекаясь технической стороной, он забывает о людях, а ценности организации переносит на все общество. Ошибка психологического отчуждения нередко толкает его даже к ценностям милитаризма и антигуманным акциям. Но в идеале, по Ходжкинсону, он представляет высший из достижимых обычным человеком архетипов. Суть проблемы современного лидерства в том, чтобы ведомые прониклись «технократическим духом», т. е. пожертвовали некоторыми личными интересами в пользу законности. Ведомые «техника» отличаются возрастающей профессионализацией, а современные школы лидерства и менеджмента сосредотачиваются именно на этом архетипе.

Архетип «лидера-поэта». Он посвящает себя достижению ценностей первого типа, т. е. стремится к благу. В народных преданиях его называли героем, а в политических учениях именовали великим человеком. Поэт соответствует веберовскому харизматическому лидеру. Он несет в себе два начала: как святой он считает все справедливое благом для себя, как сверхчеловек он полагает, что все хорошее для него – справед-

ливо. Путь поэта это балансирование между непримиримыми принципами, считает Ходжкинсон. Исследователи же отмечают, с одной стороны, положительную роль поэта (ускорение общественного развития), а, с другой стороны, предостерегают от него как от социально опасного типа. И в той, и в другой ипостаси поэт воплощает сверхрациональные желания масс и направляет их энергию в момент политического перелома. Его авторитет усиливается именно моральным влиянием; рожденные интуицией, его ценности непререкаемы. Такими лидерами были Сергей Радонежский, Томас Мор, Мартин Лютер, Махатма Ганди. Нередко поэт — прекрасный оратор (Ленин, Мао Цзэдун). В целом «поэтичность», идеология и религия тесно переплетены. Поэту приписывается особое видение блага, и он становится руководителем, меняющим жизнь. Поскольку высокие стремления присущи каждому человеку, поэт делается опасным. Его образ вызывает восхищение и побуждает к самопожертвованию. При этом поэт во имя блага пользуется методами карьериста. На высшей ступени архетипов существует уже иная приверженность ценностям: харизма лидера придает группе чувство предназначенности высокой цели. Но, по мнению Ходжкинсона, негативных харизматических лидеров (Гитлер, Наполеон, Чингисхан) следует также отнести к поэтам. Если карьерист удовлетворяет ценности других, то он уже не карьерист, а поэт. Манья величия и «поэтичность» могут слиться в одном архетипе, и харизматик может повести людей в ад, уверяя, что это путь в рай. У лидера-поэта ведомые также становятся опасными. Призыв лидера переступить через себя и его пример порождает фанатизм приверженцев. Благодаря сплоченности вокруг общего дела фанатики преследуют инакомыслящих. Получается, что ведомые сами подвергаются изменениям психического характера. Последователь видит в подобном лидерстве свою личную миссию, свою религию. Так, поэт может породить целую идеологическую структуру. На вопрос древних римлян: «Кто будет сторожить сторожей?» ответ был дан: «Никто». Мораль поэта не мотивирована. Он

22 Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: исследование лидерства в современной западной общественно-политической мысли. С. 130—177.

руководствуется интуицией, а его решения это триумф воли²² Этика лидера-поэта, таким образом, выражает, прежде всего, его собственные ценности. Последователь же рискует как потерять свои ценности, так и попасть под влияние более сильной воли. Лидер-поэт способен достичь того, что недостижимо для «простых» людей

Итак, согласно Ходжкинсону, между карьеристом и поэтом существует аксиологическая цепочка, подобная онтологической цепочке от животного к человеку. Четыре архетипа теоретически охватывают все ценности, но они в чистом виде существуют лишь в теории. Каждый высший архетип включает в себя предыдущие, а конкретный политический лидер выстраивает собственную иерархию ценностей, вбирающую элементы всех уровней (при этом лидер может не подозревать о конфликте ценностей в системе). И, наконец, не все ценности находятся на уровне сознания, некоторые могут быть подавлены.

Контрольные вопросы и задания:

1. Выделите и охарактеризуйте две традиции в понимании природы ценностей.
2. Дайте понятие политических ценностей.
3. Определите значение политико-культурного лидерства в переоценке системы ценностей.
4. Как определяются сущность лидерства и характер отношений лидера с последователями в концепции Ходжкинсона? Опишите его парадигму ценностей и типологию лидерства.

ГЛАВА 5

КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР КАК НЕВРОТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Концепт бессознательных установок поведения личности как базовая моделирующая основа смысловых значений научного «разговора» о лидере был создан З. Фрейдом. Эта модель, в свою очередь, задала вторичные концепты невротической личности, где смысл лидерства отражен в авторских высказываниях о политических лидерах. Это именно концепты, т. е. авторская мысль, выраженная авторской творческой «речью» «Речь» данного вторичного моделирующего представления (к примеру, неотрейдизма) есть подлежащий истолкованию мир реальной политики, структурированный отношением «доминирование – подчинение». А «язык», на котором ведется научный разговор о политическом лидерстве, это дешифрующая его фрейдистская модель. Потому возникает представление о целостной предметной «речи», в которой реализуется и ряд авторских своеобразных концептов (модификаций классического фрейдизма) – идей понимания политического лидера как невротической личности

Итак, настоящим прозрением было индивидуалистическое учение З. Фрейда, откровенно вступающее в сферу догадок. Концепт личности Фрейда был производным от толкования им архаической культуры («Тотем и табу», «Психология масс и анализ человеческого «я»), от осмысления культурогенеза

как вытеснения и сублимирования энергии. При этом антропогенез получил ускорение от эдипова комплекса. В истории цивилизации, согласно Фрейд, чередуются два типа властных сущностей: авторитарная власть вождя над массой и «коллективное руководство» его наследников, наступающее после акта отцеубийства, но тяготеющее к модели вождизма. «Отсюда ведет свое происхождение гипотеза Фрейда о тождественности «геиетического» и «клинического» Эдипа. Иначе говоря, гипотеза повторения и воспроизведения архаических структур власти в сознании современного человека, реагирующего психической болезнью на свою неспособность уравновесить влечения, мощь «либидо» и культурные запреты, нормы, правила»¹. Помимо постижения тайн культуригенеза, создания концепции бессознательного и обоснования учения о характере, Фрейд подал и конкретный пример написания психобиографии лидера, подчеркнув преобладание «догенитальных» ориентаций или черт инфантилизма в поведении президента Вильсона² (Психобиография — метод психологического анализа биографии и личности, в ином случае политического лидера.)

Таким образом, психоаналитическое прочтение явления политического лидерства подтолкнуло развитие интереса к личности невротического типа вообще и к личности диктатора в частности. Так, Г. Лассуэлл, создав свою психоаналитическую политическую теорию («Власть и личность», «Психопатология и политика»), обратил внимание на инфантилизм «политического типа», используя трактовку Фрейда в своем понимании сущности современной политической власти. Согласно Лассуэллу, политическое поведение лидерской личности обусловлено бессознательными мотивами, которые сформировались в детстве в родительской семье. Во взрослой жизни лидера происходит перенос личных мотиваций на объекты общества, к примеру, подавляемая ненависть к отцу способна обер-

¹ Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 269

² См.: Фрейд З., Булит У Томас Вудро Вильсон 28-й президент США Психологическое исследование М., 1992

нуться борьбой с политическим властителем. Данное перенесение происходит с помощью символизации, поэтому политика есть процесс актуализации иррациональных основ коллектива. Но Лассуэлл, трактуя метод Фрейда, предлагал учить политиков понимать истинную природу их собственных действий и помочь их разуму избавиться от доминирующего влияния неосознанных мотивов³. Таким образом, согласно Лассуэллу, психопатологические побуждения к действию могут быть спроецированы на сферу политики, поэтому ряд психоаналитиков и акцентируют внимание на психических расстройствах лидеров⁴. Но психоанализ не тождественен психиатрии, и сам Фрейд использовал такие медицинские термины, как «садизм» (извращенная страсть к жестокости), «мегаломания» (манья величия), «паранойя» (навязчивые бредовые идеи, обуславливающие действия), вне клинического контекста. Значит, психобиография лидера не служит эквивалентом паторграфического исследования, это не история болезни политика. Тот же Лассуэлл не утверждал, что все политические лидеры психопаты. Тип невротической личности характеризуется преобладанием проецирования на политику глубинных конфликтов личности и экстерниоризацией беспокойства как основы политического поведения лидера. Разумеется, невротический тип встречается везде, но политика является благодатной средой для экстерниоризации интерпсихического разлада личности.

Структуру невротической личности исследует теория невроза Карен Хорни, принадлежащей к «неофрейдизму», ревизионистскому движению в психоаналитической теории. Неофрейдисты отвергают ряд теоретических постулатов Фрейда (в частности, его понимание общества и культуры), но используют метод психоанализа. Так, невротические конфликты, полагает К. Хорни, определяются и социальными условиями. У Фрейда «я» жестко зависит от «оно», а природа человека и культура находятся в извечном конфликте (культура налага-

³ См. подробнее: Короткова Н. В. Г. Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков. М., 2000

⁴ См. Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. М., 1992

ет запреты на зов природы). Когда Фрейд говорит о личности, то имеет в виду скорее организм человека. Личность, согласно Фрейд, биологически детерминирована, потому для неопределенных главным стало учение о характере личности. Для Фрейда характер («Психоанализ и учение о характерах») есть некая постоянная структура чувств. Нормально развивающийся человек проходит все стадии формирования его структуры, но некоторые люди остаются на нижних ступенях эволюции, они не взрослеют. Три первых типа характеров («орально-рецептивный», «орально-садистский», «анально-садистский») и обладают невротическими ориентациями на поведение. Фрейд попытался обосновать психику человека генетически. Его типология помогла затем открытию других типов ориентаций, к примеру, авторитарного характера. Для Фрейда характер человека повторяет стадии филогенеза (исторического развития организма), он эволюционирует от младенческого к взрослому, от примитивного к современной культуре. Таким образом, невротик это тот, кто регрессирует вместо того, чтобы прогрессировать. Неофрейдисты, напротив, видят в неврозах деформацию именно личности, они полагают, что формируется особый невротический характер. От Фрейда неофрейдисты сохранили тезис о существенном влиянии раннего детства на складывание невротического типа личности.

Итак, теория невроза К. Хорни была развита ею в ряде исследований 30—40-х гг. XX в., начиная с работы «Невротическая личность» и заканчивая трудом «Наша внутренняя конфликты: Конструктивная теория невроза». Ее идеи стали тем концептом, который объяснял смысл политической личности XX в. и активно использовался другими психоаналитиками. Невротическое стремление к власти Фрейд первоначально сводил к сексуальной основе, а затем трактовал как выражение «инстинкта смерти». Его последователь А. Адлер дополнял, что у невротиков обычное для человека стремление к власти усиливается за счет детского чувства неполноценности. К. Хорни, продолжая эти рассуждения, добавляла, что навязчивое желание доминирования приводит невротика к лидерству, так как любые равные отношения, вызывая ощущение беспомощности, им воспринимаются как подчинение. Если,

по Фрейд, действие навязчивых влечений распространяется на всех без исключения людей, то Хорни, напротив, полагала, что эти навязчивые влечения и есть особенность неврозов. Неврозы рождаются из чувства беспомощности, страха и враждебности, т. е. сама навязчивость вызвана глубинным чувством тревоги. Эти навязчивые влечения она назвала «невротическими наклонностями» и дала описание десяти из них. Для К. Хорни существенное значение имеет структура невротического характера: «В то время я рассматривала ее как своего рода макрокосм, образуемый многими микрокосмами, взаимодействующими один с другим. В ядре каждого микрокосма заключена невротическая наклонность»⁵. По мнению Хорни, ядро невроза составляет «базальный» (базовый) конфликт. Один из основных способов «разрешения» базового конфликта это создание идеализированного образа самого себя. Этот образ всегда оторван от реальности, но его воздействие вполне реально. У психопата такой образ переходит в маню величия, значит идеализированный образ, считает Хорни, как элемент психоза включен в ткань невроза. «Во всех своих существенных чертах идеализированный образ является бессознательным феноменом. Хотя самовозвеличивание невротика может быть абсолютно очевидно даже самому неискушенному наблюдателю, сам он не осознает, что идеализирует себя»⁶. Идеализированный образ не цель для самосовершенствования, а боготворимая фиксированная идея. Невротик убежден в своем совершенстве, потому он высокомерен. В теории невроза Фрейда подобный психический феномен обозначен термином «нарциссизм», у Адлера он описан как стремление к превосходству. Нарциссизм составляет оплот невроза, в этом его назначение, считает Хорни. Невротик, творя компенсаторный суррогат самоуверенности, раздувает ощущение собственного всемогущества. А так как в глубине души он чувствует себя слабым и презренным, то постоянно сравнивает себя с другими, воспринимая их как вражеское окружение. Потому в качестве

⁵ Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура. С. 11

⁶ Там же. С. 72.

противодействия глубинному чувству униженности невротик актуализирует аффективную потребность в мстительном триумфе. Так невроз и вызывает резкое изменение личности. Например, садистские наклонности это род «заместительной» жизни, так как человек отчаялся быть самим собой, раздираемый конфликтами. «Из-за страха дезинтеграции, с одной стороны, и необходимости функционирования в качестве единого целого, с другой, — невротик предпринимает отчаянные попытки разрешить этот конфликт. Хотя на этом пути он может преуспеть в создании некоторого искусственного равновесия, при этом он обречен на постоянное порождение новых конфликтов, и ему все время требуются новые средства, чтобы их погасить»⁷. Таким образом, Хорни резюмирует, что характер и определяет поведение личности.

У невротической личности была открыта особая совокупность ориентаций на политическое поведение, получившая название «авторитарный характер». Концепт авторитарной личности как психологическое объяснение феномена Гитлера и нацизма мы находим во фрейд-марксистских исследованиях, главным образом у В. Райха и Э. Фромма (послевоенная коллективная работа под редакцией Т. Адорно «Авторитарная личность» лишь подвела эмпирическую базу под ранее созданный теоретический конструкт)⁸. В. Райх в работе «Массовая психология фашизма» (1933) констатировал: «Фюрер может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп»⁹. Какова же столь значимая для феномена нацизма структура личности Гитлера? Она амбивалентна с одной стороны, это уважение и повиновение авторитету отцовской власти, но с другой, неповиновение ему же. Личностная структура подобного типа, по мнению В. Райха, является особенностью психологии немецкого среднего класса. Эту структуру личности он называет авторитарной, и ее главный признак — страх перед свободой.

⁷ Хорни К. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. С. 14.

⁸ См. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001.

⁹ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 60.

Согласно В. Райху, в центре феномена нацистского вождя находится восприятие лидера массами. Массы среднего класса проецируют на вождя собственную противоречивую характерологическую структуру, сформированную традицией патриархальной семьи. В такой семье отец жестко подавляет сексуальные инстинкты детей, руководствуясь принципами морали. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, а сама семья превращается в важнейший инструмент власти. Рабское отношение к авторитету отца затем трансформируется в пассивное отношение масс к фигуре фюрера. Тем самым В. Райх выдвигает тезис о решающем влиянии семьи как агента политической социализации на ее латентной стадии. Вертикальная структура власти в семье задает и принцип авторитарной иерархии государства — покорность и подчинение тем, кто выше, но угнетение и подавление тех, кто ниже. Такого рода психическая реальность выражается формулой: «я — государство», т. е. авторитарная личность полностью идентифицируется с политическим лидером. Итак, согласно В. Райху, смысл феномена авторитарного лидерства лежит в идентификации масс с фюрером, что аналогично фрейдистскому толкованию идентификации первобытной общины с деспотическим отцом. «Поскольку фюрер знает, каким образом можно пробудить в массах эмоциональные семейные связи, он также олицетворяет и фигуру авторитарного отца»¹⁰. В отношении «лидер — последователи» именно массы «делают» вождя, по-детски стремясь найти защитника и покровителя.

Углубил и развил данные идеи Э. Фромм, принадлежавший вместе с К. Хорни к ревизионистам, расколовшим американский психоанализ на ортодоксов и «неофрейдистов». В работе «Бегство от свободы», впервые опубликованной в 1941 г., Э. Фромм изложил основные идеи своей концепции, которые затем лишь подтверждал в многочисленных последующих публикациях. Для него главным тоже стало учение о характере личности, под которым он понимал некую константную систему инстинктивных стремлений. Характер — это психическая структура, предназначенная для общения человека с природой

¹⁰ Райх В. Психология масс и фашизм. С. 84

и социумом (вместо прямого действия влечений Фрейда). Само строение характера делает человеческое инстинктивное поведение гниющим: бессознательное «рулит» индивидом, но это не либидо, а человеческие страсти вообще. Занимаясь психологическими факторами как таковыми, Э. Фромм подвергает анализу и потребность во власти. Он исходит из посылки, что жажда власти в психологическом смысле есть признак человеческой слабости. Для анализа личности он и использует основную категорию «характер», понимая его как совокупность доминантных побуждений, мотивирующих поведение человека¹¹. При этом он моделирует особый тип характера, названный им «авторитарным». Авторитарный характер, таким образом, есть комплекс мотиваций садистско-мазохистской личности. Авторитарная личность характеризуется особым отношением к власти: с одной стороны, такой человек восхищается властью и подчиняется ей, с другой, он хочет сам быть властью. По мнению Э. Фромма, подобный склад характера и определяет «человеческую базу» фашизма. В чем же корни авторитаризма как проявления личности? Согласно Фромму, это механизм бегства от свободы. Объяснение феномена бегства основывается им на фрейдизме: личность идентифицирует свое «я» с политическим лидером. Речь в данном случае идет о личности, соединяющей в себе черты мазохизма и садизма. Эти склонности возникают у индивида, который стремится избавиться от чувства одиночества и бессилия. Испуганный индивид больше не в силах быть самим собой. Одним из путей к цели и является мазохизм человек избавляется от собственной личности, подчиняясь власти, которую ощущает как сильную. Социальная форма мазохизма это подчинение вождю; к примеру, так происходит при фашистском режиме, где индивид сливается с массой, разделяющей его чувства. Такое поведение является одновременно и попыткой стать частью сильнейшего целого (нации, института). Мазохист в этом слиянии приобретает смысл жизни, защиту от сомнений и избавляется от принятия решений. Противоположные, садистские побуждения состоят в овладении другим человеком, в желании стать

¹¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 141.

его полным повелителем, даже богом. При этом, хотя садизм и разрушительность не идентичны, они часто идут бок о бок. Согласно Фромму, мазохизм и садизм как тенденции связаны между собой, а их общая цель — симбиоз. Психологически это союз двух личностей, «в котором каждая сторона теряет целостность своего «я», так что обе они становятся в полную зависимость друг от друга»¹². Садист нуждается в объекте властвования, а мазохист — в объекте подчинения. Мир для таких людей делится на имеющих власть и не имеющих ее, на высших и низших, на полноценных и неполноценных. Таким образом, авторитарная личность способна только к господству или подчинению и не может испытывать солидарности. Потярный мир авторитаризма включает и персонификацию — «волшебного помощника», наставника и защитника, которого олицетворяет политический лидер.

Для Э. Фромма, как и для В. Райха, садистско-мазохистский характер в Германии являлся социальным характером низов среднего класса («социальный характер» — совокупность черт, присущая большинству членов группы и возникающая в результате общих переживаний и образа жизни). Личность же Гитлера, по мнению Э. Фромма, являлась как выражением социального характера мелкой буржуазии, так и крайним проявлением характера авторитарного. Э. Фромм анализирует автобиографию Гитлера, опираясь на его «Майн кампф» и некоторые высказывания видных нацистов. Во-первых, он обнаруживает садистское стремление Гитлера к власти. Так, немецкий народ фюрер одновременно презирает и «любит» типично по-садистски: это для него женственная масса, получающая удовлетворение от господства вождя и подчинения твердой апостольской воле повелителя. Исследованные тексты, по мнению автора, дают и подтверждение зависимости массы от вождя, и обратной зависимости лидера от массы: общение придает им энергию, ощущение силы и уверенности. Вождь откровенно проговаривается относительно собственной жажды власти, которая рационализируется в аргумент: массы ожидают, чтобы ими управляли. С другой стороны, и массы не лишены садист-

¹² Фромм Э. Бегство от свободы С 137

ского удовлетворения, поскольку их приучают наслаждаться властью над другими народами. Еще одна рационализация садизма вождя — собственная правда и неправота врагов, которые обвиняются средствами пропаганды в жестокости. Несомненно как любовь вождя к сильным, так и его презрение к слабым, именно таким образом структурирована нацистская идеология. Во-вторых, в нацизме есть и проявления мазохизма, желание уничтожить свое «я». Массам постоянно внушается: индивид — ничто, а социалист должен принести личное в жертву общественному. Это самоотречение, самопожертвование индивида преследует цель отказаться от своего «я» и подчиниться власти вождя. Но при этом мазохистские наклонности обнаруживаются и у самого Гитлера, ведь он действует по велению высшей силы — Бога, судьбы, истории, природы, необходимости. Таким образом автор находит у Гитлера обе тенденции авторитарной личности: «жажду власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе»¹³. В итоге Фромм замечает: идеология нацизма выросла из личности Гитлера, поскольку садомазохистские стремления масс привлек именно этот склад характера вождя. Фюрер просто выражал чувства немцев и создал такую иерархию, в которой каждый немец имел над собой того, кому он повиновался, а под собой того, над кем он ощущал свою власть. При этом человек, находящийся на самом вершине, — вождь — тоже ощущал над собой судьбу или другую высшую силу, в которой он мог раствориться. Тем самым авторитарная система предоставила человеку возможность убежать от свободы, однако она не смогла ликвидировать условия, порождающие стремление к ней.

Итак, в центре разговора о невротической личности оказалось исследование некоей психической «реальности», которую лидер стремится сделать реальностью политической. Свой собственный «раздутый» образ невротик в политике выдает за самого себя, заставляя массы верить в «великого человека», имеющего власть. Некоторые политические лидеры отождествляют себя с идеальным представлением о себе самом. И часто такое отождествление свойственно диктаторам, внутренне

¹³ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 198

раздваивающимся на гениально героическую личность и личность, ненавидящую самому себе, проецируемую на врагов. Типичным примером нарциссизма (самовлюбленности и самолюбования) является лидерская личность Сталина. За неимением возможности даже просто остановиться на психоаналитических исследованиях всех лидеров, рассмотрим портрет одного Сталина и выберем типичные работы о нем второй половины XX в. В начале 70-х гг. вышла книга Р. Такера «Сталин как революционер, 1879–1929. Исследование истории и личности». Книга представляет собой наиболее полное на сегодняшний день и авторитетное психолого-биографическое исследование личности Сталина, одновременно подавая пример и психолого-исторического подхода к анализу политического лидера. Так, согласно Такеру, личность Сталина являлась решающим фактором советской истории до 1953 г. Под личностью лидера автор понимает уникальное сочетание личностных характеристик, эмоций и поведенческих реакций Сталина-политика. По мнению Такера, Сталин с 1929 г., т. е. с начала эпохи культа его личности, руководствуется в политическом поведении своим представлением об отношениях «вождь — последователи». Образ созданного им идеального Сталина соответствует понятию «героический вождь», а прототипом его выступает Ленин «На основании этих и других указаний можно прийти к выводу, что психологические мотивы, побудившие молодого Джугашвили избрать героический революционный образ Кобы Сталина, продолжали действовать и в более зрелом возрасте, мешая ему найти какой-либо другой образ. После того как Сталину исполнилось сорок лет, он продолжал считать себя гениальным вождем и борцом. Вся его жизнь представлялась ему в ретроспективе воплощением мечты его молодости — играть роль Кобы при Шамиле — Ленине»¹⁴. Титул «выдающегося продолжателя» дела Ленина и стал целью его амбициозных устремлений, а власть использовалась как эффективное средство для достижения этого базового желания. Согласно Такеру, стать лишь властителем было для Сталина мало — он жаждал

¹⁴ Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 386.

превратиться в героического политического вождя, а символом, помпезно утверждающим лидерские желания, выступало имя «стального человека» Сталин создал целый общественный образ своего идеального «я», раскрывающий внутренний мир героического вымысла на примере исполняемых им ролей: лучший ленинец, выдающийся революционер, герой Гражданской войны, гениальный марксистский теоретик, строитель социализма в СССР «Это не первый и не последний случай в истории, когда личность лидера приобретает решающее значение. Одним из факторов трагической ситуации, которая назревала в коммунистической партии в конце 1929 г., было несоответствие между сталинской самооценкой и тем, как воспринимали его многие в партии. Сталин ощущал непреодолимую внутреннюю потребность сохранить свой образ-идеал в постоянном и четком фокусе и исключить из этого образа все черты своего характера и факты прошлого, которые могли его запятнать»¹⁵. Поэтому масса невинных людей была превращена во «врагов народа», чтобы Джугашвили доказал себе и России, что он действительно Сталин.

В предисловии к своей работе Такер указывает, что на творчество его вдохновила работа К. Хорни, но это уже, как мы отмечали, представляет собой ревизию фрейдизма. Классический же психоаналитический портрет это вообще способ концептирования материала о политическом лидере как личности, ведомой чем-то бессознательным. Согласно учению З. Фрейда, психоанализ политической власти есть проблема генезиса отношений «господство — подчинение» при детерминированности сознания и поведения бессознательными установками, когда глубокие внутренние психические конфликты вызывают к жизни различные защитные механизмы. Рассмотрим в качестве примера работу американского психоаналитика Д. Ранкур-Лафферриера «Психика Сталина» (1988). Охарактеризовав внешнюю сторону личности Сталина (паранойя, мегаломания, садизм, жажда власти, мстительность, самоконтроль), автор подчеркивает свой интерес к бессознательным пластам психического. Для анализа бессознательного он обращается к взаимоотношениям в семье

¹⁵ Такер Р. Сталин: путь к власти 1879—1929. История и личность. С. 441

Джугашвили и делает вывод, что «основной проблемой Сталина, начиная с детства, была разница в отношениях к нему родителей»¹⁶. Во-первых, Ранкур-Лаферриер констатирует ненависть Иосифа к отцу, жестоко избивавшему его в детстве, во-вторых, автор подчеркивает сильную любовь матери к Иосифу, вызвавшую зарождение у него нарциссизма. Неудивительно, что типичная для фрейдистского концепта атмосфера родительской семьи вызывает и проявление соответствующей структуры скрытых комплексов лидера — чувства вины из-за желания отцеубийства и страха поражения. Так, иррациональные драмы в душе Сталина-человека послужили бессознательными мотивами поведения Сталина-вождя, поведение же личности, в свою очередь, стало фактором нагнетания страстей в сфере политики. По мнению Ранкур-Лаферриера, в основе появления поверхностных черт характера лидера лежат подавляемые психологические процессы, например, развитие чувства собственной неполноценности. «Сталин справлялся с этим чувством при помощи таких подсознательных защитных механизмов, как проекция, чрезмерная компенсация, отрицание и рационализация, и создал чудовищно раздутый образ самого себя»¹⁷.

Опираясь на идеи Лассуэлла о перенесении личных мотивов с объекта семьи на общество, Ранкур-Лаферриер констатирует навязчивую идею Сталина о битве (в прямом и переносном смысле). Беспокойство такого рода, согласно Лассуэлли, есть свидетельство заниженной самооценки как мотивации на политическое действие. Итак, главный страх Сталина это боязнь быть битым, потому и в речи его постоянно возникала метафора «битья врагов»: к примеру, на арене мировой истории Отечество не должно быть битым. Автор приводит один из текстов Сталина, где слово «бить» встречается семнадцать раз. С глубинным страхом поражения связан и специфически садистский аспект агрессивности Сталина, которая была для него способом побороть боязнь оказаться жертвой, ведь садист сам превращается в преследователя. В связи с этим особое зна-

¹⁶ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1996. С. 183.

¹⁷ Там же. С. 182.

ченше для вождя приобрели сапоги, которыми отец-сапожник был маленького Сосо Сапоги -- символ из мира его садистских фантазий, поэтому Сталин любил и постоянно носил сапоги. Вследствие того, что отец ненавидел мальчика, Сталин сначала тоже возненавидел себя, а затем возненавидел и весь свет «Онтогенетически Сталин в первую очередь направлял вовне безжалостную ненависть отца»¹⁸. Таким образом, мать создала у Сосо завышенный позитивный самообраз, а отец подрывал его, хотя мальчик мечтал добиться именно отцовской любви. Этот глубинный конфликт и вызвал появление эмоциональных крайностей в личности: боготворение себя и одновременно ненависть к себе. «Первая черта проявилась в поощрении нарциссического культа личности. Со второй он справлялся путем установления террора, направляя ненависть наружу»¹⁹. Кроме того, образ самого себя не совпадал с ненавистью к самому себе, и этот внутренний разлад, как полагал Ранкур-Лаферриер, и привел к жажде власти. Согласно автору, этому способствовала высокая самооценка Сталина (что не согласуется с концептом Лассуэлла). Но, поскольку нарциссизм Сталина ущемлялся, то он продолжал конструировать собственный идеализированный образ, магия величия его носила защитный характер, маскируя скрытое беспокойство. Идеализированный самообраз также трансформировался Сталиным в общественный объект. «Отец народов», «гений всех времен и народов» и др.

Среди защитных механизмов с целью не допустить дальнейшего ущемления нарциссизма Сталин использовал прием отождествления с агрессором, чтобы устранить беспокойство, надо было стать агрессором самому. С этой проблемой Сталин, по мнению автора, справлялся также путем подражания отцу, копируя свой детский опыт. Не удивительно, что советский вождь был мстительным по отношению к врагам, ведь месть это вид магического освобождения от фрустрации путем отождествления себя с агрессором. Отождествление с агрессором замкнуло, так сказать, семейный круг: Сталин-сын по отноше-

¹⁸ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина С. 183.

¹⁹ Там же С. 184.

нию к своим собственным сыновьям вел себя так же, как его отец вел себя по отношению к нему в детстве. Для отождествления, по свидетельству автора, Сталиным было использовано несколько образов, отождествление с тираном по типу русского царя; идентификация с великим Лениным (Ленин II). Кроме того, Ранкур-Лаферрьер констатировал и факт особой проекции-идентификации Сталина с агрессором-Гитлером: «Особенно трагичным было отождествление с Гитлером. Вместе с параноидальными чистками оно привело к одной из самых жестоких войн в истории России»²⁰. По мнению психоаналитика, отождествление с агрессором и есть наиболее глубинное средство защиты данной лидерской личности.

Среди научных авторитетов, таких как Фрейд и Лассуэлл, существует дифференциация в понимании глубинных мотивов жажды власти — идентификация с авторитарным отцом или заниженная самооценка. Конечно, рассуждает Ранкур-Лаферрьер, дефекты внешности Сталина (рост 160 см, лицо в оспинах, левая рука короче правой, сросшиеся пальцы на ноге) тоже вызвали чувство неполноценности, но автор считает их не столь сильным мотивом для выбора поведения данного тирана. Главным источником мегаломании и жажды власти он полагает «не ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом)»²¹. Отечественный образ Сталина воплотился во всем в названии великой войны, именах вождя, семейных метафорах политики. А люди, жившие в стране, солдаты армии воспринимались как метафорические дети. На них лидер и должен был направить свой гнев, как это делал Виссарион в отношении маленького Сосо. Взрослый Сталин отождествлял себя, главным образом, с отцом, строгим к нелюбимым детям. И последний авторский аргумент — что сын Яков был Сталиным принесен в жертву — подтверждает его очевидную склонность к классической фрейдистской точке зрения. Итак, резюмирует Ранкур-Лаферрьер, в центре «раздутого» самообраза Сталина лежит все-таки идентификация с авторитарным отцом.

²⁰ Ранкур-Лаферрьер Д. Психика Сталина. С. 183.

²¹ Там же. С. 99.

Бихевиористский ориентированная политология одним из ведущих принципов исследования полагает необходимость использования достижений других научных дисциплин, в том числе и медицины. Потому при обсуждении нарциссического типа небезынтересно привлечь и материалы книги австрийского профессора медицины А. Ноймайра²². Описывая признаки нарциссической мании величия Сталина, Ноймайр подчеркивает, что насилие над ребенком имеет необратимое влияние на последующее психическое развитие человека. Наблюдается парадокс: ребенок в принципе не хочет ненавидеть отца, мучающего его, ведь он его любит. Вытесненное переживание запечатлевается в подсознании ребенка и порождает у взрослого внутреннее желание повторить страдания детства. Причем человек, идентифицирующий себя с агрессором, не испытывает сочувствия к своей жертве, ведь он мстит за детские обиды. При этом лидер проецирует обиды на политические институты, на другие личности. По мнению Ноймайра, «юношеский кризис идентификации» Сталина (идентификации «я») завершился выбором жизненного пути профессионального революционера. Именно тогда он выстроил идеализированный образ своей личности. Образцом послужил Коба, кавказский аналог Робин Гуда, с личности которого молодой Иосиф и стремился скопировать свое поведение. «В современной теории нарциссизма в подобных случаях принято говорить о формировании связи типа *alter ego*, подразумевая при этом размытие физических границ между собственно личностью и вторым партнером, в данном случае — кавказским героем Кобой, когда второй партнер воспринимается почти как близнец»²³. Нарциссическая личность отражает только ту данность, которая соответствует ее желаниям; все остальное, находящееся вне эгоцентрического круга, выпадает из внимания, а другие личности интерпретируются лишь относительно собственной личности лидера. При этом критика, угрожающая идеалу, созданному фантазиями, преследуется вплоть до физического уничтоже-

²² См.: Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон Гитлер Сталин. Ростов н/Д, 1997

²³ Там же С. 457

ния «Причина возникновения культа Сталина кроется, в первую очередь, в его нарциссической манере величия, а не в заслугах «великого вождя» как реальной человеческой личности»²⁴ Таким образом, Сталин, по мнению Ноймайра, это экстремально нарциссическая личность

Из сказанного следует, что нарциссическая лидерская личность, согласно психоаналитической теории, формируется в детстве и юности, когда происходит идентификация «я». Нормально развивающийся индивид от детских мечтаний и юношеского идеализма переходит к выполнению взрослых ролей и берет на себя ответственность. Но невротик остается в мире детства, продолжая и в зрелом возрасте копировать реального или символического отца. Ведя разговор об этом на языке фрейдизма, Э. Эриксон и создает оригинальный концепт инфантильной личности лидера. Однако, хотя исследование Э. Эриксона личностей политиков (Гитлера, Лютера, Ганди) созданы под влиянием психобиографий З. Фрейда, исследователь не делал специального акцента именно на неврозе личности. Главные его работы написаны в русле так называемой эгопсихологии, основанной Анной Фрейд. Если у З. Фрейда «я» детерминировано «оно», то эгопсихология полагает «я» более автономным. Эгопсихология концентрируется на детском психоанализе и проблемах психического развития личности, а Э. Эриксон известен как автор учения об идентичности. Идентичность предполагает усвоение образа самого себя в мире и чувство адекватного владения личностью своим «я». Идентичность — качество взрослой личности, тогда как невротик личность инфантильная. Процесс становления идентичности, согласно Э. Эриксону, включает ряд психосоциальных кризисов, главный из которых приходится на юношеский возраст. При удачном его преодолении и формируется чувство идентичности, в противном случае наблюдается спутанность идентичности, т. е. неуверенность в своих силах, сомнение относительно своего места в обществе, неясность жизненной цели. Понятие идентичности личности подразумевает и пробле-

²⁴ Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон Гитлер Сталин С 458.

му связи, и конфликта поколений²⁵. Наиболее известная книга Э. Эриксона «Детство и общество» (1950) включает также и характеристику личности Гитлера²⁶. Эриксон традиционно обращается к юности Гитлера и пишет о его родителях, но этот материал ему нужен не только для написания еще одного «романа невротика». Он рассматривает Гитлера как представителя молодого поколения, стремившегося убежать из отчего дома, для которого реальные отцы в этом странствии на чужбине замещались символическими фигурами природы, фатерлянда, искусства. Для автора психика Гитлера воплощает некий патерн (образ-образец) индивидуалистического юношеского бунта против немецкой покорности как гражданского поведения. В этом мистическом процессе становления личности судьба (субститут матери) играла огромную роль, что, по мнению Э. Эриксона, говорит об инфантилизме подобного сознания. Такого рода героическая образность напоминает ему миф об Эдипе, стремившемся освободить свою мать. Мать это еще один патерн, но уже ментального мира политики, который был спроецирован на отношение лидера к Германии (отношение, как его понимают фрейдисты, двойственно). Германия для Гитлера есть мистическое национальное тело. Юношеский бунт Гитлера отразился как в зеркале в созданной им молодежной организации «Гитлерюгенд», для которой эталоном стал не отец-родитель, а политический лидер. Именно таким молодым гитлеровцам и «принадлежала» Германия. Третий патерн — мифологическое время-пространство, имеющее отношение к проблеме сохранения национальной идентичности, для решения которой и предлагалось воссоздание рейха, этого вместилища мистического национального духа. Таким образом, Гитлер-лидер, согласно Э. Эриксону, воплощал в политическую жизнь юношескую фантазию своего народа.

Идею особого «молодежного лидера» Э. Эриксон развивает в работе «Идентичность: юность и кризис» (1967). С одной стороны, юность, эволюционируя в сторону взрослой ответственности, усваивает лидерство и ведомость. Здесь в лидерстве

²⁵ См подробнее: Эриксон Э. Идентичность юность и кризис. М., 1996

²⁶ См. Эриксон Э. Детство и общество. М., 1996.

помогает ориентироваться превалирующая идеология: создается общественная структура, когда одни следуют за лидерами и подчиняются им, но и лидеры подчинены вышестоящим лидерам. Однако это ведет к смещению родительских образов, установившихся в инфантильном супер-эго, с иерархией образов, составляющих галерею идеалов социума. (Супер-эго — инстанция личности, отвечающая за совесть и запреты.) В системе идеалов, которую общество представляет молодежи в форме идеологии, есть «технология подчинения лидерам, которые в качестве сверхчеловека или «старших братьев» стоят над амбивалентностью детско-родительских отношений»²⁷. Таким образом, по Э. Эриксону, идентичность и идеология это два аспекта процесса созревания индивида до такой формы идентификации, как солидарность (идеология здесь конструирует образ мира). Но, с другой стороны, юность выполняет и свою особую функцию в обществе и истории. Чтобы войти в историю, каждое молодое поколение должно найти свой смысл жизни, свою идентичность. Существуют «молодежные лидеры» как успешные идеологические лидеры (неудавшийся идеологический лидер — тип Гамлета). Это чаще всего запоздалые подростки, которые из необычайно глубоких конфликтов создают полярности своей харизмы. Как правило, они присоединяются и к кризису целого поколения (таким лидером для Э. Эриксона был молодой Лютер). «Их ответы часто создают более широкую идентичность из всего, что беспокоит человека, особенно юного, в критические периоды: опасности, происходящей от новых открытий и оружия, тревожности от травм детства, типичных для времени, и экзистенциального ужаса ограничений «эго», увеличенных дезинтегрирующих сверхидентичностей»²⁸. Среди страстных идеологических лидеров, считал Э. Эриксон, распространены люди, боящиеся взросления, с патологией глубокой изоляции для защиты вечно «подростничающего» «эго».

Итак, зачастую невротик воплощает в реальность свои юношеские фантазии и проецирует на политику собственные дет-

²⁷ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. С. 197.

²⁸ Там же С. 274

ские проблемы. Но как же это возможно? На этот вопрос отвечает фрейдистская версия психологии масс. В терминах психоанализа бессознательное доминирует над «я», а политический лидер, ведущий за собой массу, это «сверх-я» каждого последователя. По Фрейду, на вождя проецируется либидозная привязанность членов общества, носящая характер идентификации, что и объясняет отношение «вождь — масса»²⁹. Здесь надо пояснить: понятие «либидо» имеет двойственную природу. С одной стороны, есть нарциссическое либидо, которое демонстрирует любой диктатор, любящий самого себя. С другой стороны, либидозная привязанность связана с поиском объекта, тогда толпа любит своего вождя. Так масса идентифицируется с лидером. Откуда берется желание идентификации с объектом? Образец генезиса такого желания дает семейная родительская группа, включающая отца. Так, по Фрейду, формируется особая структура личности, где вождь составляет социальное «я» массы, доминируя над ней. Данные идеи Фрейда развивает С. Московичи, разрабатывая собственную теорию социальных представлений (своего рода, обыденных убеждений, конструирующих реальность). Поэтому С. Московичи и обращается к феномену вождизма, создавая концепт вождя, по-прежнему находящийся в предметном поле исследований о психологии масс. С точки зрения теоретических оснований, С. Московичи в своей монографии «Век толп» (1981) отталкивается от классических трудов Г. Лебона и Г. Тарда. Итак, масса повинуется «принципу вождя», т. е. за каждым проявлением коллективного психического прячется индивидуальность. Отношения «вождь — масса» есть процесс подражания: вождь обольщает, строя свой авторитет; а толпа зачарованно смотрит на него, как в зеркало, узнавая себя. «Как только люди объединяются, они стихийно начинают подчиняться одному из них. Лидер — это тот, кем все восхищаются»³⁰. Почему же и откуда в политике возникает феномен вождизма? По мнению автора, вдохновленного концептом генезиса культуры Фрейда, явление вождя

²⁹ См. Фрейд З. Психология масс и патология человеческого «я» // Преступная толпа М, 1998.

³⁰ Московичи С. Век толп С. 228

имеет корни в архаическом символизме культуры, нагруженной эмоциями групповой среды (праздники, ритуалы, мифы). Впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс в форме мнемических следов («мнемоника» – искусство запоминания, основанное на законах ассоциации). То, что относится к первичной групповой идентификации, приобретает вид принудительной модели. Память, играя на контрасте прошлого и настоящего, снабжает нас «соблазном ностальгии», противопоставляя реальным лицам много (образ) их эквивалентов. Так, во всех императорах возрождается Цезарь или Наполеон. Здесь харизма лидера связана с возвращением образа, который масса и узнает.

В описании архаического символизма лидера С. Московичи также опирается на фрейдистскую методологию. По Фрейду, идеи которого воспроизводит и частично развивает С. Московичи, первобытный вождь это всевластный отец, подавляющий сексуальные желания членов орды. Отношение к отцу двойственное: с одной стороны, он воплощает идеал, но, с другой, это объект сыновней ненависти. В конце концов сыновья убивают отца, скрепив кровью братский союз (обряд съедания тотема). Тем самым атмосфера насилия отцовской власти сменяется отношениями права и идентификацией с коллективом, т. е. закон возникает как следствие убийства отца. Власть при этом оказывается разделенной между сыновьями. Однако убийство вызывает мучения совести убийц, а группа начинает любить саму память о вожде. Общество испытывает потребность в новом отце, и каждый из сынов старается его заменить. В борьбе за власть один из них и превращается в узурпатора, присваивая себе титул вождя-продолжателя. Итак, резюмирует С. Московичи, много вождя воскрешается, а наследник присваивает себе черты незабвенного основателя сообщества: Моисея, Христа, Ленина. Полнотеческий вождь, например Сталин, сосредотачивает в своих руках всю власть. Он сохраняет форму братского клана, но восстанавливает патриархальный порядок доминирования. В основе нового порядка лежит вера в вождя. Если вера ослабевает, то связь вождя и массы распадается. Вождь должен быть не только человеком власти, но и приверженцем идеи, убеждения или веры. Такое удачное соединение

в одной личности дает возможность переплавить индивидов в массу, которая «помещается» в форму партии, движения, нации. Вождь внушает ей чувство принадлежности к особой группе, имеющей миссию, лидер же — это душа нового мира. «Его способности сливаются с материей власти. И тогда мы можем безоговорочно заявить: вождь господствует. Но он господствует потому, что вера, его и масс, сделала его вождем»³¹. Таким образом вождь это, по сути, веберовский харизматический лидер.

По мнению С. Московичи, современные вожди делятся на две основные категории: вожди типа Моисея и вожди тотемические. Вожди первого типа это пророки, основатели республик, создатели общественных и религиозных течений (Магомет, Маркс, Ганди). Ко второму типу относятся тираны и демагоги. Принцип власти первых можно выразить известными словами: «Не сотвори себе кумира». Для пророка главное, чтобы люди восхищались высшими идеями, а не лицами, их воплощающими. Если вожди моисеева типа стремятся не превращать свое изображение в орудие власти и не делать себя объектом обожания, то тотемические вожди, напротив, поддерживают культ своей личности. Тотемические вожди строят свой пантеон (в античности культовое место, посвященное богам), где размещают знаки власти. Такой вождь это режиссер лидерской личности, он создает образ, которым можно гордиться. Фигура Сталина приобретает отцовские черты, он всегда окружен детьми, своим народом. И, наконец, Сталин становится не только вождем, но и учителем. Итак, по мнению С. Московичи, именно пророк стал архетипом современного лидера. Пророк нес людям доктрину, догму, священный текст, светскую религию. По содержанию же произошло обожествление отца и воскресение его образа. В центре светской религии, таким образом, возникает культ вождя, т. е. культ личности политического лидера, но уже героя-продолжателя. Другое отличие типов, согласно С. Московичи, состоит в характере идентификации: вожди типа Моисея стремятся идентифицировать массу с идеей, а тотемические вожди — с собою. Автор противоп-

³¹ Московичи С. Век толп. С. 374.

ставляет личную скромность основателя Леннина и типичный «тотемизм» наследника Сталина, превратившего мавзолей в пьедестал для вождизма. Сталин сотворил вокруг себя ауру всемогущества личности вождя, обладающей необыкновенными качествами, поведенчески непогрешимой, способной на великие дела вплоть до чудес. Любовь к жестокому тирану кажется с позиции индивида необъяснимой, но, подчеркивает С. Московичи, с точки зрения психологии масс, она логична. «Вера оправдывает эти безмерные преувеличения, как это обычно делает реклама. Таким образом, она замыкает массы в мире иллюзий, обилия утопий или безграничной справедливости, который как раз и является миром магическим»³². В сущности, вождь, являясь голосом совести масс, провоцирует их на регрессию к детскому состоянию. В данной трактовке лидер это, собственно, уже не столько личность, сколько политический символ и архетип коллективного бессознательного.

Идея архетипа, как известно, принадлежит К. Г. Юнгу, который, создавая концепт невротика, отмежевался не только от натурализма и детерминизма Фрейда в понимании личности (как это сделали неофрейдисты), но и от психоанализа, дав особое название своей психологии - «аналитическая». Иначе говоря, «речь» Юнга направлена на тот же мир политики, но «язык», на котором ведется научный разговор о политическом лидерстве, дешифруется в его собственной модели. К. Юнг полагал, что «болеет» именно личность, а не организм, и личность как таковую можно понять не через толкование ее детских конфликтов, а посредством изучения опыта социума и культуры в целом. Вот как К. Юнг описывает невротическую личность в действии: «Если вы наблюдаете поведение невротика, то можете видеть его совершающим некоторые поступки по видимости сознательно и целенаправленно. Однако если вы спросите его о них, то обнаружите, что он или не осознает их, или имеет в виду нечто совсем другое. Он слушает и не слышит, он смотрит и не видит, он знает, однако не осознает. Подобные примеры столь часты, что специалист понимает, что бессознательное содержание разума ведет себя так, как если бы

³² Московичи С. Век толп С 411

оно было сознательным»³³. Невротическая личность в политике для К. Юнга это своего рода одержимость и лидера и массы одним архетипом, в результате чего они подпадают под власть сил бессознательного в целом. Согласно трактовке К. Юнга, такое сомнамбулическое поведение есть свидетельство процесса психической инфляции. Когда происходит идентификация с коллективной фигурой, лидер наделяет себя качествами, которыми на самом деле не обладает, непомерно раздувая свою личность. Бесконтрольность бессознательного, как правило, и приводит к возникновению псевдоманальности лидера. С таким псевдохаризматиком и идентифицируются массы, проецируя энергию бессознательного на этот внешний политический объект. Таким способом массы идентифицируются и с архетипами, создавая психическую «реальность», в которой вместо человека действует образец (отца, правителя, учителя и т. п.). Образец есть пустая форма, за которой скрыт деградировавший индивид-лидер. Политический лидер для массы персонализирует активизировавшийся архетип, поэтому он и воспринимается как заведомо харизматический. Вера в вождя возникает от факта самой проекции. При этом лидер перестает развиваться как нормальное человеческое существо, а политическая среда, символизируемая им, имеет мало общего с демократией.

Человеческая психика, согласно К. Юнгу, это система, где сознательное и бессознательное обмениваются энергией. Если сознание ослабевает, то бессознательное выбрасывает энергию наружу, чтобы сохранить равновесие, и силы его опасны для сознания. Мир священных символов, которые создала человеческая культура, как раз и есть некий защитный экран между тонким слоем цивилизации и мощными пластами первобытного бессознательного в структуре души современного человека. Но если разрушить мир символов, тогда архетипические образы напрямую вторгаются в сознание. В результате возникают массовые движения, войны, революции: так К. Юнг объяснял и явление нацизма, и распространение коммунистического ми-

³³ Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Юнг К.Г. Архетип и символ М., 1991. С. 35

фа о земном рае. Таким способом коллективное бессознательное, разряжая свою энергию в сферу подобных авторитарных политических движений, принимает, с психологической точки зрения, характер массовых психозов. Защищаясь от невротических проблем, люди используют политику для своих отрицательных проекций. Согласно К. Юнгу, невроз проявляется в политических конфликтах вообще. Истоком психопатологии масс является психология индивида. Особенно жестко вытесняются теневые качества (это в душе человека), и проецируются они на внешние объекты. Нормальный человек осознает свою тень, а невротик вытесняет ее в компенсаторных целях, проявляя при этом навязчивое стремление к конфликтам и разрушению. Архетипы же, эти мифологические мотивы, представляют собой формы, в которых переживаются данные коллективные феномены. Особый пример тут подала Германия, где силы бессознательного прорвались через моральные заслоны: первобытные инстинкты, жестокость и насилие, т е силы тьмы вышли в идеологию. Так сформировалась масса, у которой появился и лидер. Гитлер стал фигурой тени, вытесненной стороной немецкой личности и проекцией коллективного бессознательного. Однако немцы ждали противоположного — они ждали порядка, но, что парадоксально, избрали своим лидером жертву неконтролируемых желаний. «Как и остальной мир, они не понимали, в чем заключается значение Гитлера, не понимали, что он символизировал нечто, имеющееся в каждом индивиду. Он был наиболее чудовищной персонализацией всех низменных человеческих проявлений. Он был совершенно неспособной, неадаптивной, безответственной и психопатической личностью, наполненной пустыми, детскими фантазиями, но одаренной острой интуицией беспризорника или крысы. Он представлял тень, низшую сторону личности каждого, в ошеломляющих масштабах; и это была другая причина, по которой за ним последовали»³⁴. Потому, выводя психологические истоки власти диктаторов из примитивной психики, которая с первобытных времен формировала

³⁴ Юнг К. Г. Борьба с тенью // К. Г. Юнг. Синхронистичность. М.-К., 1997. С. 48, 49.

коллективное бессознательное. К. Юнг связывает свою классификацию диктаторов XX в. с типами сильных людей в примитивной культуре. Это «вождь» и «шаман». Вождь обладает физической силой благодаря своей власти над армией. Шаман же наделен иной мощью — магической, «в силу власти, спроецированной на него людьми», а поскольку люди признают за ним сверхъестественную способность, его власть могла иногда переходить во власть императора. Примерами диктаторов-вождей являются Муссолини и Сталин, а примером шамана — Гитлер³⁵. Если Сталин кажется К. Юнгу прямо-таки каким-то животным, чем-то вроде саблезубого тигра, то Гитлер, напротив, бесплотный человек-миф, зеркало бессознательного масс, ведь истинный вождь всегда ведом этим бессознательным. Таким образом, любой политический лидер, раздувший свою личность за счет энергетических проекций коллективного бессознательного, впадает в мегаломанию, доходящую до самообожествления. А поскольку личность лидера деградирует, то усиливается чувство его неполноценности, снимающееся идентификацией с коллективным же бессознательным. Личность невротика испытывает страх потерять уверенность и власть, в силу этого она параноидально подозрительна. Поэтому самоутверждение в политике происходит через тоталитаризм и диктаторство. Так, К. Юнг, пользуясь понятиями коллективного бессознательного и архетипа, впервые дает психологическую трактовку природы современной ему диктатуры и по-новому (в сравнении с Лебоном и Фрейдом) объясняет феномен политического диктатора как вождя масс.

И, заканчивая разговор о невротической лидерской личности, мы, как это принято в теории постсовременности, не станем заниматься критикой концептов, предоставив читателю возможность составить собственную авторскую «речь», выбрав адекватный «язык» для осмысления как феномена политического лидера прошлого века, так и его психологической интерпретации, искавшей причины явления лидерства в психике.

³⁵ Юнг К.Г. Интервью Х. Никербокеру, 1938 г. // Одайник В. Психология политики. СПб, 1996. Приложение III. С. 345.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР КАК ОБРАЗ

Э. Тоффлер, ведя речь о метаморфозах власти в современном обществе, заметил, что произошёл подлинный взрыв в сфере символических образов реальности телешоу с его героями записывается в «файлах» сознания и формирует «банк данных» о мире политики. Сегодня власть осмысливается в категориях коммуникации, при этом массовая коммуникация характеризуется таким прогрессом в области технологий носылки сообщений, что трансформируется даже то, «как мы думаем, какими мы видим себя в этом мире и, таким образом, каково наше отношение к различным правительствам». В итоге для официальных или революционных лидеров «становится невозможным руководить идеями, образами, данными, информацией или знанием, как они это делали раньше»³⁶. Итак, в сущности, можно вести речь о метаморфозах политического лидера, связанных с коммуникативным аспектом отношения «лидер — последователи». Но что именно изменилось, ведь тоталитарные вожди тоже специализировались на массовых политических шоу?

Французский социолог П. Шампань приводит характерный пример: «В ходе президентской кампании 1988 года, после того, как один из кандидатов, внешне мало склонный к представлениям в СМИ, после того, как спел песенку перед телекамерами в компании с другим политическим деятелем, поддерживающим его кандидатуру, он объявил своему окружению, уже без микрофона: «Мне сказали (т. е. советники по коммуникации), что нужно было, чтобы я выглядел глупо, ну я и стал выглядеть глупо»³⁷. По мнению Шампаня, перед нами пример новой политической игры, которая выражается с помощью современных средств коммуникации, и подобного рода актерство стало сегодня частью «ремесла политика». Эти перемены автор считает искусственно навязанными политикам рекламистами лишь с начала 60-х гг. XX в. Чтобы продать свои технологические услуги, специалисты по рекламе должны были изменить

³⁶ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001. С. 435.

³⁷ Шампань П. *Делать мнение: новая политическая игра*. М., 1997. С. 36.

представление о политике и о том, какое поведение для кандидата на выборную политическую должность легитимно. В результате проявилась тенденция к разрушению прежних форм политического капитала (авторитета, наработанного в партии; искусства красноречия в парламентских дебатах и т. п.). В конце концов менялись правила, организующие политическое соревнование. Раньше некоторые политики отказывались от бесплатного времени на телевидении, чтобы «не опуститься» до продажи себя как обычного товара, но сегодня без политической рекламы нет лидера. Таким образом, новый способ занятия политикой связан с применением технологий массовой коммуникации, а также с технической компетенцией специалистов по рекламе, политическому маркетингу и имиджу. Так, считает Шампань, и возникла новая политическая игра, а правила ее исходят из логики символического господства. В центре игры — средства массовой информации с их главной целью привлечения максимальной аудитории, которая, конечно же, политикой не интересуется (это вам не митинг протеста и не партийная акция людей, имеющих убеждения). Политика в традиционном смысле не интересна массам зрителей, поэтому политтехнологи и мобилизуют схемы восприятия категорий политической перцепции. Шампань резюмирует, что в символической борьбе все решает коллективное бессознательное, некая примитивная культура.

Авторская «речь» П. Шампаня отталкивается от базового концепта другого французского социолога, П. Бурдьё³⁸, который ввел в научный оборот категорию «поле политики», рассматривая его как рынок, где есть спрос и предложение. В центре целостной концепции поля находится борьба агентов, в том числе и за легитимацию власти, доминирующую тенденцию в политическом поле. Поэтому основной ставкой в политической игре и является монополия на формирование политических представлений. По мнению П. Бурдьё, политическая стратегия агента не складывается лишь на основе субъективного рационального знания о политике, однако это и не результат одного грубого внешнего принуждения. Тем не ме-

³⁸ См. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

нее большое значение здесь имеет легитимное наследие власти, обладающее символической природой. В связи с этим простейшая форма политической власти вообще — это власть номинации: отсюда, к примеру, влияние опросов общественного мнения (и Шампань, и Бурдые доказывают, что опросы общественного мнения формируют его как артефакт). Так идет работа по производству и внушению смыслов, поскольку навязывание мнения является лишь одним из технических приемов манипуляции сознанием граждан. Публикация, презентация, репрезентация, манифестация — все это виды объективации представлений о мире политики. Тот, кто может объективировать нужные ему смыслы, тот получает символический капитал. Борьба же в поле политики идет за «стиль» легитимной перцепции, за различия символических систем, ведь потребление символической продукции это тоже своего рода отличительный знак (на языке рекламистов это «позиционирование» товара). Таким образом, политическое пространство выступает как пространство стилей. Вот эти стили, т. е. различия и воспринимаются аудиторией. В символической борьбе за монополию легитимной номинации как официального видения мира политики агенты используют все виды власти для установления таксономии — порядок классификации, имеющей иерархическое строение. В психологическом смысле официальная номинация есть акт символического внушения, т. е. влияние мнения политического эксперта, официального лица, авторитетного лидера и т. п. Политика в понимании Бурдые — это действие с помощью знаков, а ее символическое значение состоит в том, что, просто номинируя, можно объявить существующей и абстракцию. Все рассуждения П. Бурдые наводят на мысль, что современное телешоу как самопрезентация и репрезентация политика относится к эффективному средству, обеспечивающему власть номинации в целом и являющемуся конкретным актом символического внушения. В центре этой официально создаваемой картины мира политики видится лидер, который объявляется первым, лучшим лидером. Но сам «стиль» перцепции лидерства не традиционная серьезная речь политического оратора, а участие в игровой среде как таковой, это «политический ба-

лаган» с песенками, игрой на саксофоне и другими атрибутами американизированного политического маркетинга.

На высказывание П. Бурдые о телевидении опирается норвежский социальный антрополог Т.Х. Эриксен, рассуждая о стратегии средств массовой информации. Эта стратегия направлена на сокращение информации как таковой, что создает эффект ценности той ее порции в общем потоке, на которую вы готовы потратить свое внимание. Итак, по мнению Бурдые, «дробное» время телевидения с его торопливой журналистской создает новую интеллектуальную культуру, выдвигающую один тип людей. Антрополог называет их «быстромыслящими» (Эриксен проводит аналогию с комиксами, где герой молниеносно выхватывает пистолет, быстромыслящий же «думает быстрее, чем летит пуля»). Так, за пару минут в прямом эфире он решит все ваши проблемы. Те же, кому нужно сосредоточиться, взвесить «за» и «против», «становятся незаметными и теряют влияние в этом поспешном, полном суеты времени». Итак, по мнению Эриксена, «главным капиталом политиков стали не политические идеи или способность видеть целое, а умение выступать в средствах массовой информации (Это тоже не ново; в США — стране, где возникло телевидение, — это началось с Джона Кеннеди, улыбка которого была лучезарнее, чем у Ричарда Никсона) Люди, скорость речи которых напоминает пулеметную очередь и которые говорят, как бы выделяя каждое слово жирным шрифтом и большими буквами, поэтому их слова проникают в массовое сознание и воздействуют на него, — отнюдь не медлительные и не обстоятельные»³⁹.

Феномены подобной меднатизированной ускоренной реальности специально исследует французский философ П. Вирлио. По его мнению, на место репрезентативной демократии политических партий пришла «идеология автоматической демократии», основанная на социальном автоматизме опроса мнений или оценки телеаудитории. Мы живем в эпоху новой разновидности демократии, «работающей» по типу условного рефлекса, когда предвыборную кампанию выигрывают навя-

³⁹ Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М., Издательство «Весь Мир», 2003. С. 138.

такие мнения, а демонстрация партийной программы уступает место «зрелищной» разработке индивидуального поведения, параметры которого давно определены рекламой»⁴⁰. С точки зрения П. Вирлино, сегодня всякая попытка телекоммуникации подвергается насильно всеобщего «онтического шока». Это означает несогласованность политкорректного языка с визуально некорректными образами (кадрами насилия, потоками крови и т. п.). Так возникает дилемма языка, который более не нужен как дар общения, при этом «урезанный» язык смешивается с другими категориями репрезентации. Переход к «ужасу без крика» П. Вирлино тоже связывает с переменами в начале 60-х гг. XX в. и революционным компонентом здесь, по его мнению, стала эстетика образа. Топ-модели не являются атрибутами лишь моды на одежду, эти молчаливые «манекены» предвещают смерть живого языка, а электронная Вавилонская башня грозит разрушиться из-за исчезновения живого языка. Сегодня нужно делать все сразу и как можно быстрее, потому самая сложная ситуация сводится к простому выражению, а слова уступают место непосредственности картинки. По существу, дилемма коммуникации, считает автор, и стала угрозой старым представительским демократиям. Раньше политические лидеры держали речи по три-четыре часа и даже сами писали их «Сегодня мы можем задать себе один простой вопрос: как выглядели бы сейчас великие исторические трибуны, такие, как Клемансо или Черчилль, в телевизионных передачах, типа «Шоу двойников», заполняющих жестикулирующими и неподвижными политическими клонами экраны во всех демократиях мира?»⁴¹. Так, снявший молодостью Кеннеди выиграл у Никсона за счет физической привлекательности. Рейган оставался импозантным и на склоне лет, а Пэнси обладала безукоризненной фигурой. Буш-старший был весьма приятен, а вот его жене приходилось извиняться за свою внешность. Клинтон напоминал Кеннеди, а Хиллари перенесла множество пластических операций. К концу XX в. количество политических супермоделей значительно возросло. Сегодня, считает П. Вирлино,

⁴⁰ Вирлино П. Информационная бомба. Стратегия обмана М., 2002 С. 88

⁴¹ Там же. С. 61.

великий лидер вообще не нужен, а избранный кандидат тотчас перестает обращаться к нации и лишь дрейфует в потоке коммуникации. Клинтон, к примеру, заставили говорить так быстро, как это возможно, чтобы все сказать за девяносто секунд и уже более ничего не говорить после избрания. «За короткий срок на наших экранах появились новые политические мутанты: Бенъямин Нетаньяху, Йьорг Хайдер, Тони Блэр и т. д. Эти персонажи не только обладают пристойным физическим обликом — они также понимают, что в мире полной глобализации уже, по сути дела, не существует “правого” и “левого”, что после разрушения Берлинской стены эти понятия потеряли буквальный смысл. Остается лишь дилемма средств коммуникации, конфликт между речью и образом»⁴². В итоге дискурс лидеров традиционных партий, полных политических банкротов на сегодняшний день, по мнению автора, сменился дискурсом новых политических топ-моделей, напротив, весьма убедительных. Если политические руководители первой телеволны корректировали свою внешность, то новейшие топ-модели тоже это делают, но, кроме этого, при безмолвии народа они говорят, и «их речь обращена не к некоторому коллективному бессознательному, но к новому состоянию сознания, предполагающему ежесекундное непосредственное насилие всеобщих коммуникаций»⁴³. Таким образом, согласно П. Вирлино, пространство политической коммуникации превратилось в пространство политической рекламы. Здесь автор имеет в виду замену прямого воздействия лидера на массовую публику опосредованным индивидуализированным влиянием рекламного продукта. При этом, на наш взгляд, индивидуализация взамен массовизации не устраняет того факта, что главными мишенями политической рекламы являются уровни подсознания и совершенно неосознанной мотивации, т. е. те же объекты воздействия, что и у традиционной партийной пропаганды.

Смысл всех отмеченных перемен в том, что средства массовой информации создают рассеянную массу нового типа, о которой писал еще Г. Тард. При этом телевидение особо концент-

⁴² Вирлино П. Информационная бомба. Стратегия обмана. С. 63.

⁴³ Там же

рируется на игровых моментах политического действия. Сегодня свойственный культуре игровой элемент воплотился в игровой сущности рекламы, которая, по мнению французского социолога Ж. Бодрийяра, по-новому объединяет общество. Реклама устанавливает «волшебную» интегрированность социума, стараясь восстановить инфантильную неразличимость предмета и желания его. «Поэтому за рекламной психологией необходимо слышать демагогию политического дискурса, чья тактика также основана на раздвоении: социальная действительность раздваивается на реальную инстанцию и ее образ, который ее скрадывает»⁴⁴. Тиражирование рекламных изделий, как считает Ж. Бодрийяр, пришло на смену морально-политическим идеологиям прошлого, при этом технологии способствуют интериоризации социальных норм в самом жесте потребления. Рекламный знак говорит нам о вещи, но не истолковывает ее, а в самом образе уже есть презумпция обладания. Так, при «чтении» рекламного образа разыгрывается целая психодрама (с фрустрацией устранения реального мира), что позволяет читателю превратиться в потребителя. Одаривание и фрустрация (обладание и лишение) — это две стороны такого рода социальной интеграции. Образ уменьшает все еще вызывающую страх многозначность мира, а смысл дополнительно сужается дискурсом, как бы вторичной легендой. Таким образом, реклама, согласно Бодрийяру, это царство свободных желаний, но само желание провоцирует образ. Подобным способом возникает и образ лидера, т. е. знак, а означаемым его может стать общество (с помощью социальной семантики).

Для чего же нужен образ? Исследователи, как правило, отвечают, что образ заменяет реального лидера-человека при выполнении им функций, связанных с публичной сферой властных отношений. К примеру, продолжая политико-антропологические идеи Э. Канторовича, С.Н. Пинцова пишет, что есть как бы два американских президента: реальный и виртуальный, личность и имидж. Власть для сегодняшних американцев это лишь образ на экране телевизора, символизирующий определенный политический курс. Более того, считается, что реаль-

⁴⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 145.

ный президент не только уступает своему идеальному двойнику, но, по сути дела, представляет собой коллектив управленцев и экспертов, зависящих от социального заказа элиты. Сегодня информационно-управленческие технологии помогают этому лидеру-коллективу просчитывать политические решения, тем самым избавляя номинального политика от ответственности. «Иными словами, виртуальный президент функционально способен почти полностью заменить реального. В устоявшихся системах, вроде североамериканской или западноевропейских, такое замещение действительно происходит. Отлаженные системы управления и политических коммуникаций регулярно предлагают гражданам на выбор небольшое число альтернативных вариантов дальнейшего развития. При этом граждане во все большей степени имеют дело с символическими выражениями предлагаемых программ, а в качестве символов все чаще выступают имиджи именно лидеров, а не организаций»⁴⁵. Итак, современный реальный процесс управления связан с бюрократическими структурами исполнительной власти, а виртуальный лидер лишь «маркирует» направленность ее работы. Имидж имеет самостоятельное бытие в системе политических коммуникаций, сами же изменения в технологиях коммуникации приводят к дальнейшей виртуализации власти. Сегодня субъектом взаимодействия с управляемыми людьми в системе массовой политической коммуникации выступает имидж лидера, потому образ создается с учетом особенностей массового сознания. Данные общие рассуждения автора подкрепляет конкретным примером «раздвоения» Клинтона, при котором, по ее мнению, природный Билл создавал помехи виртуальному президенту в системе политического общения через средства массовой информации. Проблема данной коммуникации, как считает автор, заключалась в искажении «картинки» хорошего семьянина и честного человека фактами супружеских измен и клятвопреступления. Однако, на наш взгляд, это лишь видимость проблемы. На самом деле Клинтон стал любимым персонажем шоу именно

⁴⁵ Пинцова С.Н. «Два тела» президента. Модели репрезентации власти на пороге третьего тысячелетия // Полис. 1999. № 2. С. 125, 126.

за счет своего «визуально некорректного образа», он как нельзя лучше играл по правилам самой новой политической игры

Итак, до сих пор мы выслушали лишь одну сторону в споре о лидере как образе, причем критически настроенную, теперь обратимся к мнению апологетов, т. е. политтехнологов. Один из известнейших специалистов по рекламе Ж. Сегела, консультант ряда президентов, писал: «Приближающиеся выборы станут бурей не только политической, но и информационной. Я внимательно изучил опыт проведения избирательных кампаний в США и Англии. Ангосаксы значительно нас опережают. Я разработал новую методику коммуникации — “персональную марку”, которая особенно хорошо применима для персон, сделавшихся “маркой”»⁴⁶. Методика «персональной марки» Сегелы это такая имиджевая стратегия для кандидата, когда политическая коммуникация заведомо персонализируется, и образ лидера становится торговой маркой для идентификации какой-то идеи, организации, государства и т. п. Лидер «продается» и рекламируется как символическое выражение доктрины, группы, нации. Стратегия Ж. Сегелы для Миттерана включала три элемента, из которых должен был состоять рекламный продукт. Первый это «облик» (политическая программа кандидата); второй — «характер» (особенности личности); третий — «стиль» (образ в восприятии). Сегела прямо пишет, что нужно найти элементарное, но связующее знание, чтобы создать цельный рекламный образ. Стиль Миттерана, кандидата в президенты, стал трехцветным, как цвета французского флага. Таким образом, спокойный человек Миттеран должен был призывать к спокойным переменам, а базовым становился образ спокойной Франции. Девиз же этой кампании был «Спокойная сила». Все перечисленные элементы составляют содержание имиджа, но содержание помещено в форму, что сегодня существенно. Поэтому Миттерану пришлось сменить портного, в результате поменялся и стиль презентации: провинциальный буржуа обрел вид свободного парижского интеллигента. Ж. Сегела считает, что для левого кандидата по контрасту более подходит консер-

⁴⁶ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Восемь уроков для кандидата-победителя. М., 1999. С. 55

вативный тон. Потому в рекламном плакате чувствовалось нечто от Петена колоколенка как визуальный фон, «националистическое» небо, безмятежный взгляд лидера, заголовок академичный, — получается, что весь зрительный ряд выдержан почти в реакционных тонах. Но главное в рекламной кампании, считает Ж. Сегела, не листовки и плакаты, а заключительное телешоу. Теледуэль кандидатов он сравнивает то со смертным боем гладнаторов, то с жестоким матчем боксеров до крови. Что бы ни говорил кандидат, важнее всего визуальное превосходство: «Плохо выбритый, с выступающими клыками, в мешковатом костюме, то и дело моргающий Миттеран уступил место совершенно новому человеку с ироничной улыбкой, в безукоризненном костюме, с безмятежным взглядом»⁴⁷. История выборов Миттерана, на наш взгляд, отражает путь, который вообще проделал в символической коммуникации политический типаж. На первых выборах акцент был сделан на трансформации образа партийного лидера в тон-модель, во второй раз кандидат-президент не мог еще похорошеть, тем более что стал старше. Поэтому Ж. Сегела опять обращается к законам восприятия. «Самыми сильными всегда оказываются самые простые идеи, мы решили дать Президенту официальное прозвище. Нет ничего лучше ярлыка, чтобы передать образ: Чаплин стал Шарло, Гарбо — Божественной, а Богарт — Боги. Так что отец Франции станет «Тонтоном», Дядюшкой»⁴⁸. От себя подчеркнем, что архаизация дискурса (номинарованное) способствует и мифологизации персонажа, провоцирует «тонтономию».

Свои идеи относительно правил создания образа Ж. Сегела выразил в форме восьми «заповедей» рекламиста. Итак, кандидат должен стать «звездой», так как голосуют за человека, а не за партию. Кандидат в президенты обязан символизировать нацию, поскольку голосуют за идею, а не за идеологию. Надежнее бывает выступить в символической роли преобразователя, ведь люди голосуют за будущее. Кандидату лучше предстать «человеком социальным», а не политическим, так как программы

⁴⁷ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Восемь уроков для кандидата-победителя. С. 70

⁴⁸ Там же С. 80.

сегодня никого не интересуют. В информационном поле идет настоящая борьба на уничтожение, поэтому надо подчеркнуть свои сильные стороны и высветить слабости оппонента. Голосуют вообще за «человека-легенду», значит, надо стать фигурой знаковой, чтобы каждое слово, каждый жест или взгляд, увеличенные лучами телеэкрана, формировали образ, поскольку детали не менее важны, чем суть. Для публички «манера, и которой вы ведете схватку, — это прообраз того, как вы завтра будете управлять страной»⁴⁹. Поскольку люди голосуют за судьбу, а не за обыденность, то выборы надо драматизировать. Конечно, это влияние Голливуда, но избиратель «кликнет» на рекламу, если герой внушает доверие. «Поэтому я никогда не думал, что политические деятели могут быть актерами. Скорее я считаю их людьми массмедиа, одновременно зеркалом и рупором народных чаяний»⁵⁰. У спектакля есть своя логика (поднятие занавеса, моменты кульминации и фазы покоя, готовящие новые переживания). Задача консультанта написать такой сценарий, где будут и ожидания, и разоблачения, и брань, и сердечные порывы. Лучше выдавать информацию порциями, в темпе медленного нарастания желания, но ритм этого «фильма» зададут события, поэтому возможно и переписывание сценария. А публичка голосует за победителя, так что очень важен финал. И опять Ж. Сегела подчеркивает значение коммуникационных технологий: «Использовать массмедиа для того, что они умеют делать: телевизионное создает мечту, значит, телепередачи должны заставить мечтать. Значит, изображение должно стать более убедительным, чем слово»⁵¹. И, наконец, голосуют за подлинные ценности, и не стоит надеяться на примитивную манипуляцию. Зритель ждет своего чемпиона, чтобы он воплотил ценность, в которой можно раствориться. У де Голля это было величие Франции, у Кеннеди — «новые рубежи», мечта об ином мире. У торговых марок нет другого секрета: мораль выводится на рекламный щит (к примеру, «американская мечта» это тот же рекламный образ жизни).

⁴⁹ Национальные особенности охоты за голосами. Восемь уроков для кандидата-победителя. С. 197

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 198.

Итак, следует признать, что прототипом политической рекламной кампании вообще выступает американская реклама, а «архетипом» бывает голливудская история о герое: «Американская политическая реклама развивалась под воздействием голливудской кинематографической традиции, включая бурлеск, юмор, игру слов, воображение, виртуозность экспертов по коммуникации, лаконизм и практичность коммерческих рекламных кампаний. Она культивировала энергию и напор, одновременно предельно схематизируя и упрощая образ кандидата, оставляя лишь его стержень. Так, Эйзенхауэр получил образ «человека, который прибыл с Абилены», а Кеннеди воплотил символ «политика, создающего новости». Рейган предстал перед американцами символом счастья с рекламой «Снова утро в Америке»»⁵² Весь «разговор» как в защиту, так и против новой политической игры, очевидно, строится, исходя из оглядки на американский опыт политического маркетинга. И если некоторые критики намекают на искусственность созданной соревновательной ситуации, а также подчеркивают неверие технологов в интеллект современной публики, то рекламисты просто ставят лидера перед фактом произошедших перемен.

Даже в России, где все еще выборные технологии осуждаются в принципе (считаются современным макнавеллизмом и преимущественно «черным пиаром»), раздаются призывы профессиональных консультантов обратить внимание на специфику современной политической коммуникации. Каждому, кто связан с политикой, известно, что в России выбирают лидера, даже если голосуют за партию. Но как делается выбор? Вот характерное объяснение. Н. Гульбинский и Е. Сорокина описывают разницу между лидерами в категориях перцепции. Разница проявляется на контрасте «яркости» и «серости»: «На этом рубеже сегодня проходит основное противопоставление: не коммунист — демократ, как было давно, не реформатор — антиреформатор, как было сравнительно недавно, а яркая, точнее, убедительная, или серая, точнее, неубедитель-

⁵² Лебедева Т.Ю. Паблик рилейшенз Корпоративная и политическая режиссура. М., 1999 С. 180, 181

ная личность»⁵³ Убедительность, в сущности, сводится к тому, чтобы произвести впечатление И в этом смысле не важно, какие партийные идеи отстаивает, к примеру, Жириновский, мастер впечатлять

В связи с этим изменилась и трактовка самого феномена лидерства в политике — теперь подчеркивается преобладающая роль дистанционного лидерства в сравнении с непосредственным влиянием личности лидера⁵⁴. Политтехнолог имеет дело главным образом с дистанционным лидерством, имеющим свои особенности Так, в коллективной работе под редакцией Е Егоровой-Гантман и И Минтусова подчеркивается, что именно опосредованный характер общения с помощью средств массовой информации и вызывает к жизни такой «промежуточный элемент», как имидж лидера Имидж это своего рода «лидер для публики», выполняющий лидерские функции по вдохновлению масс. «Таким образом, в качестве лидера мы имеем здесь не реальную личность, как в случае лидерства “лицом-к-лицу”, а образ лидера Этот образ формируется в результате коммуникации между политиком и аудиторией»⁵⁵. Искусственно сконструированный образ может обладать любыми заданными характеристиками и основная проблема лидерства из личностной сферы перемещается к выработке оптимального «стиля самопроявления». Потому при наличии целого комплекса задач, стоящих, к примеру, перед лидером-президентом, важнейшим делом становится взаимодействие с публикой (поскольку в стабильном государстве экономические и даже политические задачи могут быть разрешены и без участия официального лидера). Отсюда, полагают авторы пособия по имиджу, и проистекает роль коммуникации Последователи имеют дело не с лидером, а с сообщением Материалом же сообщения может быть что угодно рассказ о лидере,

⁵³ Гульбинский Н.А., Сорокина Е.С. «Краткий курс» для эффективных политиков М., 1999 С. 20

⁵⁴ Проблема «личной власти» американского президента посвящена, к примеру, работа Нойштадт Р. Президентская власть и нынешние президенты М., 1997

⁵⁵ Имидж лидера Психологическое пособие для политиков // Политическое консультирование / Е Егорова-Гантман, И Минтусов М., 1999 С. 66

составленный другими, демонстрация персоны лидера и его поведения; политическая символика и т. п. Сообщение специально рассчитано на восприятие и имеет целью оказать влияние на своего получателя, поэтому оно ориентировано на сознание «реципиента», которое при успешной коммуникации наделяет знак значением. Поток такого рода сообщений составляет основу политической коммуникации. Политическая коммуникация это и влияние, и согласие одновременно, так как последователи в целом должны принять официальную картину мира. В связи с этим современная коммуникация не столько обмен мыслями, сколько обмен действиями (ведь слова меняют представление о мире политики, значит, и сам мир). Так политическая коммуникация творит виртуальный мир, который публике кажется реальностью. В мире таких «фактов», интерпретации зрителей не менее важны, чем интерпретации сценаристов. Таким способом сегодня и создается отношение «лидер — последователи». Лидер по-прежнему контролирует «машину», производящую смыслы, но при этом значения должны соответствовать и интересам публики. Последователи могут включиться или не включиться в процесс коммуникации, могут высказаться за лидера или против него. В целом политическая коммуникация создает как образ лидера, так и особую политическую реальность. Для лидера же главное это конструирование своего публичного «я»⁵⁶.

Однако на самом деле существует не один имидж, а множество образов одного лидера: реальный, который есть у последователей, моделируемый командой; идеальный, ожидаемый избирателями и др. Главные трудности, конечно, возникают при идентификации реального образа лидера, и в связи с этим необходимо отметить значение психологического проекта, который ведет Е.Б. Шестопа⁵⁷. Сущность ее подхода к выявлению реального образа российской власти 90-х гг. XX в. заключается

⁵⁶ Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. С. 67—70.

⁵⁷ Шестопа Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии М., 2000. Она же. Восприятие образов власти политико-психологический анализ // Полис. 1995. № 4; Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6; Шестопа Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России // Полис. 1996. № 5.

в том, что она не ограничивается фиксацией поверхностных установок общественного мнения и сугубо рациональных оценок лидеров. Она полагает, что образ лидера имеет многомерную структуру, включающую как рациональные оценки, так и бессознательные составляющие. Потому суть проекта Е. Б. Шестопал состоит в выявлении глубинных пластов установок граждан по отношению к власти. В результате научного анализа обнаружилось, что имеется серьезное расхождение этих поверхностных и глубинных пристрастий, причем реальная русская власть (и в целом ощущаемая как «слабая», т. е. не вызывающая доверия) на бессознательном уровне воспринимается еще и в «темных тонах». В итоге создается обоснованное впечатление, что русские политики весьма далеки от идеального образа лидера, зафиксированного в стереотипах культуры. Но значение проекта не только в выявлении реального положения дел, именно такое комплексное психологическое исследование и позволяет судить о наличии или отсутствии политической коммуникации.

Специально проблемам создания рекламного образа лидера как коммуникативной составляющей системы политического маркетинга посвящена работа С. Ф. Лисовского «Политическая реклама». Выводы автора сводятся к тому, что имидж политика имеет коммуникативную функцию. По своим коммуникативным свойствам имидж и является рекламной компонентой политического процесса, обеспечивая эффективность восприятия информации. Имидж это своего рода посредник между лидером-личностью и массой в процессе политической коммуникации. Специфика имиджевой коммуникации в том, что информация посылается в «свернутом» виде с учетом ожидаемой реакции населения. «Как коммуникативная структура имидж должен обеспечить точность передачи информации, совпадение знаковых систем коммуникатора и получателя сообщения. Он выступает своего рода дешифратором сообщения, переводя его на ряд других языков — на язык аудитории, событийный, визуальный язык»⁵⁸. Данный взгляд на современного лидера опирается на подход к выбор-

⁵⁸ Лисовский С. Ф. Политическая реклама. М., 2000. С. 97

ной ситуации как к конкурентной борьбе на рынке. В условиях многопартийности, которую анализируют С.Ф. Лисовский и В.А. Евстафьев в своей книге «Избирательные технологии: история, теория, практика», политическая игра происходит по правилам маркетинга, а инструменты этой борьбы из того же арсенала. Одним из элементов маркетингового комплекса является продвижение товара, т. е. маркетинговая коммуникация, средствами же ее выступают реклама, формирование общественного мнения, пропаганда и т. п. Авторы оперируют такими терминами, как «товар», «цена кандидата», «место продаж», «продвижение товара». Имидж лидера это и есть имидж политического товара, успешное отражение в сознании избирателей общественных характеристик кандидата. Конечно, рыночные термины звучат непривычно для традиционного российского сознания, привыкшего к рассуждениям об интересах социальных групп и к идеологически оформленному проекту политического будущего. Поэтому, полемизируя с такого рода «моралистами», авторы пособия замечают: «Это не циничный, это технологичный подход. Ведь речь как раз и идет о так называемых выборных технологиях. Сама жизнь заставила обратиться к такому подходу в деле продвижения кандидатов. Альтернатива технологичному, профессиональному подходу – подход дилетантский, непрофессиональный»⁵⁹. Таким образом, авторский концепт процесса становления политического лидера связывается с сугубо технологической стороной политической коммуникации.

Однако символический обмен вообще (и в контексте политической культуры России в частности) не сводится к одним лишь техникам оборота информации. И здесь уместно обратить внимание на точку зрения А.И. Соловьева: «Между тем, поскольку в поле политики присутствуют как рыночные, так и нерыночные способы информационного обеспечения конкурентной борьбы за власть (и соответствующие техники организации взаимодействия акторов), видимо, следует различать маркетинговые (пиар, политическая реклама, инфор-

⁵⁹ Лисовский С.Ф., Евстафьев В.А. Избирательные технологии: история, теория, практика. М., 2000. С. 144

мационный лоббизм и др.) и немаркетинговые (пропаганда и агитация) формы организации дискурсов в этом социальном пространстве. Причем наличие и одного, и другого типа коммуницирования не зависит от характера организации власти и, по сути, является универсальной чертой политической коммуникации в современном мире»⁶⁰. Согласно А.И. Соловьеву, рассматриваемую теоретические проблемы политической коммуникации, преобладающая на сей день «политическая рекламистика» делает системообразующим конструктом в нормативно-символической матрице именно имидж. Но это мировая тенденция постиндустриального общества. А в России, где демократия не построена, соотношения между формами организации политического дискурса таковы, что дендеологизация нормативно-символической сферы политики еще не завершена⁶¹. Итак, концепт лидера как образа по-новому характеризует изменения политического лидерства и указывает вектор развития символической коммуникации не только в условиях постсовременности, но и демократического транзита.

Контрольные задания:

1. Охарактеризуйте авторские концепты лидера как психологической личности:

- З. Фрейд
- Г. Лассуэлл
- К. Хорни
- В. Райх
- Э. Фромм
- Р. Такера
- Д. Ранкур-Лаферриера

⁶⁰ Соловьев А.И. Политическая коммуникация к проблеме теоретической идентификации // Полис 2002 № 3 С 16

⁶¹ См.: Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис 2001 № 2.

А. Ноймайра
Э. Эриксона
С. Московичи
К.Г. Юнга.

2. Выявите сущность и значение концепта лидера как образа для понимания современной политики.

Сведения об авторе

Щербинина Нина Гаррьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета. Ее книги «Политический мир России» (1997), «Героический миф тоталитарной России» (1998), «Герой и антигерой в политике России» (2002) привлекли внимание самых широких кругов читателей. Постоянный автор статей в журналах «Полис», «Вестник Московского университета», «Политический маркетинг».

Щербинина Нина Гарьевна
Теории политического лидерства
Учебное пособие

Оформление обложки *Е.А. Ильин*
Редактор: *Г.Н. Чепыгова*
Верстка: *Е.А. Поташевская*

Подписано в печать 31.03.2004. Формат 60×88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 1000 экз.
Изд. № 35/03-э

ООО Издательство «Весь Мир»
101831 Москва-Центр, Калужский пер., 9а
Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68. Факс: (095) 925-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru, <http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых фотоформ
в типографии ГУ ЦС МПП
135800 Москва, Б-140, Краснопрудный пер., д. 7

Теории ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

«В политике настоящие великие люди — те, которые предвидят зарождающиеся потребности, события, подготовленные провалы, и указывают путь, которого следует держаться».

Гюстав Леблан